

DOI:10.52340/lap

ISSN 1987-5533
e-ISSN 2958-2148

LAW AND POLITOLOGY

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

Право и политология

Международный научный журнал

№ 41
2026

ISSN 1987 – 5533

e-ISSN 2958-2148

DOI: 10.52340/lap

International scientific journal

LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал

ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 41

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized “Law and Politology” as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners:

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

ACADEMY OF NATIONAL AND INFORMATION SECURITY (BULGARIA)

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of CSC (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of CSC (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences, Ass. Professor - co-chairman of CSC (**Sweden**)
Georgi Manolov - doctor of Political Sciences, Professor (**Bulgaria**)
Zurab Khonelidze - doctor of History, Professor (**Georgia**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafazade - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, Ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Lev Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

EDITORIAL BOARD

Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**) – Editor in-Chief
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Tatyana Poloskova - doctor of Political Sciences (**Russia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, Ass. Professor (**Georgia**)
Emin Hajinski – PhD, doctor of History, Ass. Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - doctor of Legal Sciences, Professor (**Germany**)
Teodor Detchev – PhD, doctor of Sociology, Ass. Professor (**Bulgaria**)
Leszek Sykulski – PhD, doctor of Politology (**Poland**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Kairat Osmonaliev – doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Kyrgyzstan**)
Yury Bocharov – PhD, doctor of Politology (**Israel**)
Tamerlan Hajiyeu – master of International Law (**Republic of Azerbaijan**) - executive editor
Aynur Karimova – master of International Law (**Republic of Azerbaijan**) - technical editor

The journal is being issued since 2007

Website: www.law-politology.az
E-mail: editor@law-politology.az

The magazine is registered since
16th of August in 2007.
Reg. № 2320

Решением Высшего Совета по науке и технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального Совета по аккредитации и аттестации журнал «Право и политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является международным изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

АКАДЕМИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (БОЛГАРИЯ)

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель НКС (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель НКС (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук, доцент - сопредседатель НКС (Швеция)
Георгий Манолов – доктор политических наук, профессор (Болгария)
Зураб Хонелидзе – доктор исторических наук, профессор (Грузия)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтен Мустафазаде - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика) - **Главный редактор**
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Лала Ахмедова - доктор филологических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Татьяна Полоскова – доктор политических наук (Российская Федерация)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Эмин Гаджинский - доктор истории, доцент (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права, профессор (Германия)
Теодор Дечев – доктор социологии, доцент (Болгария)
Лешек Сыкульски - кандидат политических наук, доцент (Польша)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Кайрат Осмоналиев – доктор юридических наук, профессор (Кыргызская Республика)
Юрий Бочаров – кандидат политических наук (Израиль)
Тамерлан Гаджиев – магистр международного права (Азербайджанская Республика) - **ответственный редактор**
Айнур Керимова – магистр международного права (Азербайджанская Республика) - **технический редактор**

Журнал выходит с 2007 года

Веб-сайт: www.law-politology.az
E-mail: editor@law-politology.az

Журнал зарегистрирован 16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ромелла ГЮЛЬАЛИЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ.....7

Гасан АЛИЕВ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....12

Эльсевар АББАСОВ

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....21

Закир ШАХМАЛИЕВ

ПРЕИМУЩЕСТВА ЭЛЕКТРОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....24

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кайрат ОСМОНАЛИЕВ, Жылдыз СУПАТАЕВА

ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОПРОСАХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ КАРАБАХА.....28

Эмин ГАДЖИНСКИЙ

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....32

Юрий БОЧАРОВ

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ.....38

Наида ГАДЖИНСКАЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....44

Иван ГАЛАБОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ РОЛИ АЗЕРБАЙДЖАНА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, В ЧАСТНОСТИ—В ПОСТАВКАХ ПРИРОДНОГО ГАЗА.....50

Орудж ОРУДЖОВ

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....53

Аян ГУСЕЙНЛИ

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ.....58

Нурлан АСКЕРОВ

РОЛЬ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ.....61

Ханым РЗАДАЕ

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ.....68

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Romella GULALIYEVA

SOME ISSUES OF CONSTRUCTION SANCTIONS FOR THE CRIMES AGAINST THE JUSTICE.....7

Hasan ALIYEV

LEGAL FRAMEWORK FOR CYBERSECURITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE: CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS.....12

Elsevar ABBASOV

THE CRISIS OF INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CONFLICTS.....21

Zakir SHAHMALIYEV

ADVANTAGES OF ELECTRONIC AND DIGITAL PUBLIC SERVICES IN THE CONTEXT OF BUREAUCRATIC TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION24

POLITICAL SCIENCES

Kairat OSMONALIEV, Zhyldyz SUPATAYEVA

FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE RESTORATION AND RESTITUTION OF CULTURAL HERITAGE IN THE POST-CONFLICT PERIOD: KARABAKH'S CASE28

Emin HAJINSKI

INFORMAL INTERNATIONAL INSTITUTIONS IN WORLD POLITICS: THEORY AND PRACTICE32

Yuri BOCHAROV

VISIBLE AND INVISIBLE WARS IN THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL SYSTEM: POLITICAL MECHANISMS OF SHAPING GLOBAL ATTENTION.....38

Naida HACINSKAYA

MAIN DIRECTIONS OF SCIENTIFIC ANALYSIS OF GLOBALIZATION PROCESSES44

Ivan GALABOV

“STATE OF THE ART” OF RESEARCH RELATED TO AZERBAIJAN'S ROLE IN THE FIELD OF ENERGY SECURITY, IN PARTICULAR - IN NATURAL GAS SUPPLIES.....50

Oruj ORUJOV

DIPLOMACY AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN GLOBAL POLITICS: ROLES, CHALLENGES, AND PROSPECTS..... 53

Ayan HUSEYNLI

GLOBAL GOVERNANCE IN TRANSITION: SOUTHERN PERSPECTIVES, REGIONAL INTEGRATION, MULTIPOLARITY, AND REFORM OF THE UNITED NATIONS.....58

Nurlan ASGAROV

THE ROLE OF DIPLOMACY AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN GLOBAL POLITICS61

Khanim RZAZADA

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN PEACEBUILDING AND CONFLICT RESOLUTION.....68

Ромелла ГЮЛЬАЛИЕВА (Азербайджан),
Доцент Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

В настоящее время ни теория, ни практика не имеют полного представления о том, как создаются пределы санкций. По мнению автора, предусмотрев в статье 15 УК классификацию преступлений, законодатель сделал полшага на пути к полному отказу от санкций в статьях Особенной части УК, поэтому соответствующие нормы уголовного законодательства позволяют отказаться от санкций в статьях Особенной части УК, сформулировав их по следующему принципу: признаки преступления – категория преступления.

Предусмотрев в статье 15 УК классификацию преступлений, законодатель сделал полшага на пути к полному отказу от санкций в статьях Особенной части УК. Согласно данной статье, все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности делятся на преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления. Конструкция уголовно-правовых норм (преступление – вид преступления) позволит избежать многочисленных ошибок, пробелов, дублирований, коллизий, противоречий, повторов и т.д., которые имеют ныне место в санкциях норм главы о преступлениях против правосудия Особенной части УК Азербайджанской Республики. Могут быть ликвидированы несогласованность санкций некоторых статей действующего уголовного законодательства, и неоправданные различия в законодательной регламентации объема уголовной ответственности за те или иные преступления.

В юридической литературе санкция определяется как часть уголовно-правовой нормы (статьи), в которой определяется вид и размер наказания за конкретное преступление [1, с. 91]. Другие авторы считают санкцией часть статьи Особенной части УК, которая определяет вид и размер наказания за данное преступление. Санкция есть законодательная оценка характера и степени опасности запрещенного законом деяния [2, с. 60]. Санкция определяется также как часть уголовно-правовой нормы, в которой предусматриваются вид и размер наказания за определенное преступление и дается оценка характера и степени общественной опасности этого преступления [3, с. 53]. Санкцией правовой нормы называется нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую правовую оценку. Основная

цель санкций – предупреждение правонарушений, а если правонарушение совершено, то применение и реализация санкции направлены на осуществление задач общей и частной превенции, исправление и перевоспитание правонарушителя, восстановление во всех возможных случаях нарушенного правопорядка [4, с. 7].

Санкции уголовно-правовых норм в зависимости от возможности суда в приговоре варьировать размеры предусмотренных в них наказаний, делятся на абсолютно-определенные и относительно-определенные. Абсолютно-определенные санкции содержат смертную казнь, пожизненное лишение свободы и лишение специального, воинского или почетного звания и государственных наград, а также принудительное выдворение за пределы Азербайджанской Республики. Перечисленные наказания не допускают возможности дозировки при их назначении судом. Для действующего УК Азербайджанской Республики характерны два вида санкций – относительно-определенные и альтернативные. Относительно-определенная санкция предусматривает наказания по принципу «от-до». Так, например, в ст. 297.2. УК Азербайджана за заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. В ст. 296.2. УК за заведомо ложный донос предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет, а в ст. 295.2. УК за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения определения или постановления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет.

Существуют два вида относительно-определенных санкций – с указанием как низшего, так и высшего предела определенного вида наказания и с указанием только верхнего предела соответствующего наказания. Так, к примеру, в преступлениях против правосудия к первому виду относительно-определенной санкции следует отнести санкцию ст. 292.3. УК, в которой за заведомо незаконное задержание, повлекшее тяжкие последствия, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до восьми лет. Второй вид относительно-определенной санкции содержится, например, в ст. 292.2, где за заведомо незаконное заключение под стражу предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до четырех

лет.

В случаях отсутствия в санкциях статей указания на минимальный срок наказания низший предел наказания определяется в соответствующих статьях Общей части УК, регламентирующих соответствующий вид наказания. Например, такая конструкция относительно-определенной санкции предусмотрена в ст. 294.2. УК Азербайджанской Республики, устанавливающей ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. В качестве наказания за это преступление предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В соответствии со ст. 55.2 УК Азербайджанской Республики минимальный срок лишения свободы равен трем месяцам, а ст. 46.1. определяет минимальный срок указанного дополнительного наказания в один год. Следовательно, за деяние, предусмотренное ст. 294.2. УК наказание возможно на срок от трех месяцев до трех лет лишения свободы и от одного года до трех лет лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

За ряд преступлений в санкции предусмотрено только одно наказание, как правило, лишение свободы. Так, например, лишение свободы предусмотрено в санкциях статей 301.2. (разглашение сведений о мерах безопасности применяемых в отношении работников суда и правоохранительных органов, повлекшее тяжкие последствия); 304.1. (побег из места лишения свободы или из-под стражи); 305 (уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы) и других статьях главы о преступлениях против правосудия.

Однако большинство санкций предусматривает альтернативу двух или более видов наказаний, что предоставляет суду широкие возможности для определения степени опасности содеянного и в соответствии с этим индивидуализировать наказание виновному лицу. Так, например, за неисполнение приговора, постановления суда или иного судебного акта (ст. 306.1 УК), предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от пяти до семи тысяч манатов, исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничения свободы на срок до трех лет, либо лишения свободы на срок до трех лет. За недонесение о преступлениях по статье 307.1 УК, предусмотрено три вида наказания: штраф в размере от тысячи пятисот до двух тысяч пятисот манатов, исправительные работы на срок до двух лет или лишение свободы на срок до двух лет.

Преимущество альтернативных санкций перед относительно-определенными заключается в том, что они не только дают возможность избрать наиболее

целесообразную меру наказания в пределах одного вида наказания, но и предоставляют суду на выбор несколько видов наказания. Следует указать, что в юридической литературе существовало мнение, согласно которому альтернативные санкции являются не самостоятельным видом, а формой выражения относительно-определенных или абсолютно-определенных санкций [4, с. 94].

В ранее действовавшем уголовном законодательстве кроме указанных выше видов санкций применялись также отсылочные и абсолютно-определенные санкции. Действующее уголовное законодательство такие виды санкций не предусматривает.

Сложность проблемы построения уголовно-правовых санкций за преступления против правосудия заключается в ее многоплановости – это и определение видов санкций, и установление границ санкций в связи с применением различных видов наказаний при построении альтернативных санкций, и определение границ санкций в плане введения дополнительных наказаний, и определение пределов «от-до» в относительно-определенных санкциях и другие.

В настоящее время ни теория, ни практика не имеют полного представления о том, как создаются пределы санкций. По замечанию В.Н.Кудрявцева, оптимальные пределы санкции, и верхний и нижний, иначе как умозрительным путем определить не удастся [5, с. 249]. Тем не менее, в юридической литературе предпринимаются попытки определить критерии построения уголовно-правовых санкций.

Так, по мнению А.Н.Игнатова, оптимальные размеры санкций определяются на основе степени общественной опасности и распространенности деяния, объективных и субъективных признаков преступления, степени общественной опасности личности преступника, уровня общественного правосознания (6, с.50). По нашему мнению, при таком подходе к конструированию санкций невозможно будет соблюсти принцип стабильности санкцией. Наказание – явление сугубо индивидуальное, направленное на конкретную личность, совершившую конкретное преступление. Это вовсе не означает, что наказание не преследует цели общей превенции преступлений, однако общая превенция существует лишь постольку, поскольку назначено конкретное наказание конкретному лицу. Цель общей превенции, безусловно, находит самостоятельное отражение в санкции уголовно-правовой нормы, однако это не означает, что такая цель должна влечь ужесточение санкций, либо влиять на их формирование. Кроме того, общественная опасность деяния и личности виновного обусловлена объективными и субъективными признаками преступления. Можно условно выделить

общественную опасность деяния и общественную опасность личности, которая проявляется в ее антисоциальном, общественно опасном поведении.

По нашему мнению, предусмотрев в статье 15 УК классификацию преступлений, законодатель сделал полшага на пути к полному отказу от санкций в статьях Особенной части УК. Согласно данной статье, все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности делятся на преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления.

Преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых УК предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы, или максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы.

Менее тяжкими преступлениями признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает семи лет лишения свободы. Тяжкими преступлениями признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК не превышает двенадцати лет лишения свободы.

Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет либо более строгое наказание.

Этой же цели служит дифференциация наказаний, предусмотренная в статье 42 УК. Все виды наказаний расположены в системе в определенной последовательности – от менее тяжких к более тяжким. Знание относительной тяжести каждого наказания необходимо для правильного соблюдения принципа индивидуализации наказания, для применения статьи 62 УК, которая предусматривает возможность перехода от одного наказания к другому, более мягкому. Системой наказаний необходимо пользоваться и при рассмотрении дела в кассационной и надзорной инстанциях: суд может смягчить наказание, назначенное осужденному или применить закон о менее тяжком преступлении, но не вправе усилить наказание, а равно применить закон о более тяжком преступлении.

При назначении наказания следует учитывать законодательное регламентирование дифференциации наказания, которая предполагает:

- установление основных и дополнительных наказаний (статья 42 УК);
- выделение группы наказаний, которые могут применяться как основные и дополнительные;
- выделение группы наказаний, которые могут

применяться только в отношении несовершеннолетних (статья 85 УК);

- альтернативу видов наказаний в статьях Общей части УК;

- пределы видов наказаний в статьях Общей части УК;

- установление срока лишения свободы от трех месяцев до пятнадцати лет;

- ограничение максимального срока лишения свободы до десяти лет в отношении лица, не достигшего до совершения преступления 18 лет;

- отбывание наказания в виде лишения свободы в уголовно-исполнительных учреждениях различных видов (статья 56 УК);

- назначение наказания при наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств (статьи 60 и 61.3 УК);

- назначение наказания за неоконченное преступление (статья 62 УК);

- возможность назначения судом наказания ниже низшего предела, установленного законом за данное преступление, или переход к другому, более мягкому виду наказания при наличии исключительных обстоятельств дела с учетом личности виновного (статья 62 УК);

- возможность судом назначения либо не назначения дополнительного наказания при наличии оснований, указанных в статье 62 УК;

- возможность условного неприменения назначенного наказания в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части, ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок (статья 70 УК);

- возможность отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (статья 79 УК).

По нашему мнению, все перечисленные нормы уголовного законодательства позволяют отказаться от санкций в статьях Особенной части УК, сформулировав их по следующему принципу: признаки преступления – категория преступления. Так, например, преступление, предусмотренное в ст. 289 УК Азербайджанской Республики, можно будет определить следующим образом: «неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства – преступление, не представляющее большой общественной опасности». Преступление, предусмотренное в ст. 291 УК Азербайджанской Республики, можно сформулировать следующим образом: «незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом производящим дознание – менее тяжкое преступление».

Полагаем, что такая конструкция уголовно

правовых норм позволит избежать многочисленных ошибок, пробелов, дублирований, коллизий, противоречий, повторов и т.д., которые имеют ныне место в санкциях норм главы о преступлениях против правосудия Особенной части УК Азербайджанской Республики. Как отмечается в юридической литературе, отсюда и бросающаяся в глаза несогласованность санкций некоторых статей действующего уголовного законодательства, и неоправданные различия в законодательной регламентации объема уголовной ответственности за те или иные преступления [7, с. 98]. Так, например, максимальное наказание за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля составляет пожизненное лишение свободы (ст. 277 УК АР), а максимальное наказание за убийство в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, составляет пожизненное лишение свободы (ст. 120.2.3 УК АР). Сложно объяснить почему такие одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст.290 УК АР) и незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст.291 УК АР) наказываются лишением свободы на срок до трех лет и лишением свободы на срок от двух до пяти лет соответственно. Сравнительный анализ указанных статей приводит к выводу, что наказание за одинаковые по характеру и степени общественной опасности деяния установлены

произвольно [7, с. 98].

Библиография:

1. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Москва: Зерцало, 1999. – 592 с.
2. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – Москва: СПАРК, 1997. – 560 с.
3. Səməndərov F.Y. Cinayət hüququ. Ümumi hissə. Dərslük. – Bakı: Hüquq ədəbiyyatı, 2002. – 720 s.
4. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). – Москва: Издательство МГУ, 1981. – 240 с.
5. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – Москва, 1948. – 511 с.
6. Основания уголовно-правового запрета / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – Москва: Наука, 1982. – 304 с.
7. Комплексная разработка проблем исполнения наказания. Вып. 50. – Москва: ВНИИ МВД СССР, 1979. – 168 с.
8. Гюльалиева Р.А. Система наказаний: правовые и психологические проблемы. – Тбилиси: Бона Кауза, 2003. – 215 с.
9. Azərbaycan Respublikasının Cinayət Məcəlləsi (01 avqust 2022-ci il tarixinədək əlavə və dəyişikliklərlə). – Bakı: Qanun, 2022. – 544 s.

Romella GULALIYEVA (Azerbaijan),

Associate Professor, Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan

SOME ISSUES OF CONSTRICTION SANCTIONS FOR THE CRIMES AGAINST THE JUSTICE

Summary. The article describes the problems of building criminal legal sanctions for crimes against justice in their multifaceted nature - this is the definition of types of sanctions, and the establishment of the boundaries of sanctions in connection with the use of various types of punishments in the construction of alternative sanctions, and the definition of the boundaries of sanctions in terms of introducing additional punishments, and the definition of "from-to" limits in relatively certain sanctions and others.

Keywords: sanction, criminal punishment, type of crime, classification of crimes.

Ромелла ГЮЛЬАЛИЕВА (Азербайджан),

Доцент Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Резюме. В статье характеризуются проблемы построения уголовно-правовых санкций за преступления против правосудия в их многоплановости – это и определение видов санкций, и установление границ санкций в связи с

применением различных видов наказаний при построении альтернативных санкций, и определение границ санкций в плане введения дополнительных наказаний, и определение пределов «от-до» в относительно-определенных санкциях и другие.

Ключевые слова: санкция, уголовное наказание, вид преступления, классификация преступлений.

Гасан АЛИЕВ (Азербайджан),
докторант по конституционному праву

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Теоретико-правовые основы кибербезопасности в условиях цифровой трансформации. Современное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на все сферы общественной жизни и формирует качественно новую модель взаимодействия между государством, обществом и личностью. В условиях стремительного распространения цифровых платформ, электронного правительства, облачных вычислений, технологий больших данных и искусственного интеллекта происходит трансформация традиционных механизмов государственного управления, что приводит к возникновению новых общественных отношений, нуждающихся в соответствующем правовом регулировании. Одновременно с расширением цифровых возможностей возрастают и риски, связанные с обеспечением безопасности информационной среды. Именно поэтому вопросы кибербезопасности в последние годы приобрели особое значение не только в техническом, но и в правовом измерении.

Проблема определения сущности кибербезопасности занимает важное место в современной юридической науке. Несмотря на широкое использование данного термина в научной литературе, международных документах и национальном законодательстве различных государств, до настоящего времени отсутствует единый подход к его толкованию. Это обусловлено междисциплинарным характером рассматриваемого явления, которое находится на пересечении права, информатики, политологии, государственного управления и теории национальной безопасности. Первоначально вопросы защиты цифровой среды рассматривались преимущественно через призму технических аспектов информационной безопасности, однако постепенное усложнение цифровых процессов привело к осознанию того, что кибербезопасность представляет собой гораздо более широкую категорию.

В юридическом смысле кибербезопасность может рассматриваться как состояние защищенности личности, общества и государства от угроз, возникающих в киберпространстве и способных причинить вред законным интересам субъектов общественных отношений. При этом объектом защиты выступают не только информационные ресурсы и технические системы, но и права человека, государственный суверенитет, общественная стабильность,

экономическая безопасность и устойчивость функционирования критически важных институтов государства. Такое понимание существенно расширяет традиционный подход к безопасности информации и позволяет рассматривать кибербезопасность как самостоятельный институт современного права [1, с. 239].

Особенность кибербезопасности заключается в том, что она формируется в условиях существования особой цифровой среды, которую принято обозначать понятием «киберпространство». В отличие от традиционного физического пространства, киберпространство характеризуется отсутствием четко определенных территориальных границ, высокой скоростью обмена информацией, глобальным характером коммуникаций и возможностью удаленного воздействия на объекты, расположенные в различных государствах. Эти особенности оказывают непосредственное влияние на правовое регулирование общественных отношений, поскольку традиционные правовые конструкции, основанные на территориальном суверенитете государств, нередко оказываются недостаточными для эффективного противодействия современным киберугрозам.

С точки зрения юридической науки кибербезопасность выполняет несколько взаимосвязанных функций. Прежде всего она обеспечивает реализацию конституционных прав и свобод человека в цифровой среде. Право на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных, свободу получения и распространения информации в современных условиях невозможно гарантировать без создания надежной системы защиты цифровой инфраструктуры. Одновременно кибербезопасность выступает инструментом обеспечения устойчивого функционирования государственных институтов, поскольку значительная часть государственных услуг и административных процедур осуществляется посредством информационных систем и электронных платформ. Кроме того, кибербезопасность является важнейшим элементом национальной безопасности государства, поскольку нарушение функционирования цифровой инфраструктуры способно привести к серьезным политическим, экономическим и социальным последствиям.

Развитие концепции кибербезопасности тесно связано с процессами цифровой трансформации государства.

Цифровая трансформация представляет собой комплексный процесс внедрения цифровых технологий в деятельность государственных органов, направленный на повышение эффективности управления, совершенствование механизмов взаимодействия с гражданами и обеспечение более высокого качества публичных услуг. В отличие от простой информатизации, предполагающей использование отдельных технических средств для автоматизации определенных процессов, цифровая трансформация затрагивает фундаментальные основы государственного управления и приводит к изменению организационных, правовых и институциональных механизмов функционирования государства [2, с. 13].

Современное цифровое государство представляет собой сложную систему взаимосвязанных информационных ресурсов, баз данных, цифровых платформ и коммуникационных сетей. Государственные органы активно используют электронный документооборот, системы межведомственного взаимодействия, технологии дистанционного предоставления услуг, автоматизированные механизмы принятия решений и аналитические инструменты обработки больших массивов данных. Подобные изменения существенно повышают эффективность государственного управления, однако одновременно создают новые риски, связанные с возможностью кибератак, утечек информации, нарушения целостности данных и несанкционированного вмешательства в работу государственных информационных систем.

Цифровая трансформация оказывает непосредственное влияние на систему национальной безопасности. Традиционные представления о безопасности формировались в условиях, когда основными угрозами выступали вооруженные конфликты, политическая нестабильность или экономические кризисы. В цифровую эпоху спектр угроз значительно расширился. Существенную опасность представляют атаки на государственные информационные системы, объекты критической инфраструктуры, финансовые учреждения, энергетические сети и транспортные комплексы. Особенность подобных угроз заключается в том, что они могут реализовываться дистанционно, а последствия их осуществления способны затрагивать миллионы граждан и наносить значительный ущерб государственным интересам.

Изменение характера угроз обуславливает необходимость пересмотра традиционных подходов к обеспечению безопасности. Если ранее основное внимание уделялось защите физических объектов и территорий, то сегодня возрастает значение защиты цифровой инфраструктуры и информационных ресурсов. Государство вынуждено формировать новые

механизмы правового регулирования, способные обеспечить безопасность в условиях постоянного технологического развития. При этом важнейшей задачей становится достижение баланса между развитием цифровых технологий и необходимостью обеспечения надлежащего уровня безопасности.

Особую роль в условиях цифровой трансформации приобретает правовое регулирование деятельности государственных органов, ответственных за обеспечение кибербезопасности. Эффективное противодействие современным угрозам невозможно без четкого определения компетенции государственных структур, координации их деятельности и установления механизмов взаимодействия с частным сектором. Значительная часть цифровой инфраструктуры находится в собственности или управлении негосударственных субъектов, что требует создания правовых механизмов государственно-частного партнерства в сфере обеспечения кибербезопасности [3, с. 68].

Теоретическое осмысление кибербезопасности невозможно без анализа ее соотношения с такими категориями, как информационная безопасность и цифровая безопасность. В научной литературе данные понятия нередко используются как взаимозаменяемые, что приводит к определенным трудностям в формировании единого понятийного аппарата. Вместе с тем между ними существуют существенные различия, имеющие важное значение для правового регулирования.

Информационная безопасность является наиболее широкой категорией и традиционно понимается как состояние защищенности информации, информационных ресурсов и информационной среды от внутренних и внешних угроз. Основное внимание в рамках данного подхода уделяется обеспечению конфиденциальности, целостности и доступности информации независимо от формы ее существования. Информационная безопасность охватывает широкий круг вопросов, связанных с защитой государственных секретов, коммерческой тайны, персональных данных, информационного суверенитета и прав граждан на доступ к информации.

Цифровая безопасность представляет собой относительно новое понятие, возникшее в результате активного развития цифровых технологий и цифровой экономики. В отличие от информационной безопасности, которая концентрируется преимущественно на защите информации, цифровая безопасность охватывает более широкий круг отношений, связанных с безопасным использованием цифровых технологий, цифровых сервисов и цифровой инфраструктуры. В центре внимания находятся вопросы

защиты пользователей цифровой среды, обеспечения безопасности электронных услуг, предотвращения цифрового мошенничества и минимизации рисков, связанных с использованием современных технологических решений.

Кибербезопасность занимает особое место в системе указанных категорий. Она выступает как специализированное направление обеспечения безопасности, сосредоточенное на защите киберпространства, информационно-коммуникационных систем и цифровой инфраструктуры от различных видов киберугроз. Если информационная безопасность ориентирована прежде всего на защиту информации как объекта правоотношений, а цифровая безопасность связана с безопасным функционированием цифровой среды в целом, то кибербезопасность акцентирует внимание на противодействии конкретным угрозам, возникающим в результате использования сетевых технологий и компьютерных систем.

Несмотря на различия между рассматриваемыми понятиями, они находятся в тесной взаимосвязи и образуют единую систему обеспечения безопасности в условиях цифровой трансформации общества. Информационная безопасность формирует общие принципы защиты информации, цифровая безопасность определяет безопасные условия функционирования цифровой среды, а кибербезопасность обеспечивает защиту технической инфраструктуры и противодействие киберугрозам. Их комплексное взаимодействие позволяет создавать устойчивые механизмы защиты интересов личности, общества и государства в условиях стремительного развития цифровых технологий [4, с. 175].

Таким образом, кибербезопасность представляет собой сложный многоуровневый правовой феномен, значение которого возрастает по мере углубления процессов цифровой трансформации государства. Ее содержание выходит далеко за пределы технической защиты информационных систем и охватывает широкий круг общественных отношений, связанных с обеспечением национальной безопасности, защитой прав человека, устойчивым функционированием государственных институтов и сохранением цифрового суверенитета. В условиях формирования цифрового государства именно эффективное правовое обеспечение кибербезопасности становится одним из ключевых факторов стабильного развития общества и гарантией безопасного использования современных технологий в интересах человека и государства.

Современные вызовы правовому обеспечению кибербезопасности. Стремительное развитие цифровых технологий, сопровождающееся глубокой трансформацией механизмов государственного

управления, экономики и общественных коммуникаций, создает не только новые возможности для развития государства, но и формирует качественно новые угрозы безопасности. В условиях цифровизации практически все сферы общественной жизни оказываются зависимыми от устойчивого функционирования информационно-коммуникационных систем, что делает их потенциальными объектами противоправного воздействия. Если на ранних этапах развития информационного общества основные угрозы были связаны преимущественно с несанкционированным доступом к информации или распространением вредоносного программного обеспечения, то современные вызовы отличаются значительно большей сложностью, масштабностью и многообразием. Правовые системы большинства государств вынуждены адаптироваться к быстро меняющейся цифровой среде, в которой традиционные механизмы регулирования зачастую оказываются недостаточно эффективными. Одной из наиболее заметных тенденций последних десятилетий является постоянный рост количества и сложности киберугроз. Цифровизация государственного управления приводит к тому, что значительная часть функций государства реализуется посредством информационных систем и электронных платформ. Реестры населения, системы налогообложения, механизмы электронного документооборота, порталы государственных услуг, базы данных правоохранительных органов и судебных учреждений становятся критически важными элементами государственного механизма. В результате любое нарушение их функционирования способно оказать непосредственное влияние на деятельность органов власти и реализацию гражданами своих прав и законных интересов [5, с. 1368].

Современные кибератаки все чаще носят организованный и целенаправленный характер. В отличие от первых компьютерных преступлений, совершаемых отдельными лицами ради получения ограниченной материальной выгоды или демонстрации технических навыков, современные киберинциденты зачастую являются результатом деятельности организованных преступных групп, транснациональных сетей или даже структур, действующих в интересах отдельных государств. Подобные угрозы способны затрагивать национальные системы управления, финансовые рынки, энергетическую инфраструктуру и объекты стратегического значения. Особую опасность представляет тот факт, что последствия успешной кибератаки могут распространяться далеко за пределы информационной среды и оказывать влияние на реальные социальные и экономические процессы.

Правовое регулирование в данной сфере сталкивается с рядом существенных трудностей. Одной из них является проблема идентификации источника кибератаки. Технические возможности современных цифровых технологий позволяют злоумышленникам скрывать свое местоположение, использовать инфраструктуру третьих государств и маскировать собственную деятельность под действия иных субъектов. В результате установление виновных лиц становится крайне сложной задачей, а традиционные механизмы уголовного преследования и международного сотрудничества оказываются недостаточно эффективными. Отсутствие достоверной атрибуции нередко препятствует применению мер юридической ответственности и затрудняет выработку адекватной государственной реакции на произошедший инцидент.

Серьезным вызовом для правового обеспечения кибербезопасности становится возрастающая зависимость государственного управления от цифровых технологий. В условиях формирования электронного правительства государственные органы аккумулируют огромные массивы данных и обеспечивают функционирование многочисленных цифровых сервисов, которыми ежедневно пользуются миллионы граждан. Любое нарушение работы таких систем может привести к приостановлению предоставления государственных услуг, ограничению доступа к социально значимой информации и снижению уровня доверия населения к государственным институтам. В этой связи возрастает значение правовых механизмов, направленных на обеспечение устойчивости государственных информационных систем и минимизацию последствий возможных киберинцидентов [6, с. 328].

Особого внимания заслуживает проблема защиты критической информационной инфраструктуры. Современное государство представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных систем, функционирование которых напрямую зависит от информационных технологий. Объекты энергетики, транспорта, связи, финансового сектора, здравоохранения и водоснабжения используют цифровые решения для управления производственными процессами и обеспечения непрерывности своей деятельности. Соответственно, успешная атака на такие объекты способна вызвать не только экономические убытки, но и создать угрозу жизни и здоровью граждан, общественной стабильности и национальной безопасности.

Правовое регулирование защиты критической инфраструктуры требует особого подхода, поскольку речь идет не только о защите отдельных информационных ресурсов, но и об обеспечении устойчивого функционирования жизненно важных

систем государства. Возникает необходимость определения критериев отнесения объектов к критической инфраструктуре, установления специальных требований к их безопасности, распределения ответственности между государственными органами и операторами соответствующих объектов, а также создания эффективных механизмов контроля за соблюдением установленных норм. Однако развитие технологий происходит значительно быстрее, чем совершенствование законодательства, что приводит к возникновению правовых пробелов и снижает эффективность существующих механизмов регулирования.

Не менее актуальной является проблема обеспечения правовой защиты персональных данных. В условиях цифровой трансформации государственные органы, коммерческие организации и различные цифровые платформы ежедневно осуществляют сбор, обработку и хранение значительных объемов информации о гражданах. Персональные данные становятся одним из наиболее ценных ресурсов цифровой экономики, что одновременно делает их объектом повышенного интереса со стороны злоумышленников. Утечки данных, незаконное распространение персональной информации, кража цифровой идентичности и использование сведений о гражданах без их согласия становятся все более распространенными явлениями.

С юридической точки зрения защита персональных данных представляет собой не только вопрос информационной безопасности, но и важнейшую гарантию соблюдения фундаментальных прав человека. Право на неприкосновенность частной жизни, защиту личной информации и сохранение конфиденциальности коммуникаций является одним из основополагающих прав в демократическом обществе. Однако цифровизация существенно усложняет реализацию этих прав. Технологии больших данных позволяют формировать детализированные цифровые профили граждан, прогнозировать их поведение и принимать решения на основе автоматизированной обработки информации. В результате возникает риск чрезмерного вмешательства в частную жизнь, который требует адекватного правового реагирования.

Дополнительные сложности связаны с трансграничным характером обработки данных. Информация может одновременно храниться на серверах, расположенных в различных государствах, передаваться через множество цифровых платформ и использоваться субъектами, находящимися под юрисдикцией разных правовых систем. В подобных условиях возникают вопросы определения применимого права, разграничения полномочий государственных органов и обеспечения

эффективного контроля за соблюдением требований законодательства о защите данных. Все это требует дальнейшего совершенствования международно-правовых механизмов сотрудничества и гармонизации национального законодательства.

Существенным вызовом для правового обеспечения кибербезопасности остается киберпреступность. Современные информационные технологии предоставляют преступникам новые инструменты для совершения противоправных действий, значительно расширяя возможности по получению незаконной выгоды и сокрытию следов преступления. В последние годы наблюдается устойчивый рост преступлений, связанных с незаконным доступом к компьютерным системам, распространением вредоносного программного обеспечения, интернет-мошенничеством, вымогательством посредством программ-шифровальщиков, хищением цифровых активов и незаконным оборотом персональных данных [7, с. 153]. Особенность киберпреступности заключается в ее высокой адаптивности к технологическим изменениям. Пока законодательство реагирует на уже существующие формы преступной деятельности, появляются новые способы совершения противоправных деяний, основанные на использовании современных цифровых технологий. Это создает ситуацию, при которой правовое регулирование зачастую носит реактивный характер и не успевает своевременно адаптироваться к новым угрозам. В результате возникает необходимость разработки более гибких механизмов правового регулирования, способных учитывать динамику технологического развития.

Отдельного внимания заслуживает влияние искусственного интеллекта на сферу кибербезопасности. В настоящее время технологии искусственного интеллекта активно используются как для укрепления цифровой безопасности, так и для совершения противоправных действий. С одной стороны, интеллектуальные системы способны выявлять аномальную активность, анализировать большие объемы данных, прогнозировать потенциальные угрозы и автоматически реагировать на инциденты. С другой стороны, те же технологии могут использоваться злоумышленниками для автоматизации кибератак, создания более сложного вредоносного программного обеспечения, генерации фальсифицированного контента и осуществления масштабных информационно-психологических операций.

Особую обеспокоенность вызывает распространение технологий глубокого обучения и генеративного искусственного интеллекта. Возможность создания реалистичных аудио- и видеоматериалов, неотличимых от подлинных записей, формирует новые риски для

информационной безопасности, политической стабильности и защиты прав граждан. Использование подобных технологий в целях манипулирования общественным мнением, распространения дезинформации или совершения мошеннических действий создает принципиально новые вызовы для правового регулирования. При этом существующие нормы законодательства во многих случаях не учитывают специфику подобных угроз, что требует разработки новых подходов к определению юридической ответственности и механизмов контроля за использованием интеллектуальных технологий.

Значительную проблему представляет также вопрос распределения ответственности между различными субъектами цифровых отношений. В случае возникновения киберинцидента зачастую оказывается сложно определить, кто именно должен нести юридическую ответственность за причиненный ущерб. В современных цифровых экосистемах взаимодействуют разработчики программного обеспечения, операторы информационных систем, поставщики облачных услуг, владельцы цифровых платформ и конечные пользователи. Ошибка или уязвимость на любом из этих уровней способна привести к серьезным последствиям, однако существующие правовые механизмы далеко не всегда позволяют справедливо распределить ответственность между участниками соответствующих правоотношений.

Таким образом, современные вызовы правовому обеспечению кибербезопасности характеризуются комплексным и многомерным характером. Рост количества киберугроз, развитие киберпреступности, необходимость защиты критической информационной инфраструктуры, обеспечение безопасности персональных данных и появление новых рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта, требуют постоянного совершенствования правовых механизмов регулирования. В условиях цифровой трансформации государства эффективность обеспечения кибербезопасности все в большей степени зависит от способности правовой системы своевременно адаптироваться к технологическим изменениям, обеспечивать баланс между инновационным развитием и безопасностью, а также формировать устойчивую нормативную основу для защиты интересов личности, общества и государства в цифровой среде.

Перспективы совершенствования правового механизма обеспечения кибербезопасности. Усложнение цифровых технологий, расширение масштабов цифровой трансформации государственного управления и постоянное появление новых киберугроз обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования правового механизма обеспечения

кибербезопасности. Современные условия развития информационного общества демонстрируют, что традиционные подходы к правовому регулированию уже не способны в полной мере обеспечивать надлежащий уровень защиты личности, общества и государства от угроз, возникающих в киберпространстве. Правовая система должна не только реагировать на уже существующие вызовы, но и обладать способностью прогнозировать потенциальные риски, создавая нормативные условия для безопасного развития цифровых технологий. Именно поэтому особое значение приобретает изучение международного опыта, совершенствование национального законодательства и формирование комплексной модели правового обеспечения кибербезопасности, отвечающей требованиям цифровой эпохи.

В последние десятилетия международное сообщество уделяет все больше внимания вопросам правового регулирования киберпространства. Это обусловлено тем обстоятельством, что большинство современных киберугроз носит транснациональный характер и не может эффективно преодолеваться исключительно в рамках национальных правовых систем. Современное киберпространство представляет собой глобальную среду взаимодействия, в которой действия одного субъекта способны оказывать влияние на объекты, расположенные в различных государствах. В результате обеспечение кибербезопасности становится не только внутренней задачей отдельного государства, но и важным направлением международного сотрудничества.

Формирование международно-правовых подходов к обеспечению кибербезопасности происходило постепенно по мере осознания государствами масштабов новых угроз. Первоначально внимание уделялось преимущественно борьбе с компьютерной преступностью, однако со временем предмет международного регулирования значительно расширился и стал охватывать вопросы защиты критической инфраструктуры, противодействия кибершпионажу, предотвращения кибертерроризма, обеспечения безопасности персональных данных и выработки правил ответственного поведения государств в киберпространстве [8, с. 436].

Особое значение в развитии международного сотрудничества имеет деятельность United Nations, в рамках которой ведется обсуждение принципов обеспечения международной информационной безопасности и вырабатываются подходы к регулированию поведения государств в цифровой среде. В современных условиях все большее признание получает идея о том, что нормы международного права применимы и к отношениям, возникающим в

киберпространстве. Данный подход позволяет использовать существующие принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы и мирного разрешения споров применительно к новым цифровым реалиям.

Существенное влияние на развитие международной правовой мысли оказали исследования, посвященные применению международного права к кибероперациям. Они способствовали формированию научных подходов к определению правового статуса кибератак, вопросов государственной ответственности и допустимых мер реагирования на противоправную деятельность в цифровой среде. Несмотря на отсутствие универсального международного договора, комплексно регулирующего отношения в киберпространстве, накопленный опыт демонстрирует постепенное формирование международных стандартов и принципов обеспечения кибербезопасности.

Особый интерес представляет опыт государств, добившихся значительных успехов в создании эффективных национальных систем кибербезопасности. В большинстве развитых стран наблюдается переход от фрагментарного регулирования отдельных аспектов информационной безопасности к формированию комплексной государственной политики в области кибербезопасности. Такая политика включает стратегическое планирование, создание специализированных государственных органов, внедрение механизмов взаимодействия с частным сектором и разработку специальных правовых режимов защиты критической инфраструктуры.

Современная практика показывает, что эффективность правового регулирования во многом зависит от способности государства обеспечить согласованность деятельности различных субъектов, участвующих в обеспечении безопасности цифровой среды. При этом важное значение имеет не только наличие специальных нормативных актов, но и формирование целостной институциональной системы, обеспечивающей их практическую реализацию. Международный опыт свидетельствует о том, что успешное противодействие современным киберугрозам возможно лишь при сочетании правовых, организационных, технических и образовательных мер.

Для многих государств актуальной задачей остается совершенствование национального законодательства в сфере кибербезопасности. Быстрое развитие цифровых технологий приводит к тому, что существующие правовые нормы нередко устаревают быстрее, чем завершается процесс их практического применения. Возникают новые формы общественных отношений, которые не получают надлежащего нормативного закрепления, что создает правовую неопределенность и

затрудняет деятельность государственных органов [9, с. 342].

Одним из ключевых направлений совершенствования законодательства является разработка более четкого понятийного аппарата. Несмотря на широкое использование терминов «кибербезопасность», «киберугроза», «киберпространство», «киберинцидент» и «цифровая инфраструктура», их содержание в различных нормативных актах нередко трактуется неодинаково. Отсутствие единства терминологии снижает эффективность правоприменительной практики и усложняет взаимодействие между государственными органами. Формирование единой системы понятий способствовало бы повышению качества нормативного регулирования и обеспечению большей определенности в сфере правового обеспечения кибербезопасности.

Не менее важным направлением является совершенствование законодательства о защите критической информационной инфраструктуры. В условиях цифровой экономики особое значение приобретают объекты, нарушение функционирования которых способно причинить значительный ущерб государству и обществу. Для обеспечения их устойчивости необходимо создание специальных правовых режимов безопасности, предусматривающих обязательные требования к защите информационных систем, порядок оценки рисков, механизмы мониторинга угроз и процедуры реагирования на инциденты. При этом законодательство должно учитывать не только современные технологические реалии, но и перспективы дальнейшего развития цифровых технологий.

Серьезного внимания требует также развитие правовых механизмов защиты персональных данных. В современных условиях данные становятся одним из важнейших ресурсов цифровой экономики, а их незаконное использование способно причинять существенный вред правам и свободам граждан. Совершенствование законодательства должно быть направлено на повышение прозрачности процессов обработки данных, усиление контроля за деятельностью операторов информационных систем и расширение возможностей граждан по защите своих цифровых прав. Особое значение приобретает обеспечение баланса между интересами государства, бизнеса и личности в процессе использования цифровых технологий.

Одновременно необходимо совершенствовать правовые механизмы противодействия киберпреступности. Традиционные уголовно-правовые конструкции зачастую оказываются недостаточно адаптированными к новым формам противоправной деятельности, возникающим в цифровой среде. Это требует модернизации уголовного законодательства, уточнения

составов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, а также совершенствования процессуальных механизмов расследования соответствующих деяний. Особую актуальность приобретает развитие международного сотрудничества правоохранительных органов, поскольку большинство современных киберпреступлений связано с трансграничным использованием цифровой инфраструктуры.

Одним из наиболее перспективных направлений развития правового регулирования становится создание превентивной модели обеспечения кибербезопасности. Традиционный подход основывается преимущественно на реагировании на уже совершенные правонарушения и устранении их последствий. Однако динамика современных киберугроз требует перехода к системе предупреждения потенциальных рисков. В этой связи законодательство должно предусматривать механизмы обязательной оценки угроз, проведения аудита безопасности, мониторинга цифровой инфраструктуры и своевременного выявления уязвимостей. Подобный подход позволит существенно повысить устойчивость государственных и частных информационных систем. Особое место в перспективной модели правового обеспечения кибербезопасности занимает регулирование технологий искусственного интеллекта. Интеллектуальные системы все активнее используются как в государственном управлении, так и в частном секторе, оказывая влияние на принятие решений, обработку информации и организацию общественных процессов. Вместе с тем развитие искусственного интеллекта создает новые риски, связанные с возможностью автоматизации кибератак, распространения дезинформации и использования алгоритмов в противоправных целях. Поэтому важнейшей задачей становится разработка специальных правовых механизмов, обеспечивающих безопасное использование интеллектуальных технологий и предотвращающих их применение во вред общественным интересам.

Перспективным направлением является внедрение принципа безопасности по проекту (security by design), предполагающего учет требований кибербезопасности уже на стадии разработки информационных систем и цифровых платформ. В отличие от традиционного подхода, при котором меры защиты внедряются после создания технологического продукта, данная концепция ориентирована на изначальное проектирование безопасной цифровой среды. Ее реализация требует соответствующего нормативного закрепления и разработки обязательных стандартов безопасности для государственных и коммерческих информационных систем [7, с. 114].

Важнейшим условием формирования эффективной системы кибербезопасности является развитие механизмов государственно-частного партнерства. Значительная часть цифровой инфраструктуры находится под управлением коммерческих организаций, что делает невозможным обеспечение безопасности исключительно силами государственных органов. Необходимо создание правовых механизмов обмена информацией о киберугрозах, координации действий в кризисных ситуациях и совместной реализации программ повышения устойчивости цифровой инфраструктуры. Подобное взаимодействие позволяет существенно повысить эффективность противодействия современным угрозам и обеспечить комплексный характер защиты цифровой среды.

Наряду с совершенствованием законодательства особое значение приобретает формирование правовой культуры в сфере кибербезопасности. Практика показывает, что значительная часть киберинцидентов связана не с недостатками технических систем, а с человеческим фактором. Низкий уровень цифровой грамотности, несоблюдение правил информационной безопасности и недостаточное понимание существующих угроз существенно повышают уязвимость как отдельных граждан, так и организаций. В связи с этим важным элементом государственной политики должно стать развитие образовательных программ и повышение уровня правовой осведомленности населения в вопросах безопасного поведения в цифровой среде [10, с. 206].

В условиях дальнейшего развития цифрового государства возрастает значение комплексного подхода к обеспечению кибербезопасности. Эффективная система защиты цифровой среды должна объединять правовые, организационные, технологические и образовательные механизмы, функционирующие как единый взаимосвязанный комплекс. Только при наличии такой системы возможно обеспечить надежную защиту интересов личности, общества и государства в условиях постоянного усложнения цифровых технологий и появления новых угроз.

Таким образом, перспективы совершенствования правового механизма обеспечения кибербезопасности

связаны с дальнейшим развитием международного сотрудничества, модернизацией национального законодательства, укреплением системы защиты критической инфраструктуры, совершенствованием механизмов защиты персональных данных, адаптацией правового регулирования к развитию искусственного интеллекта и внедрением превентивных подходов к обеспечению безопасности. В условиях цифровой трансформации государства именно комплексное развитие правовых институтов способно обеспечить необходимый уровень устойчивости цифровой среды и создать надежную основу для безопасного функционирования современного общества.

Библиография:

1. Floridi L. *The Ethics of Information*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 353 p.
2. Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society // *Harvard Data Science Review*. – 2019. – Vol. 1. – No. 1. – P. 1–15.
3. Nye J. S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // *International Security*. – 2017. – Vol. 41. – No. 3. – P. 44–71.
4. Wall D. *Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age*. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 240 p.
5. Johnson D., Post D. Law and Borders: The Rise of Law in Cyberspace // *Stanford Law Review*. – 1996. – Vol. 48. – No. 5. – P. 1367–1402.
6. Lessig L. *Code and Other Laws of Cyberspace*. – New York: Basic Books, 2006. – 416 p.
7. Solove D. J. *Understanding Privacy*. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 272 p.
8. Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 528 p.
9. Greenberg A. *Sandworm: A New Era of Cyberwar and the Hunt for the Kremlin's Most Dangerous Hackers*. – New York: Doubleday, 2019. – 368 p.
10. Мехтиев Э. *Информационная безопасность и цифровое развитие государства*. – Баку: Elm, 2022. – 248 с.

Гасан АЛИЕВ (Азербайджан),
докторант по конституционному праву

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Резюме. В статье исследуются теоретико-правовые основы обеспечения кибербезопасности в условиях цифровой трансформации государства. Рассматриваются современные подходы к определению понятия кибербезопасности, ее место в системе национальной безопасности и особенности правового регулирования отношений, возникающих в

киберпространстве. Анализируются основные вызовы, связанные с развитием цифровых технологий, ростом киберугроз, защитой критической информационной инфраструктуры, обеспечением безопасности персональных данных и распространением технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется проблемам совершенствования национального законодательства и международного сотрудничества в сфере кибербезопасности. Обосновывается необходимость формирования комплексного правового механизма обеспечения кибербезопасности, основанного на сочетании превентивных, организационных и нормативно-правовых мер. Делается вывод о том, что эффективное правовое регулирование киберпространства является необходимым условием устойчивого развития цифрового государства и обеспечения национальной безопасности в условиях современных технологических преобразований.

Ключевые слова: кибербезопасность, цифровая трансформация, цифровое государство, национальная безопасность, киберпространство, правовое регулирование, киберугрозы, информационная безопасность, персональные данные, критическая информационная инфраструктура

Hasan ALIYEV (Azerbaijan),
PhD student in Law

LEGAL FRAMEWORK FOR CYBERSECURITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE: CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Summary. The article examines the theoretical and legal foundations of cybersecurity in the context of the digital transformation of the state. It analyzes contemporary approaches to defining cybersecurity, its role within the national security system, and the specific features of legal regulation in cyberspace. Particular attention is paid to the challenges arising from the rapid development of digital technologies, including cyber threats, the protection of critical information infrastructure, personal data security, and the growing use of artificial intelligence. The study explores current trends in improving national legislation and strengthening international cooperation in the field of cybersecurity. The author substantiates the need for a comprehensive legal framework based on preventive, organizational, and regulatory measures. It is concluded that effective legal regulation of cyberspace is an essential prerequisite for the sustainable development of the digital state and the protection of national security in the era of technological transformation.

Keywords: cybersecurity, digital transformation, digital state, national security, cyberspace, legal regulation, cyber threats, information security, personal data, critical information infrastructure

Эльсевар АББАСОВ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления при
Президенте Азербайджанской Республики

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Введение. Современная система международных отношений проходит период значимой трансформации, сопровождающийся ростом количества вооружённых конфликтов, укреплением геополитической конкуренции и понижением эффективности международных институтов. Международное право, установившееся после Второй мировой войны как фундамент для сохранения мирового порядка, на сегодняшний день встречается лицом к лицу с серьёзными вызовами и ограничениями [3].

В современный период международное сообщество наталкивается на ряд масштабных кризисов, включая войну в Украине, конфликты на Ближнем Востоке и рост напряжённости между крупнейшими мировыми державами. Данные процессы подвергли сомнению возможности международного права, его способности к эффективному урегулированию отношения между государствами и предотвращению вооружённых столкновений [5, с. 41].

Проблема соотношения силы и права в мировой политике привлекает к себе всё больше внимания. Государства всё чаще действуют исходя из собственных геополитических интересов, игнорируя существование международных договоров и организаций, что всё больше приводит к ослаблению международно-правовых механизмов [1, с. 32].

Международное право как основа мировой системы. По окончании Второй мировой войны международное право приобрело ключевое значение в новой системе международных отношений. Создание Организации Объединённых Наций было предназначено для предотвращения повторения глобальных конфликтов и сформировало систему коллективной безопасности [3]. Важнейшими принципами международного права стали суверенное равенство государств, нерушимость границ, невмешательство во внутренние дела и также отказ от применения силы. Эти нормы стали основой послевоенного мирового порядка [6, с. 58]. Международное право выполняет ключевые функции в мировой политике. Оно контролирует международные взаимоотношения, устанавливает рамки дипломатической и экономической деятельности в правовом аспекте, а также является предпосылкой международной стабильности [5, с. 64]. Тем не менее эффективность международного права напрямую коррелирует с готовностью государств следовать установленным нормам. В отличие от внутреннего законодательства

государств, в международной системе нет места единому механизму принуждения. Именно по данной причине международное право часто оказывается зависимым от политической воли крупных держав [2, с. 91].

Современные конфликты как вызов международному праву. Последние вооружённые конфликты показали значительные ограничения международно-правовой системы. Одним из масштабнейших кризисов современного периода является война в Украине, который поспособствовал глубокому расколу в мировой политике и обострению разногласий между Россией и Западом [7, с. 214]. Конфликту сопутствовали обоюдные упреки в нарушении международного права, применение значительных экономических санкций и повышением военно-политической напряжённости. По итогу данной ситуации перспективы на налаживание конфликта международными организациями оказались ограничены [5, с. 119]. Далеко не второстепенной проблемой также остаётся ситуация на Ближнем Востоке. Боевые действия в секторе Газа, сирийский кризис и отсутствие стабильности в ряде стран региона показывают затруднения международного сообщества эффективно предотвращать гуманитарные катастрофы [8, с. 287]. Иную сложность формирует развитие гибридных форм войны. Кибератаки, информационные войны, экономическое давление и деятельность частных военных структур часто выходят за пределы традиционных международно-правовых норм [6, с. 134]. В современный период времени конфликты начинают всё больше отличаться от привычных войн XX века, в то время как международное право далеко не всегда успевает подстраиваться под новые угрозы и вызовы [2, с. 102].

Проблема двойных стандартов в мировой политике. Проблема двойных стандартов является одной из определяющих причин кризиса международного права. Мы привыкли видеть, что международно-правовые нормы зачастую применяются выборочно, исходя из политических интересов мировых центров силы [5, с. 143]. Международное право, большинством государств рассматривается как инструмент политического давления, применяемый крупнейшими державами в целях достижения индивидуальных геополитических интересов. По итогу уменьшается доверие к международным институтам и принципам международной справедливости [7, с. 251]. Представители школы политического реализма заостряют внимание на том, что государства в первую очередь придерживаются вопросов безопасности и

национальных интересов. Ганс Моргентау подчёркивал, что международная политика выступает в роли постоянной борьбы за власть, а международное право чаще оказывается в зависимости от баланса сил [1, с. 48]. Такого рода ситуация становится причиной поэтапного ослабления международно-правовой системы. Если нормы бывают применены неравномерно, страны всё больше приступают к силовым методам решения международных проблем [2, с. 115].

Кризис механизмов Организации Объединённых Наций. Также весомой проблемой для современного мирового порядка является понижение результативности механизмов Совета Безопасности ООН. Право вето постоянных членов Совета Безопасности нередко становится препятствием к принятию решений в том числе и в условиях крупных международных кризисов [3]. В определённой степени, механизм вето был создан для предотвращения непосредственного столкновения крупных держав. Но в современных условиях он всё чаще выступает в роли предвестника политического паралича международной системы [6, с. 201]. Также критикуется и структура Совета Безопасности, которая была сформирована по итогам Второй мировой войны. Современный баланс сил подвергся значительным изменениям, что не может не вызывать к изменениям в системе глобального управления [5, с. 176]. Вопреки наличию проблем, Организация Объединённых Наций продолжает играть значимую роль в международных отношениях, оставаясь площадкой для акторов международных отношений [3].

Международное гуманитарное право и гуманитарные кризисы. Одним из наиболее уязвимых направлений международного права остаётся международное гуманитарное право. Женевские конвенции предусматривают защиту гражданского населения, военнопленных и медицинского персонала во время вооружённых конфликтов [4]. В современных войнах все чаще наблюдается нарушение данных норм. В большинстве конфликтов наблюдается поражение гражданских объектов, приток количества беженцев и упадок гуманитарной ситуации [5, с. 224]. Еще одной добавочной проблемой является политизация гуманитарной повестки. В обстоятельствах геополитического столкновения гуманитарная риторика зачастую бывает использована как инструмент внешнеполитического давления [7, с. 301]. Помимо того, прогресс беспилотных технологий, кибервойн и информационных операций формирует новые вызовы для международного гуманитарного права, которые нуждаются в адаптации действующих правовых механизмов [6, с. 229].

Перспективы реформирования международной системы. Кризис международного права не показатель

тотальной деструкции международной системы, но современные условия не оставляют никакого выхода кроме серьёзной модернизации [5, с. 247]. Одним из вероятных направлений русла реформ является модернизация механизмов деятельности ООН и Совета Безопасности. Большинство экспертов считают расширение состава Совета Безопасности и ограничение использования права вето в вопросах гуманитарных кризисов одним из лучших решений [6, с. 241]. Столь же важным продолжает оставаться прогресс международной дипломатии и механизмов предотвращения конфликтов. В нынешнее время превентивная дипломатия становится источником глобальной стабильности [7, с. 337]. Вдобавок к этому, международное право должно подстраиваться под новые виды угроз, в том числе кибербезопасность, информационные войны и технологическое соперничество государств [2, с. 137].

Заключение. Следовательно, современная система международного права находится на этапе серьёзного кризиса, вызванного притоком геополитической конкуренции, вооружённых конфликтов и ослаблением международных институтов. Международно-правовые механизмы демонстрируют ограниченный потенциал по обеспечению мира и безопасности в рамках современных конфликтов. Наличие и использование двойных стандартов, политизация международных институтов и кризис механизмов ООН ощутимо дискредитируют международное право [5, с. 268]. Несмотря на всё вышеуказанное, международное право остаётся первостепенным инструментом упорядочения международных отношений. Его последующее развитие и приспособление к современным условиям является важнейшим условием для поддержания глобальной стабильности и пресечения нововозникающих международных кризисов.

Библиография:

1. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – 7th ed. – New York: McGraw-Hill Education, 2006. – 752 p.
2. Waltz K.N. Theory of International Politics. – Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
3. Устав Организации Объединённых Наций. – Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. – Нью-Йорк: Организация Объединённых Наций. – <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 18.05.2026).
4. Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года. – Женева: Международный Комитет Красного Креста, 1949. – <https://www.icrc.org> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Лебедева М.М. Мировая политика. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: КНОРУС, 2021. – 256 с.
6. Цыганков П.А. Теория международных отношений.

– Москва: Юрайт, 2020. – 316 с.

7. Киссинджер Г. Мировой порядок. – Москва: АСТ, 2019. – 512 с.

8. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.

Elsevar ABBASOV (Azerbaijan),
Master's Student, Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan

THE CRISIS OF INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CONFLICTS

Summary. The article examines the crisis of international law in the context of contemporary armed conflicts and the transformation of the global political system. It analyzes the main challenges associated with violations of the principles of sovereign equality of states, territorial integrity, the prohibition of the use of force, and the protection of human rights. Particular attention is devoted to the effectiveness of international legal mechanisms, the role of international organizations, and compliance with the norms of international humanitarian law in modern conflicts. The study explores the causes of the declining authority of international law, as well as the impact of geopolitical rivalry among major powers and the application of double standards in the regulation of international relations. The article concludes that there is a growing need to strengthen international legal institutions and improve mechanisms for ensuring state responsibility for breaches of international obligations.

Keywords: international law, armed conflicts, international security, international humanitarian law, United Nations, sovereignty, territorial integrity, state responsibility, geopolitics, international organizations.

Эльсевар АББАСОВ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления при
Президенте Азербайджанской Республики

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Резюме. В статье анализируется кризис международного права в условиях современных вооружённых конфликтов и трансформации мировой политической системы. Рассматриваются основные вызовы, связанные с нарушением принципов суверенного равенства государств, территориальной целостности, неприменения силы и защиты прав человека. Особое внимание уделяется проблемам эффективности международно-правовых механизмов, деятельности международных организаций и соблюдения норм международного гуманитарного права в современных конфликтах. Исследуются причины снижения авторитета международного права, влияние геополитического соперничества ведущих держав и двойных стандартов на процессы правового регулирования международных отношений. Делается вывод о необходимости совершенствования международно-правовых институтов и механизмов обеспечения ответственности государств за нарушение международных обязательств.

Ключевые слова: международное право, вооружённые конфликты, международная безопасность, международное гуманитарное право, Организация Объединённых Наций, суверенитет, территориальная целостность, ответственность государств, геополитика, международные организации.

Zakir SHAHMALIYEV (Azerbaijan),

master's student of the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

ADVANTAGES OF ELECTRONIC AND DIGITAL PUBLIC SERVICES IN THE CONTEXT OF BUREAUCRATIC TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Introduction. When analyzing the experience and methods of struggle employed by both foreign countries and Azerbaijan in combating "Bureaucratic Degeneration" within state governance systems in the modern international political system, an important observation emerges. Both foreign countries and Azerbaijan clearly understand the reality that it is not possible to prevent "Bureaucratic Degeneration" 100%. Therefore, all countries of the world implement a "Policy for Minimizing Bureaucratic Degeneration" within their own countries. The implementation of this policy, in turn, is not possible without technological development. This is precisely why currently United States, Estonia, South Korea, Singapore and a number of countries, as well as Azerbaijan, are implementing technology-oriented governance models such as "E-Government" and "Digital Government" to minimize "Bureaucratic Degeneration."

The "E-Services" offered by "E-Government" and "Digital Government" exist in the administrative systems of states in the modern international political system. There are a number of differences between the "Traditional Services," which are characterized by "Bureaucratic Degeneration," and the "E-Services" offered by "Electronic Government" and "Digital Government":

1. Accessibility - Citizens, legal and natural persons, foreign nationals, and even stateless persons can only use "Traditional Services" at a specific address and during specific business hours. When it comes to elderly or physically disabled individuals living in remote villages, and any potential emergency weather conditions, these factors make it nearly impossible for them to use "Traditional Services." However, "E-Services" offer citizens, legal and natural persons, foreign nationals, and even stateless persons the opportunity to access "Government Services" 24/7, regardless of location, time, or place, regardless of weather conditions, to access "Government Services" 24/7, regardless of location, time, age category, or physical limitation [1].

Increasing the accessibility of "E-Services" is considered one of the main priorities in the formation of "E-Government" and "Digital Government". The concept of accessibility is not limited to technical capabilities; it also signifies that individuals can use "Government Services" easily, quickly, and without barriers. To this end, the strategy and methods implemented by the state are comprehensive and cover technological, institutional, social, and legal aspects.

Ultimately, strategies and methods for increasing the

accessibility of "E-Services" must be implemented in an interconnected and systematic manner. Expanding technological capabilities, institutional reforms, increasing digital literacy, and ensuring social equity are the main pillars of this process. The successful implementation of these approaches enhances the effectiveness of "E-Services" and creates the conditions for improving the quality of public services provided to citizens.

2. Time Consumption - One of the characteristic features of using "Traditional Services" is the long lines and waits that require a great deal of time and patience. This, in turn, leads to the creation of the "Red Tape" risk we mentioned in the previous chapter ("Red Tape" is an excessive amount of time and unnecessary procedures spent during operations and interactions within any organization or institution.) Today, the complex procedures and rules that "Bureaucrats" follow when carrying out their tasks are called "Bureaucratic Red Tape." They must be extremely careful to fill out every little form, follow every little rule, and ensure that every detail - such as the form of the documentation, the sentences, and the punctuation - is correct throughout the entire process. Doing so can take a long time, causing the process to be a waste of time on one hand and, on the other, to generate a massive amount of paperwork.

Due to strict rules and procedures, bureaucracies often react slowly to unforeseen situations and struggle to adapt immediately to changing social conditions. At the same time, when there are no "Loopholes" left to bend the rules, frustrated "Bureaucrats" can become defensive and indifferent to the needs of the people who have turned to them for help. It is also worth noting that such situations can lead "Bureaucrats" to see individuals who do not want to wait in extremely long, endless lines and who want to get their business done more quickly without wasting time as an "Opportunity," to put it another way, can lead to the flourishing of "Corruption."

However, the "E-Services" offered by the state through "Electronic Government" and "Digital Government" allow citizens, legal and natural persons, foreign nationals, and even stateless persons to complete their business more quickly without experiencing a waste of time in extremely long, endless lines, meaningless and unnecessary, and causing a significant waste of time [2], instead of spending time on procedures sometimes deliberately created by "Bureaucrats" to seize an "Opportunity," it provides the

opportunity to benefit from "Government Services" in the shortest possible time in the most high-quality and efficient manner. Through "Electronic Services," the receipt and processing of applications are completed in a shorter time, minimizing the service delivery time. This reduces time loss for both applicants and government agencies and speeds up administrative processes. At the same time, "Electronic Services" provide applicants with uninterrupted access to "Government Services" 24 hours a day.

3. Paperwork - When using "Traditional Services," applicants sometimes have to provide their ID card, birth certificate, or several other documents, such as proof of residence, educational certificates, a marriage certificate, etc. Photocopying and preparing these documents results in a large volume of paperwork. Furthermore, when this pile of paperwork is created, the documents of different individuals are sometimes mixed up. This, in turn, results in one of the applicant's documents being lost or, to put it another way, disappearing. Considering that in such situations, "Bureaucrats" not only do not admit their own guilt, but even use various techniques, methods, and means to "shift" it onto others, then it is clear that the burden of finding or recovering the missing documents falls on the applicants. "Electronic Services," however, "One Window" the "Burden" of finding or restoring lost or, to put it another way, disappeared documents falls on the applicants [3]. However, since "Electronic Services" automate information exchange between government agencies based on the "Single Window" principle, "E-Gov," "MyGov," by using "Digital Tools" like "SiMA" etc. [4], citizens, legal and natural persons, foreign nationals, and even stateless persons can avoid situations resulting in the loss or, to put it another way, disappearance of their documents, without the need for any paper bundles or the repeated request for the same documents, ...allowing them to access any "Government Services" without encountering situations where their documents are lost or otherwise go missing. Integrated information s between government agencies shorten service delivery times and increase administrative efficiency.

4. Human Contact – One of the defining features of "Traditional Services" is the intensive, in-person physical contact between people. For example, in long lines, the interaction between applicants and both each other and the service providers sometimes leads to conflict. This is because the stress people experience in their daily lives is further increased in long lines like these, and when one of the parties misunderstands an issue - whether in communication between the applicants themselves or with the service providers - the already high stress in the line is further intensified, emotions become unmanageable, and the situation can escalate into not just a verbal, but even a physical confrontation. If the conversation involves a "Socially Vulnerable Population Group," then the matter

becomes even more serious.

At the same time, personal relationships and acquaintances sometimes lead service providers to show a "Subjective Approach" toward the clients. For example, service providers may use various techniques, methods, and means to see a client who is a personal acquaintance or friend ahead of many others in a long line, in other words, use "manipulations." It is this "Subjective Approach" that over time leads to the emergence of "Corruption," one of the biggest problems, or causes existing "Corruption" to flourish even more. Because, as we mentioned earlier, over time "Bureaucrats" begin to see individuals who do not want to wait in long, endless lines and who want to get their business done more quickly without wasting time as an "Opportunity." The "Subjective Approach" formed by service providers toward applicants due to personal relationships and acquaintances serves as the fundamental groundwork for turning the "Opportunity" into a reality.

Furthermore, during "Pandemic" periods when viruses and infections like "COVID-19" spread rapidly, physical contact between people leads to the even faster spread of such viruses and infections, as the number of infected workers across various sectors in the country increases, it leads to a decrease in the nation's "Productivity Index" and overall productivity, an increase in healthcare and social sector spending, and, to put it another way, economic decline. "E-Services," however, by minimizing the role of the human factor, are conflicts that occur in extremely long, endless lines, "Subjective Approaches," and "Corruption," which these "Subjective Approaches" facilitate. Automated systems also prevent the rapid spread of various viruses and infections, such as "COVID-19" during "Pandemics," which, in other words, prevents a decrease in the country's "Productivity Index" and overall productivity, and economic decline. Automated systems ensure that decisions are made more objectively and in accordance with standards. This allows citizens to access services equally and reduces instances of discrimination. At the same time, "Digital Government" reduces the workload of public servants, enabling them to organize their activities more efficiently.

5. Costs – When using "Traditional Services," individuals seeking access to public services often incur various expenses. These include transportation costs required to travel to and from service providers, as well as additional daily expenses. For example, applicants may need to spend money on food and beverages during waiting periods, particularly when service provision is interrupted by lunch breaks.

As we noted above, when using "Traditional Services," a collection of paper is generated within any organization, agency, or institution, which sometimes leads to the mixing up of different individuals' documents, this mix-up, in turn, results in the loss or, to put it another way, disappearance of

one of the applicants' documents. Considering that in such situations, "Bureaucrats" not only refuse to admit their own guilt but also use various techniques, methods, and means to "shift" it onto others, then it is clear that the "burden" of finding or, to put it another way, the "Burden" of finding or restoring the lost documents falls on the applicants. In other words, the applicants must once again approach another organization, agency, or institution to recover their lost or, to put it another way, missing documents, and because they are using "Traditional Services" again, the process is extremely long, endless lines, various problems such as conflict, "Subjective Approach," acts of corruption, etc., and must pay an official state fine for the lost or, to put it another way, missing document, and then an official state fee to obtain a new one. Moreover, applicants must use certain cafeterias, cafes, or restaurants to meet their essential nutritional needs when faced with a "Lunch Break," and transportation to go from the organization, institution, or establishment where the problem occurred to another one and back again after restoring the lost or, to put it another way, missing documents. Considering that when faced with a "Lunch Break," applicants use certain cafeterias, cafes, or restaurants to meet their essential nutritional needs, it can be concluded that in such situations, their expenses increase fivefold.

Economically, "E-Services" both applicants and the government by eliminating the need for transportation, "Lunch Break" protects applicants from additional costs such as the official government fine for lost documents or, to put it another way, their disappearance, and the official government fee to obtain a new one, while also allowing for a reduction in government spending and more efficient use of resources. The reduction of paper carriers, the automation of operational processes, and the simplification of administrative procedures facilitate savings in budget funds. At the same time, E-Government contributes to improving the business environment and stimulates the development of entrepreneurial activity.

6. Transparency and Accountability – Another

Bibliography:

1. Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Vətəndaşlara Xidmət və Sosial İnnovasiyalar üzrə Dövlət Agentliyi haqqında Əsasnamə. – <https://e-qanun.az/framework/23926> (accessed on 27.05.2026).

important advantage of "Electronic Services" is increased transparency and accountability. The delivery of "Government Services" through "Electronic Platforms" ensures that all processes can be monitored. The existence of "Electronic Traces" increases transparency in the activities of government agencies and significantly reduces the risks of "Corruption." Furthermore, various organizations, agencies, or institutions regularly post reports, statistical data, and tables on their official "Web Platforms" regarding their activities, the work they perform, and the budget allocated to these tasks, regularly informing the public about their work. This, in turn, positively contributes to strengthening public trust in the government.

A careful analysis of the above leads to the conclusion that "E-Government" and "Digital Government," compared to the traditional system of governance, provide high-quality services to citizens, improve business, citizen, and government collaboration, flexible regulation of compliance with rules, demonstrating transparent accountability, ensuring citizens' integration into the government, increasing efficiency and performance, achieving more results with fewer resources, It has advantages such as eliminating redundant procedures, ensuring information security, and minimizing bureaucratic procedures.

Conclusion. Thus, it can be concluded that in the modern international political system, "E-Government" and "Digital Government" serve to provide services to the country's citizens in a qualitatively new form by utilizing the capabilities of virtual space and modern technologies, serves to provide services to the country's citizens in a qualitatively new form by utilizing the high level of informatization in government agencies, and the implementation of these new governance models combats the "Bureaucratic Degeneration" characterized by It also plays a significant role in the fight against "Bureaucratic Degeneration" due to its numerous advantages over "Traditional Services."

2. ASAN Xidmət. Haqqımızda. – <https://asan.gov.az/about> (accessed on 27.05.2026).

3. ASAN Xidmət. ASAN xidmət mərkəzi açıldı. – <https://asan.gov.az/az/media/news/asan-xidmet-merkezi-acildi> (accessed on 27.05.2026).

4. Azərbaycan Respublikasının Rəqəmsal İnkişaf və Nəqliyyat Nazirliyi. Rəsmi internet səhifəsi. – <https://mincom.gov.az> (accessed on 27.05.2026).

Закир ШАХМАЛИЕВ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ПРЕИМУЩЕСТВА ЭЛЕКТРОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Резюме. Одной из характерных особенностей современной международной системы является её непрерывное и стремительное развитие. Такая динамика требует совершенствования существующих моделей управления, которые уже не отвечают требованиям времени, либо создания и внедрения новых управленческих механизмов. В частности, ускоренное развитие современной международной системы приводит к изменению первоначального содержания понятия «бюрократия», которое в своё время рассматривалось как идеальная модель организации государственного управления. Развитие информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта привело к тому, что бюрократия утратила своё первоначальное значение и всё чаще воспринимается как негативное явление, характеризующееся возрастающим безразличием к потребностям граждан и общества, а также формированием своеобразной безответственности в процессе принятия решений.

Другой важной особенностью современной международной системы является стремительное развитие информационно-коммуникационных и цифровых технологий, а также искусственного интеллекта и их интеграция в модели государственного управления различных стран. В настоящее время многие государства внедряют модели «Электронного правительства» (*E-Government*) и «Цифрового правительства» (*Digital Government*), используя современные технологии для преодоления устаревших бюрократических механизмов управления и устранения порождаемых ими форм бюрократической деградации.

В данной статье анализируются модели управления «Электронного правительства» и «Цифрового правительства», а также рассматриваются различия и преимущества предоставляемых ими электронных услуг по сравнению с традиционными государственными услугами, характерными для систем управления государств современной международно-политической системы и подверженными проявлениям бюрократической деградации.

Ключевые слова: современная международно-политическая система, электронное правительство, цифровое правительство, бюрократия, бюрократическая деградация, противодействие бюрократической деградации.

Zakir SHAHMALIYEV (Azerbaijan),
master's student of the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

ADVANTAGES OF ELECTRONIC AND DIGITAL PUBLIC SERVICES IN THE CONTEXT OF BUREAUCRATIC TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Summary. One of the characteristic features of the modern international system is that it is developing continuously and rapidly with each passing day. This development necessitates the improvement of existing management models that do not meet the demands of the day, or the creation and implementation of new ones. For example, the rapid development of the modern international system with each passing day leads to a change in the simple original meaning of the concept of "Bureaucracy," which was once seen as an ideal system, information and communication technologies, as well as artificial intelligence, have caused the concept of "Bureaucracy," once seen as an ideal system, to evolve beyond its simple original meaning, leading it to become a negative concept characterized by increasing daily indifference and apathy toward citizens and society, creating a kind of self-responsibilitylessness.

Another characteristic feature of the modern international system is the rapid development of information and communication and digital technologies, as well as artificial intelligence, and their integration into the governance models of the states that are part of the modern international system. At present, many countries are adopting "E-Government" and "Digital Government," integrating modern technologies to address outdated governance models such as "bureaucracy," which no longer correspond to contemporary demands, along with the forms of "Degeneration" they generate.

This article analyzes the governance models of "E-Government" and "Digital Government" emphasizes the differences and advantages of the "Electronic Services" offered by these models in comparison with "Traditional Services," which are present in the governance systems of states within the modern international political system and are characterized by "Bureaucratic Degeneration"

Keywords: modern international political system, E-Government, digital government, bureaucracy, bureaucratic degenerations, combating bureaucratic degenerations

Кайрат ОСМОНАЛИЕВ (Кыргызстан),

доктор юридических наук, профессор
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
руководитель Центра Тюркского наследия

Жылдыз СУПАТАЕВА (Кыргызстан),

кандидат юридических наук
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
заместитель директора Института переподготовки
и повышения квалификации кадров

ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОПРОСАХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ КАРАБАХА

Возвращение культурных ценностей, утративших своё местонахождение в результате вооружённых конфликтов, — один из наиболее сложных и политически чувствительных аспектов международного гуманитарного права. Карабахский конфликт стал одним из ярких примеров того, как культурное наследие может оказаться в эпицентре споров о территориальной принадлежности, идентичности и исторической памяти. Разрушение памятников, вывоз артефактов, изменение культурного ландшафта и попытки переосмысления исторического наследия ставят задачу международного сотрудничества в этой сфере как крайне актуальную.

Культурное наследие в условиях вооружённых конфликтов выступает не только объектом материальной ценности, но и символом исторической памяти, идентичности и суверенитета. В Карабахском конфликте культурные объекты — мечети, церкви, мавзолеи, кладбища, музеи — оказались в центре политико-правового и гуманитарного дискурса. Таким образом, вопрос реституции и восстановления культурного наследия после вооружённого конфликта приобретает двойственную природу:

- (1) восстановление исторической справедливости;
- (2) укрепление доверия и предпосылок для мирного сосуществования.

После освобождения оккупированных территорий Азербайджан на различных международных площадках справедливо и неоднократно подчёркивал, что культурное наследие на своей территории — независимо от этнического, религиозного или исторического происхождения — является частью культурной и исторической идентичности Азербайджана, и его уничтожение или «изменение культурного облика» — это не просто потеря имущества, а подрыв исторической памяти народа.

Гагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта [1] предусматривает:

- обязательства сторон воздерживаться от разрушения культурных объектов;
- обязательства возвращать незаконно перемещённые ценности;
- мониторинг и международную помощь через Комитет защиты культурных ценностей.

Конвенция ЮНЕСКО 1970 года о запрещении незаконного вывоза и передачи культурных ценностей [2] регулирует вопросы, связанных с:

- незаконной перевозкой артефактов во время оккупации;
- идентификацией и возвратом похищенных объектов;
- участием международных организаций в реституционных процессах.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) [3] определяет стандарты по сохранению археологических объектов, что особенно актуально для Карабаха и его древних городищ.

Не секрет, что для оккупировавшей стороны эти перечисленные международные нормативные документы не имели никакого значения, разрушенные мечети, мавзолеи и другие объекты культурного наследия Азербайджана и Тюркского мира в целом стали известны мировой общественности после деоккупации.

Особенно возмутителен факт осквернения религиозных объектов: в отношении их религиозного символизма были совершены очевидные надругательства, когда они использовались в качестве конюшен и загонов для скота, что было мощной символической антимусульманской акцией, задуманной с целью нанести особое оскорбление азербайджанцам и мусульманам в целом. Из 67 мечетей и исламских религиозных святынь 65 были разрушены и две — серьезно повреждены [4].

В этой связи какими могут быть уроки для обеспечения национальной культурной безопасности

любого государства? Ситуация в Карабахе демонстрирует, насколько уязвимыми могут быть культурные объекты во время социальных и политических кризисов. Для Кыргызстана и других государств это означает необходимость инвентаризации и цифровизации культурных ценностей; укрепления охраны объектов во время вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций.

Вышеперечисленные международные документы, признаваемые всем цивилизованным мировым сообществом, подчеркнут еще раз, закрепляют обязанность государств предотвращать разрушение и разграбление культурных объектов, возвращать незаконно вывезенные ценности и сотрудничать в их идентификации и реституции. Международные обязательства должны соблюдаться всеми без исключения. Однако на практике мы видим, что под прикрытием необоснованных отговорок, надуманных причин не все страны исполняют требования перечисленных международных правовых инструментов.

В Азербайджане после освобождения оккупированных территорий все исторические памятники в Карабахе взяты под контроль государства, ни один из них не разрушен и не поврежден [5]. Азербайджан сегодня проводит масштабные работы по восстановлению освобожденных территорий. После деокупации этих территорий одним из приоритетов для правительства является реставрация и охрана памятников. Такая политика заслуживает поддержки и похвалы.

Насколько мне известно, Азербайджан неоднократно призывал международные организации, в том числе UNESCO, провести независимую техническую миссию для оценки ущерба, документирования разрушений и принятия мер по защите оставшегося наследия. Такие заявления логично направлены на то, чтобы в конце концов добиться проведения независимой международной оценки и инвентаризации разрушений на освобожденных территориях, зафиксировать — документально и публично — преступления против культурного наследия, чтобы затем требовать компенсаций либо восстановления (реставрации, возвращения уцелевших объектов, охрану, восстановление инфраструктуры).

Эти действия доказывают, что Азербайджан как государство, придаёт важное значение защите культурного наследия, и рассчитывает на международное сотрудничество — в том числе с UNESCO — по охране, сохранению, реставрации и мониторингу культурного наследия [6, с. 133].

В чем же заключается роль международного сотрудничества по рассматриваемым проблемам?

Очевидно, что международное сообщество играет ключевую роль в независимой оценке ущерба. Так, независимые миссии предотвращают манипуляции фактами и обеспечивают правовую основу для дальнейших действий. Международное сотрудничество выполняет и медиативную функцию.

Поскольку вопрос культурного наследия является крайне политизированным, международные структуры способствуют:

- снижению напряжённости;
- формированию экспертного консенсуса;
- привлечению грантов и финансовой помощи.

В постконфликтный период необходимо использование механизмов мягкой силы, так как культурное наследие превращается в инструмент дипломатии — «культурная дипломатия», позволяющая продвигать доверие; развивать межгосударственный диалог; демонстрировать приверженность международному праву.

Для успешного решения вопроса о возвращении культурных ценностей представляется необходимым:

1. Создание постоянной международной комиссии по культурному наследию Карабаха.
2. Разработка единого каталога утраченных и вывезенных ценностей.
3. Укрепление механизмов культурной дипломатии с участием стран СНГ и международных организаций.
4. Привлечение независимых экспертов для определения подлинности и происхождения спорных артефактов.
5. Продвижение концепции «культурной нейтральности», позволяющей отделять культурные вопросы от политических разногласий.

К слову сказать, международные организации (ЮНЕСКО, Совет Европы, ИКОМОС) неоднократно отмечали необходимость проведения независимой экспертизы состояния памятников, документирования утрат и содействия диалогу между сторонами.

Схематично роль международных организаций выглядит, по нашему мнению, так:

- ЮНЕСКО — это мониторинг, культурная дипломатия, экспертная оценка;
- ИККРОМ (Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей), и ИКОМОС (Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест) — это техническая поддержка, рекомендации по реставрации;
- Интерпол — это выявление незаконного перемещения артефактов;
- ООН — это использование площадок для выработки политических решений.

Какова же может быть потенциальная роль Кыргызстана в процессах международного сотрудничества в обсуждаемой сфере? Кыргызстан, являясь участником ключевых международных конвенций в сфере охраны культурного наследия, может участвовать в данной сфере следующим образом, выполняя экспертно-консультативную роль через участие кыргызских специалистов в международных экспертных миссиях ЮНЕСКО и ИКОМОС; вовлекая научные учреждения Кыргызстана в оценку разрушений и методологическую поддержку реституционных процессов.

В рамках международной дипломатии и платформы для диалога мы можем оказывать содействие в организации конференций, семинаров и круглых столов на площадке Кыргызстана по вопросам культурной дипломатии и постконфликтного восстановления.

Кыргызстан, будучи сторонником мирного урегулирования споров и активным участником культурной дипломатии, обладает определенным потенциалом вносить вклад в процессы международного сотрудничества, направленные на охрану и реституцию культурных ценностей.

Очевидно, что вопросы возвращения культурного наследия в контексте Карабахского конфликта выходят за рамки двусторонних отношений и требуют системного международного подхода. Эффективное, насколько это возможно, решение этих вопросов создаст правильные прецеденты в международном праве и может укрепить позиции государств в сфере гуманитарного сотрудничества, подчеркивая приверженность международно-правовым нормам в области культурного наследия.

Библиография:

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (Дата обращения: 01.06.2026 г.)
2. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже 14 ноября 1970 г. – принятие Барбадосом - https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152755_rus. (Дата обращения: 01.06.2026 г.)
3. Restoration of Archaeological Ceramics: Key Concepts and Terminology - <https://rm.coe.int/168007bd4d>. (Дата обращения: 01.06.2026 г.)
4. Постоянный представитель Азербайджана при ООН: В результате армянской оккупации были осквернены объекты культурного наследия Азербайджана. - https://azertag.az/ru/xeber/postoyanniy_predstavitel_azerbaidzhana_pri_oon_v_rezultate_armyanskoj_okkupacii_byli_oskverneny_obekty_kulturnogo_naslediya_azerbaidzhana-2174711. (Дата обращения: 01.06.2026 г.)
5. Государственная стратегия восстановления и развития Карабаха и Восточного Зангезура в постконфликтный период. - https://azertag.az/ru/xeber/gosudarstvennaya_strategiya_vosstanovleniya_i_razvitiya_karabaha_i_vostochnogo_zangezura_v_postkonfliktnyi_period-3872991. (Дата обращения: 1.12.2025 г.)
6. Гафарова Г.Н., Мирсейбли С.А. Судьба музеев и памятников Карабаха. - Вопросы музеологии, 2021, 12 (1): 131–145.

Kairat OSMONALIEV (Kyrgyzstan),

Doctor of Law, Professor
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn,
Head of the Center for Turkic Heritage

Zhyldyz SUPATAYEVA (Kyrgyzstan),

Candidate of Law
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn,
Deputy Director of the Institute of Retraining
and Advanced Training

FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE RESTORATION AND RESTITUTION OF CULTURAL HERITAGE IN THE POST-CONFLICT PERIOD: KARABAKH'S CASE

Summary. The article examines the problem of preserving and returning cultural heritage in the context of armed conflict,

which is one of the most complex areas of international humanitarian law. The bloody Karabakh conflict, accompanied by large-scale destruction of cultural sites, has become one of the most discussed examples of recent decades, when issues of ownership, restitution and protection of cultural property have acquired a political and legal character. In this regard, mechanisms of international cooperation aimed at documenting losses, ensuring the protection of objects and creating conditions for the possible transfer or restoration of cultural property are of particular importance.

Keywords: Karabakh conflict, cultural heritage, international humanitarian law, restitution, cultural diplomacy

Кайрат ОСМОНАЛИЕВ (Кыргызстан),

доктор юридических наук, профессор
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
руководитель Центра Тюркского наследия

Жылдыз СУПАТАЕВА (Кыргызстан),

кандидат юридических наук
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
заместитель директора Института переподготовки
и повышения квалификации кадров

ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОПРОСАХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ КАРАБАХА

Резюме. В статье рассматривается проблема сохранения и возвращения культурного наследия в условиях вооружённых конфликтов является одной из наиболее сложных сфер международного гуманитарного права. Кровопролитный Карабахский конфликт, сопровождавшийся масштабными разрушениями культурных объектов, стал одним из наиболее обсуждаемых примеров последних десятилетий, когда вопросы принадлежности, реституции и защиты культурных ценностей приобрели политико-правовой характер. В этой связи особую значимость приобретают механизмы международного сотрудничества, направленные на документирование утрат, обеспечение охраны объектов и создание условий для возможной передачи или восстановления культурных ценностей.

Ключевые слова: карабахский конфликт, культурное наследие, международное гуманитарное право, реституция, культурная дипломатия

Эмин ГАДЖИНСКИЙ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент кафедры
Международных отношений и внешней политики
Академии Государственного Управления при
Президенте Азербайджанской Республики

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ключевым аспектом мировой политики с наступлением эпохи глобализации, стал рост количества формальных и неформальных институтов, усиление их деятельности и возрастание влияния на международные отношения. Особенно большую популярность получают неформальные международные институты, которые именуется как клубы, форумы или группы.

Институты обычно определяются как «правила игры» или «придуманные человеком ограничения, которые формируют человеческое взаимодействие» [2]. Поскольку люди живут в неопределенном мире, они придумывают институты для контроля над своей средой, чтобы внести некоторую определенность. Правила игры могут быть определены как формально, так и неформально. Формальные институты обычно, ограничены в формальных структурах, таких как конституции, политические институты, системы прав собственности и т. д.

Неформальные межправительственные организации являются важной категорией международных организаций, которые находятся между нормами и формальными МПО в спектре институциональных форм и, как утверждается, формируют международную политику. Они являются автономными институтами, которые включают неформальные механизмы управления, используемые государствами в формальных МПО.

В большинстве случаев международные неформальные институты не предполагают наличие уставов или других учредительных документов. Они применяют более разнообразные формы отношений между участниками, без применения чётких нормативов.

В мировой политике мы сталкиваемся с различными международными институтами, которые своей деятельностью оказывают серьёзное влияние на формирование и развитие современных международных отношений. Среди них в первую очередь необходимо отметить такие неформальные государственные институты как «G7» и «G20» БРИКС, Парижский клуб стран-кредиторов. В мировой политике растёт влияние и негосударственных - неформальных институтов, в которых главную роль играют саммиты ведущих мировых политиков, государственных деятелей, бизнесменов. Они объединяются в такие неформальные структуры как Бильдербергский клуб, Трехстороннюю комиссию, Римский

клуб, Лондонский клуб.

В современной международной практике закрепился новый тип неформального общения на уровне глав государств и правительств обсуждавшие в основном насущные экономические проблемы. К ним относятся, например, Всемирный экономический форум, Давосский экономический форум, Азиатско-тихоокеанское экономической сотрудничество. Однако, надо отметить, что неформальные международные институты, функционирующие на мировом уровне, в основном отражают интересы западного мира во главе с евроатлантическим сообществом [4, с. 39].

Зарождение и популяризация международных неформальных объединений имеет под собой ряд причин. Прежде всего фундаментальные изменения, произошедшие в мире после II мировой войны. К ним можно отнести: формирование современных государств с развивающейся экономикой; появление, в результате окончания «холодной войны», современных международных институтов, в том числе неформальных; возрастание экономического и валютно-финансового потенциала развивающихся экономик [3, с. 9].

Неформальные институты имеют в своем составе как государственных, так и негосударственных участников. В тоже время необходимо учесть, что такие неформальные институты, как клубы, группы и форумы не имеют чёткой организационной структуры.

Существенной спецификой является то, что неформальные институты не имеют легитимного международного права на принятие важнейших вопросов в сфере международных отношений.

Важнейшим отличием является то, что решения, принятые неформальными организациями, не обязательны к исполнению, так как их исполнение не подтверждаются юридическими гарантиями [6, с. 68].

Среди современных учёных, политологов и экономистов нет однозначной формулировки термина «неформальных институтов». Раскрывая роль неформальных институтов в современной международной политике Г. Хельмке и С. Левитски, отмечают, что «неформальные институты — это поведенческие закономерности, основанные на социально разделяемых правилах, обычно неписаных, которые создаются,

передаются и применяются вне официально санкционированных каналов» [10, с. 729].

В настоящее время особое значение приобретает изучение неформальных институтов, которые способны как усложнять, так и облегчать плодотворную реализацию экономических моделей, внедрение идей финансово-олигархических групп и элит, и их усилия по влиянию осуществлению глобальных проблем, стоящих перед человеческим сообществом.

Исходя из выше указанного ставится вопрос о возможности эволюции международного неформального института в международную организацию. В деятельности международных институтов характерен поиск качественных механизмов и результатов решения указанных задач. Это демонстрирует возможность в расширении функций, так и в модернизации организационной структуры. Таким образом, институализация международных неформальных объединений выглядит как свершившаяся реальность.

Это подтверждается практикой деятельности ряда крупных институтов. Например, получивший, созданный в 1947 году неформальный институт Генеральное соглашение по тарифам и торговле международный (ГАТТ), в 1994 г. был «переформатирован» в юридически обоснованный международный институт - ВТО [1, с. 88].

Ряд современных международных неформальных институтов построены по клубной системе и имеет свои преимущества. Представляя собой гибкую структуру неформальные институты, легче приспосабливаются к происходящим трансформациям в мировой политике. Отсутствие чётко установленных правил оказывает положительный эффект на позитивный диалог между членами неформального института.

В чём же состоит значение неформальных институтов в современных международных отношениях? Представители теории политического реализма придерживаются, той точки зрения что современные неформальные институты являются активными проводниками внешнеполитических интересов их ведущих акторов и не в состоянии производить нечто новое, выходящее за пределы этого.

Теоретики школы либерального институционализма, придерживаются мнения о том, что глобальные изменения в мире непосредственно оказывают влияние на национальные государственные интересы. У государств созревает необходимость в согласовании своей деятельности, и получении помощи со стороны коллективных международных структур.

Сторонники школы транснационализма считают, что международные институты, в том числе и неформальные, в перспективе могут превзойти современные государства по степени влияния. Современная тенденция на международной арене ясно

показывает, что международные институты сейчас играют более значимую роль, чем некоторые отдельные государства в международных отношениях [5, с. 38].

Международная практика показывает, что рост числа неформальных институтов уже стал реальностью. Среди современных международных клубов следует особо отметить такой неформальный институт, как G7. В настоящий момент деятельность G7 осуществляет многосторонние компетенции. На своих саммитах обсуждает G7 глобальные и локальные проблемы. Это издержки международной безопасности, экономики, изменения климата, энергобезопасности, проблемы глобализации и т.д. При этом G7 не основывается на международном договоре, не имеет четко установленных критериев членства, устава и постоянного секретариата. Принятые в рамках G7 решения представляют собой политические обязательства стран-участниц.

С другой стороны, возникновение различных международных неформальных институтов и рост их позиций в решении многих международных проблем связан с определёнными трудностями. Это повышает степень ответственности и влияния неформальных институтов на международные отношения, которые становятся неопределёнными и менее предсказуемыми.

Таким образом, возникновение в мировой политике глобальных неформальных институтов стало закономерным результатом развития современных международных отношений. Формы и методы деятельности неформальных институтов во многом идентичны с международными организациями по многим аспектам. В тоже время они не скреплены между собой учредительным договором, и поэтому более свободны в принятии решений иногда не соответствующие международно-правовым нормативам. Неформальный характер и гибкость структуры неформальных институтов обладают рядом преимуществ, поскольку такой формат сотрудничества становится особенно востребованным в современных реалиях. Рост влияния неформальных институтов в международной политике говорит о том, что многосторонние институты постепенно становятся значимой формой внешней политики и дипломатии ведущих государств на мировой арене.

Современные институты имеют особое значение для понимания как формальных, так и неформальных элементов политики. В монографии посвящённой проблеме устойчивого развития и роли в ней формальных и неформальных институтов Я-П Вофи, Р. Барт и Ф. Эбингер отмечают, что термин «институт» относится к «самой общей форме длительного социального взаимодействия, которое продолжается за пределами индивидуальных действий. Концепция института представляет собой попытку уловить постоянный, стабильный, регулирующий и формирующий характер, который можно наблюдать в

социальном действии, во взаимодействии упрямых, в определенной степени автономных акторов» [21].

Институты создают стабильность, тем самым уменьшая неопределенность и предлагая рекомендации. Каждое общество склонно создавать институты для решения «вечных фундаментальных проблем». Институты могут помочь уменьшить конфликты или, по крайней мере, регулировать их, например, когда разные интересы вступают в конфликт.

Институты не обязательно должны быть формальными: они также могут находиться в неформальной сфере. Зачастую это не умаляет их эффективности. В этом контексте следует также отметить, что неформальные элементы политики могут быть так же прочно институционализированы, как и их формальные аналоги. В этом контексте Г. О'Доннелл говорит о состоянии «неформальной институционализации». Неформальная политика может быть институционализированной и «рациональной» в том смысле, что «существуют регулярные модели взаимодействия, на которые влияет «долговечность». Стабильность неформальных моделей взаимоотношений и поведения позволяют предположить, что они выполняют важные функции для политических систем и подсистем [19, с. 41].

Важность институтов заключается в их промежуточном эффекте, поскольку правила политического взаимодействия ограничивают результаты борьбы между конфликтующими интересами и идеями». В целом институты в политической сфере создают порядок восприятия, в рамках которого политическое поведение понимается и может сохранять преемственность [18, с. 52]. Как формальные, так и неформальные институты могут повысить предсказуемость политических процессов и решений и тем самым уменьшить неопределенность. В этом контексте могут быть созданы институты для предотвращения или, по крайней мере, сдерживания конфликтов. Короче говоря: формальные и неформальные институты могут способствовать контролю и интеграции в политической сфере, обеспечивая порядок и ориентационные услуги [8, с. 38]. Однако неформальные институты также могут способствовать разращению человеческого поведения [16].

Таким образом, формальные и неформальные институты могут оказывать в целом одинаковое воздействие или предоставлять одни и те же услуги. Однако, невозможно утверждать, что только формальные институты функциональны, а неформальные институты нефункциональны, или что формальные институты приносят только преимущества, а неформальные институты — только недостатки. Единственным явным исключением являются неформальные институты, действующие в сфере нелегальности; их всегда можно

рассматривать как неработоспособные и вредные для затронутых систем. Однако, как правило, реальность более сложна и противоречива. В результате важно проводить дифференцированный анализ и оценки в конкретном случае.

Разнообразие и обоюдоострый характер возможных последствий неформальных институтов можно проиллюстрировать на отношениях между формальными и неформальными институтами в политических системах. Только в конкретном случае можно определить, как два типа институтов соотносятся друг с другом в рамках политической структуры. Даже широко используемая формула «напряжения» между формальными и неформальными институтами должна быть подвергнута сомнению. Формальные институты недостаточно эффективны, всеобъемлющи или достаточно гибки для решения проблем коллективного действия. Неформальные институты могут прагматично заполнить пробел формальных институтов, привести к более быстрому поиску решений и способствовать снижению транзакционных издержек.

Как отмечала немецкий социолог, профессор, Рената Майнц, обращение к неформальным процедурам может быть функциональным, когда формальные процедуры не подходят для конкретной проблемы. Также возможно, что существующие формальные спецификации имеют пробелы. В таких случаях существование или введение формальных институтов может привести или, по крайней мере, способствовать появлению неформальных институтов [17, с. 57].

Ирландский политолог из Университета Джонса Хопкинса Генри Фаррелл и швейцарский политолог, профессор Адриенн Эритье сметаю, что «формальные институциональные изменения могут в определенный момент времени привести к появлению неформальных институтов, которые, в свою очередь, могут повлиять на формирование будущих формальных институтов» [11, с. 69].

Неформальные институты могут функционально расширить сферу действия политических акторов и предоставить дополнительные инструменты контроля и интеграции. Здесь мы также имеем дело не только с совместимостью, но и с взаимодополняемостью между формальными и неформальными институтами [17, с. 59]. Однако в других случаях можно прийти к выводу, что формальные и неформальные институты несовместимы, например, когда формальным организационным структурам и формально определенным полномочиям противодействуют неформальные системы взаимоотношений и связанные с ними правила. В таком случае формальные и неформальные институты конфликтуют. В демократических системах существование неформальных институтов становится критически важным,

когда они подрывают формальные институты [18, с. 439].

Анализируя и оценивая существование и использование неформальных структур и процедур в политических системах, важно учитывать, с одной стороны, их возможные преимущества, расширенный простор для действий, дополнительные средства достижения цели, и комплексные решения проблем и недостатков, которые необходимо выявить и оценить. Недостатки могут заключаться в сомнительной легитимности, отсутствии прозрачности или гласности соответствующих структур и процедур. Недостатки систем и процедур неформальных отношений также могут возникать из-за высокого уровня зависимости от конкретных партнеров. Наконец, долгосрочная безопасность неформальных соглашений также может создавать проблемы [7, с. 292].

С другой стороны, при анализе и оценке неформальных институтов важно ответить на вопрос, кому выгодно их существование и использование. Являются ли это просто отдельными субъектами в конкретной сфере деятельности? И если да, то какой? В этом контексте возможны случаи, когда отдельные субъекты получают выгоду от неформальных институтов, но в результате широкая общественность несет издержки.

Функционирование политических систем и подсистем можно оценить только на основе взаимодействия и взаимоотношений между формальными и неформальными институтами [21, с. 228]. Как правило, оба типа институтов тесно переплетены в рамках институциональной структуры и влияют друг на друга: также определяется или, по крайней мере, находится под влиянием неформальных институтов. Специфика и взаимодействие формальных и неформальных институтов в зависимости от страны и сферы деятельности зависят от ряда факторов, в том числе от исторически сложившихся политических традиций, специфических социокультурных вложений соответствующих акторов, социально-экономического уровня развития, соответствующие политические и экономические структуры власти, наследие предыдущих режимов, сила экономического влияния государства и формальная институциональная конфигурация рассматриваемой политической системы [1, с. 324].

Однако до сих пор нет сравнительного анализа или обобщенных утверждений о значении этих факторов для преобладания неформальных процедур в политических системах [14]. Однако, что кажется интересным в этом контексте, так это тезис, выдвинутый Полом Георгом Гейссом, о том, что доминирование формальных или неформальных институтов в конкретной стране оказывает влияние на соответствующий исторический процесс. В то время как на Западе, особенно в континентальной Европе, возникли универсальные политические структуры

общества, основанные на верховенстве закона, в других странах политическое действие остается встроенным в партикуляристские структуры и процессы [20].

Ни одна политическая система, даже в либеральных демократиях Западной Европы, не функционирует исключительно на основе формальных структур и процессов. Институциональный порядок политических систем можно понять только в отношении как формальных, так и неформальных организаций, правил и соглашений, их институционализации и взаимоотношений друг с другом. Практика политических систем становится понятной только тогда, когда исследуются все соответствующие институциональные механизмы. Ограничивать анализ формальными институтами внутри них и в их среде означало бы игнорировать центральные элементы и детерминанты политики.

Конечно, это не означает, что весь спектр мировой политики можно объяснить с такой всеобъемлющей институциональной точки зрения. Институты, формальные или неформальные, образуют важный фильтр политических действий, однако они не только определяют результаты политических действий. Скорее, институты создают структуру, в которой конфликтующие интересы сталкиваются друг с другом. Таким образом, интересы и идеи, на которых они основаны, образуют движущие силы политики, которые невозможно объяснить или объяснить неадекватно с институциональной точки зрения [15, с. 170].

Общие ограничения институциональных подходов к объяснению политических действий, институционально подкрепленные исследования формальной и неформальной политики могут аналитически улучшить понимание политических процессов и структур. На основе этих концептуальных размышлений исследования можно продвигать в различных направлениях. Чтобы углубить понимание институционального порядка политических систем, организаций и политических полей, кажется разумным сосредоточиться на их внутренней динамике. Это позволило бы объяснить преемственность и смену формальных и неформальных институтов в политических системах и не только с учетом воздействия формально-институциональной и социальной среды, а также их происхождения и истории развития, но и с учетом конкретных переговорных процессам, которые способствовали или способствуют институциональному развитию отдельных систем, организаций и областей политики. Такой анализ должен был изучить вопрос о том, как ключевые политические игроки воспринимают возможности и принуждения действовать в своей среде и в какой степени они впоследствии решают соответствующим образом выстроить соответствующий институциональный порядок.

Цель не состоит в том, чтобы утверждать, что формальная и неформальная политика приносит значительную аналитическую ценность по отношению ко всем аспектам политических систем. Можно утверждать, что это особенно верно, если, во-первых, можно провести относительно четкое различие между формальными и неформальными институтами по отношению к объекту исследования и, во-вторых, если формальные институты не представляют собой просто фасад. Таким образом, применение аналитического подхода представляется наиболее простым, когда политика осуществляется в рамках демократических политических систем в конкретных организационных контекстах, например, в рамках партий, парламентов или других корпораций или в «организациях» [12]. Здесь отношения между формальными и неформальными институтами могут быть проанализированы в наиболее сжатой форме.

Библиография:

1. Бирюков П.Н., Галушко Д.В. Право Всемирной торговой организации: учебно-методическое пособие. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – 110 с.
2. Рогатных Е.Б. Эволюция современной системы многостороннего межправительственного сотрудничества и место БРИКС в этой системе // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – № 7. – С. 9–10.
3. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – Москва: Аспект Пресс, 2012. – 688 с.
4. Чечурина М.Н. Международная интеграция и международные организации. – Мурманск: МГТУ, 2012. – 146 с.
5. Ягодкина В.М. Институты и институализация мировой экономики: генезис, эволюция, перспективы. – Иркутск: БГУЭП, 2006. – 151 с.
6. Dittmer L. East Asian Informal Politics in Comparative Perspective // Dittmer L., Fukui H., Lee P.N.S. (eds.). Informal Politics in East Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 290–308.
7. Immergut E.M. The Normative Roots of the New Institutionalism: Historical Institutionalism and Comparative Policy Studies // Comparative Political Studies. – 1998. – Vol. 31. – No. 1. – P. 5–32.
8. Gohler G. Politische Institutionen und ihr Kontext. Begriffliche und konzeptionelle Überlegungen zur Theorie politischer Institutionen // Gohler G. (Hrsg.). Die Eigenart der Institutionen. – Baden-Baden: Nomos, 1994. – S. 19–46.
9. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2. – No. 4. – P. 725–740.
10. Farrell H., Héritier A. Formal and Informal Institutions under Co-decision: Continuous Constitution-Building in Europe // European Integration Online Papers (EIoP). – 2002. – Vol. 6. – No. 3.
11. Janning F. Institutionelle Isomorphie in politischen Organisationsfeldern: Implikationen des organisationswissenschaftlichen Institutionalismus für die Staatstheorie und Politikanalyse. – Unveröffentlichtes Manuskript, 2005.
12. Abbott K.W., Snidal D. Why States Act through Formal International Organizations // The Journal of Conflict Resolution. – 1998. – Vol. 42. – No. 1. – P. 3–32.
13. Lauth H.-J. Informal Institutions and Political Transformation: Theoretical and Methodological Reflections. – Paper presented at the ECPR Joint Sessions. – Uppsala, 2004.
14. MacIntyre A. The Power of Institutions: Political Architecture and Governance. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2003. – 224 p.
15. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. – New York: Free Press, 1989. – 294 p.
16. March J.G., Olsen J.P. Institutional Perspectives on Political Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration. – 1996. – Vol. 9. – No. 3. – P. 247–264.
17. Mayntz R. Informalisierung politischer Entscheidungsprozesse // Görlitz A., Burth H.-P. (Hrsg.). Informale Verfassung. – Baden-Baden: Nomos, 1998. – S. 55–65.
18. Merkel W., Croissant A. Defective Democracies: Concept and Causes // The Oxford Handbook of Political Science. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 437–446.
19. O'Donnell G. Illusions About Consolidation // Diamond L., Plattner M.F., Chu Y.-h., Tien H.-m. (eds.). Consolidating the Third Wave Democracies. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 40–57.
20. Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Change. – Vienna, 2002.
21. Scalapino R.A. Informal Politics in East Asia: Introduction // Asian Survey. – 1996. – Vol. 36. – No. 3. – P. 227–229.
22. Voß J.-P., Barth R., Ebinger F. Institutionelle Innovationen im Bereich Energie- und Stoffströme: Abschlussbericht zur Sondierungsstudie. – Freiburg; Darmstadt: Öko-Institut, 2001.
23. В 2022 году Индонезия провела саммит G20 в качестве председательствующей страны. - <https://ik.iccaras.ru> (дата обращения: 01.06.2026).
24. Abbott K.W., Snidal D. Why States Act through Formal International Organizations. - <https://www.jstor.org/stable/174551> (дата обращения: 01.06.2026).
25. Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Change. – <https://homepage.univie.ac.at> (дата обращения: 01.06.2026).
26. Merkel W., Croissant A. Defective Democracies: Concept and Causes. – <https://doi.org/10.1093/oso> (дата обращения: 01.06.2026).
27. Voß J.-P., Barth R., Ebinger F. Institutionelle Innovationen

im Bereich Energie- und Stoffströme. – www.oeko.de (дата обращения: 01.06.2026).

Emin HAJINSKI (Azerbaijan),
doctor of philosophy in history, associate professor of the
department of International Relations and foreign policy of the
Academy State Administration at President of the Republic of Azerbaijan

INFORMAL INTERNATIONAL INSTITUTIONS IN WORLD POLITICS: THEORY AND PRACTICE

Summary. This article examines the growing role of informal international institutions in the context of globalization and the transformation of contemporary world politics. It argues that alongside the expansion of formal international organizations, there has been a significant rise in informal structures, which increasingly influence global governance and international relations.

Informal mechanisms are typically characterized by flexible structures, the absence of legally binding frameworks, and a limited number of participating states. Particular attention is paid to their role in economic coordination, security cooperation, and crisis management.

In conclusion, the paper argues that informal international institutions have become an essential component of the modern system of global governance.

Keywords: Informal international institutions; world politics; global governance; international organizations; international forums.

Эмин ГАДЖИНСКИЙ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент кафедры
Международных отношений и внешней политики
Академии Государственного Управления при
Президенте Азербайджанской Республики

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Резюме. В статье рассматривается феномен неформальных международных институтов как значимого элемента современной мировой политики. Анализируются теоретические подходы к определению понятия «неформальные институты», раскрываются их сущностные характеристики, функциональные особенности и специфика взаимодействия с формальными международными организациями. Особое внимание уделяется процессам институционализации неформальных объединений, их роли в глобальном управлении и трансформации международной системы. На основе сравнительного анализа различных теоретических школ выявляются различия в оценке значения неформальных институтов. Делается вывод о том, что неформальные структуры становятся устойчивым элементом международных отношений, выполняя как компенсаторные, так и альтернативные функции по отношению к формальным институтам.

Ключевые слова: неформальные международные институты; мировая политика; глобальное управление; международные организации; международные форумы.

Юрий БОЧАРОВ (Израиль),

доктор политологии, Руководитель проекта
«Института исследования информационных войн»
yurabig@gmail.com

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ

Постановка проблемы. Современная система международных отношений переживает период устойчивого роста вооружённой конфликтности. По данным SIPRI, ACLED, International Institute for Strategic Studies (IISS), UNHCR и Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC), в последние годы в мире ежегодно фиксируется от 100 до 130 вооружённых конфликтов различной интенсивности — от локальных межэтнических столкновений и гражданских войн до масштабных межгосударственных противостояний. По оценкам международных исследовательских и гуманитарных организаций, не менее 15–20 из них могут быть отнесены к категории полномасштабных войн, сопровождающихся высокой интенсивностью боевых действий, значительными человеческими потерями и масштабными гуманитарными последствиями. Однако лишь ограниченная часть этих конфликтов становится объектом постоянного международного внимания, дипломатической активности и широкого освещения в глобальном информационном пространстве [1, с. 28].

Наиболее заметными конфликтами последних лет остаются российско-украинская война, вооружённое противостояние Израиля и ХАМАС, региональная конфронтация между Израилем и Ираном, а также ряд кризисов, непосредственно затрагивающих интересы ведущих мировых держав. Одновременно значительное число вооружённых конфликтов в Африке, Азии и Латинской Америке остаётся на периферии международной политической и медиаповестки даже при сопоставимых масштабах насилия, разрушений и гуманитарных последствий.

Подобная ситуация свидетельствует о существовании выраженной асимметрии международного внимания. Формально современная система международных отношений основана на принципах универсальности международного права, равной ценности человеческой жизни и недопустимости массового насилия. Однако на практике уровень политического, информационного и гуманитарного реагирования определяется не только масштабом человеческих потерь, но и геополитической значимостью конфликта, его влиянием на международную безопасность, мировую экономику, энергетические маршруты и интересы ведущих центров силы.

В этих условиях вооружённый конфликт

становится не только военно-политическим событием, но и элементом глобальной политической коммуникации. Международное внимание превращается в самостоятельный политический ресурс, способный влиять на дипломатическую активность, объёмы гуманитарной помощи, санкционное давление и масштабы международной поддержки. Соответственно, войны начинают конкурировать между собой не только на поле боя, но и в глобальном информационном пространстве.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении факторов, определяющих различия в уровне международного внимания к современным вооружённым конфликтам, а также в анализе механизмов политической и информационной селекции, формирующих иерархию «видимых» и «невидимых» войн в современной международной системе.

Конфликт как объект глобального внимания. На протяжении большей части истории вооружённые конфликты воспринимались преимущественно как военно-политические события, ограниченные пространством непосредственного противостояния. Однако развитие глобальных коммуникаций, спутникового телевидения, цифровых платформ и социальных сетей радикально изменило характер современных войн. Сегодня вооружённый конфликт существует одновременно в физическом и информационном пространстве, а международное восприятие войны становится важным фактором её политических последствий.

Современная война всё чаще развивается не только на поле боя, но и в глобальном медиапространстве. Информация о военных действиях распространяется практически в режиме реального времени, формируя общественные настроения, влияя на позиции правительств, международных организаций и гуманитарных структур. В результате внимание мировой аудитории становится самостоятельным политическим ресурсом, способным воздействовать на ход конфликта и масштабы международного реагирования.

Особую роль в этом процессе играет способность конфликта привлекать и удерживать внимание международной аудитории. В условиях информационной перегруженности государства, международных организаций и средства массовой

информации вынуждены постоянно выбирать, какие события заслуживают первоочередного освещения. В результате формируется своеобразная конкуренция конфликтов за глобальное внимание [2, с. 86].

Данная ситуация приводит к возникновению феномена политической и информационной селекции вооружённых конфликтов. Одни войны становятся центральными темами международной повестки, регулярно обсуждаются в структурах ООН, освещаются ведущими мировыми СМИ и сопровождаются масштабными гуманитарными программами. Другие конфликты, несмотря на высокий уровень насилия и значительные человеческие потери, остаются преимущественно региональными событиями и редко выходят за пределы специализированного экспертного сообщества.

Фактически современная международная система формирует своеобразную иерархию вооружённых конфликтов. На верхнем уровне находятся войны, затрагивающие интересы крупных держав, мировые экономические процессы, энергетическую безопасность и стратегические транспортные маршруты. Именно такие конфликты получают максимальное политическое и информационное внимание. На нижнем уровне располагаются многочисленные локальные войны и кризисы, которые не оказывают существенного влияния на глобальное распределение сил и потому остаются ограничено представленными в международном информационном пространстве.

В результате международное внимание перестаёт быть исключительно следствием гуманитарной катастрофы и превращается в самостоятельный политический механизм. Чем выше уровень международной видимости конфликта, тем больше вероятность дипломатического вмешательства, международной помощи и политической мобилизации. Соответственно, проблема распределения внимания становится одним из ключевых факторов функционирования современной системы международных отношений [3, с. 207].

География современных войн и география международного внимания. Современная карта вооружённых конфликтов существенно отличается от той картины, которая формируется в глобальном информационном пространстве. Несмотря на распространённое представление о том, что основными зонами мировой нестабильности являются Украина и Ближний Восток, фактическая география вооружённого насилия значительно шире и включает десятки конфликтов различной интенсивности в Африке, Азии и Латинской Америке.

По данным международных исследовательских центров, наиболее конфликтогенным регионом мира в

последние годы остаётся Африка. Вооружённые столкновения различной интенсивности продолжаются в Судане, Южном Судане, Демократической Республике Конго, Сомали, Мали, Буркина-Фасо, Нигере, Чаде, Центральноафриканской Республике и ряде других государств. Многие из этих конфликтов сопровождаются массовым перемещением населения, гуманитарными кризисами и высоким уровнем смертности среди гражданского населения.

Особенно показательна ситуация в Судане. Гражданская война, начавшаяся в апреле 2023 года, привела к одной из крупнейших гуманитарных катастроф современности: по имеющимся оценкам, конфликт унёс не менее 59 тыс. жизней, около 13 млн человек были вынуждены покинуть свои дома, а свыше 30 млн нуждаются в гуманитарной помощи. Однако даже при таких масштабах разрушений и человеческих потерь суданский конфликт длительное время сохранял существенно более низкий уровень международного внимания по сравнению с войной Израиля против ХАМАС в секторе Газа. При этом в международном информационном пространстве основное внимание, как правило, концентрировалось на общем числе погибших, тогда как вопрос о распределении потерь между гражданским населением и участниками вооружённых формирований оставался предметом политических и экспертных дискуссий. В результате значительная часть публикаций формировала упрощённое восприятие конфликта через призму исключительно гуманитарных потерь. Данный контраст показывает, что интенсивность международного внимания определяется не только числом жертв, но и политической значимостью конфликта, его символической нагрузкой и способностью быть встроенным в доминирующую мировую повестку [4, с. 32].

Схожая ситуация наблюдается в Демократической Республике Конго. Вооружённое насилие в восточных провинциях страны продолжается на протяжении десятилетий, сопровождаясь деятельностью многочисленных вооружённых группировок, борьбой за контроль над природными ресурсами и масштабными перемещениями населения. Несмотря на значительные человеческие потери и хроническую нестабильность, данный конфликт редко становится предметом устойчивого международного обсуждения.

Аналогичные тенденции прослеживаются в государствах Сахеля, где вооружённая активность экстремистских группировок, межобщинное насилие и кризис государственных институтов формируют одну из наиболее сложных зон нестабильности в современном мире. Однако большинство этих событий остаётся за пределами глобальной медиаповестки.

Отдельного внимания заслуживает Латинская Америка, где вооружённое насилие часто не описывается как война, хотя по своим признакам во многих случаях приближается к вооружённому конфликту низкой или средней интенсивности. В Мексике, Колумбии, Эквадоре, Бразилии, Гаити и ряде других государств действуют устойчивые вооружённые группировки, наркокартели, криминальные сети и парамилитарные структуры, контролирующие территории, ресурсы, транспортные маршруты и отдельные городские пространства. ACLED в региональных обзорах фиксирует эскалацию насилия в Колумбии, Эквадоре, Ямайке и других странах региона, а ISS связывает рост насилия в Латинской Америке с расширением территориального контроля криминальных организаций, диверсификацией незаконной экономики, включая вымогательство, незаконную добычу полезных ископаемых, торговлю людьми и транснациональный наркотрафик.

При этом в официальной и медиаполитической риторике подобные процессы чаще представлены не как вооружённые конфликты, а как борьба государства с организованной преступностью, мафией, картелями или уличными бандами. Такая классификация позволяет правительствам сохранять образ управляемости ситуации и не признавать фактическую эрозию государственного контроля над частью территории. В результате вооружённые столкновения между силовыми структурами и криминальными группировками, массовые полицейские и военные операции, гибель военнослужащих, боевиков и гражданского населения часто воспринимаются международной аудиторией как внутренняя правоохранительная проблема, а не как элемент более широкой конфликтной динамики [5, с. 29].

Особенно показателен пример Эквадора, где власти официально объявили состояние «внутреннего вооружённого конфликта» на фоне роста насилия со стороны организованных преступных групп. Human Rights Watch отмечает, что после этого расширенное участие силовых структур сопровождалось серьёзными нарушениями прав человека, а данные ACLED указывают на резкий рост смертности, связанной с криминальным насилием. Однако даже такие случаи в глобальном медиапространстве преимущественно освещаются через призму криминальной хроники, антинаркотических операций и нарушений прав человека, а не как проявление устойчивой трансформации насилия в форму фактического вооружённого конфликта. Это снижает международную видимость региона в общей иерархии современных войн и укрепляет представление о Латинской Америке как о пространстве «преступности», а не политико-конфликтной нестабильности [6, с. 175].

В то же время конфликты, непосредственно затрагивающие интересы крупных мировых игроков, получают несоизмеримо больший объём международного внимания. Российско-украинская война стала одним из наиболее освещаемых конфликтов XXI века, оказывая непосредственное влияние на европейскую безопасность, энергетические рынки, международную торговлю и архитектуру глобальных союзов. Аналогичным образом конфликт между Израилем и ХАМАС после событий октября 2023 года быстро превратился в центральную тему мировой политической и информационной повестки вследствие его влияния на ситуацию на Ближнем Востоке и риск региональной эскалации.

Показательным примером стала эскалация конфликта между Израилем и Ираном в 2025–2026 годах с прямым вовлечением Соединённых Штатов. На протяжении нескольких недель данный кризис фактически доминировал в международной информационной повестке, вытеснив из подсобляющего большинство СМИ другие вооружённых конфликтов, включая российско-украинское противостояние. Угроза прямого столкновения между региональными и глобальными державами, риски дестабилизации Ближнего Востока, возможное нарушение энергетических поставок и перспективы масштабной региональной войны обеспечили беспрецедентный уровень международного внимания. Данный пример демонстрирует, что интенсивность освещения конфликта определяется не только масштабом боевых действий или гуманитарных потерь, но прежде всего его потенциальным воздействием на глобальную безопасность и интересы ведущих мировых акторов.

Таким образом, между географией вооружённого насилия и географией международного внимания существует заметное несоответствие. Конфликты распределяются по миру относительно широко, однако глобальная политическая и информационная система концентрирует основное внимание лишь на ограниченном числе войн. Данное расхождение свидетельствует о том, что масштабы человеческих потерь сами по себе не определяют уровень международного интереса. Решающее значение приобретают политические, экономические и стратегические факторы, формирующие селективный характер восприятия современных вооружённых конфликтов.

Почему одни войны становятся видимыми, а другие остаются незамеченными. Анализ современных вооружённых конфликтов показывает, что уровень международного внимания распределяется крайне неравномерно. При этом решающим фактором выступает не количество жертв и не масштаб гуманитарных

последствий, а совокупность политических, экономических и стратегических обстоятельств, определяющих место конфликта в системе международных отношений.

Первым фактором является геополитическая значимость конфликта. Чем сильнее вооружённое противостояние влияет на баланс сил между ведущими государствами и международными коалициями, тем выше уровень международного внимания. Российско-украинский конфликт затрагивает вопросы европейской безопасности, отношений России и НАТО, санкционной политики и трансформации международного порядка. По этой причине он на протяжении нескольких лет сохраняет высокий уровень присутствия в мировой политической повестке.

Вторым фактором выступает влияние конфликта на мировую экономику и энергетическую безопасность. Вооружённые кризисы, способные нарушить поставки энергоресурсов, функционирование транспортных коридоров или глобальных цепочек поставок, неизбежно привлекают внимание ведущих государств и международных организаций. Именно этим во многом объясняется повышенный интерес к конфликтам на Ближнем Востоке, через который проходят важнейшие энергетические и торговые маршруты [7, с. 34].

Третьим фактором является вовлечённость крупных держав. Конфликты, в которых прямо или косвенно участвуют США, Китай, Россия, государства Европейского союза или другие значимые международные акторы, получают значительно большее освещение по сравнению с локальными кризисами. Международная аудитория воспринимает подобные события как потенциально влияющие на мировую безопасность, что автоматически повышает уровень политического и информационного внимания.

Четвёртым фактором становится способность конфликта вписываться в доминирующие международные политические нарративы. Современное информационное пространство стремится объяснять сложные процессы через относительно простые и понятные модели противостояния. Конфликты, которые могут быть представлены через категории борьбы демократии и авторитаризма, противодействия терроризму, защиты прав человека или обеспечения международной безопасности, получают более широкое распространение в международных медиа.

Пятым фактором является медийная доступность конфликта. Наличие постоянного информационного потока, визуальных материалов, доступа журналистов и активного присутствия событий в социальных сетях существенно увеличивает вероятность устойчивого международного внимания. Напротив, конфликты, происходящие в

труднодоступных регионах и сопровождающиеся ограниченным доступом к информации, значительно реже становятся частью глобальной повестки.

Таким образом, современная международная система фактически формирует механизм селекции вооружённых конфликтов. В результате международное внимание становится не отражением объективного уровня насилия, а следствием политической значимости конфликта и его способности влиять на интересы ключевых участников мировой политики. Именно поэтому между реальной географией войн и географией глобального внимания возникает устойчивый разрыв, который становится одной из характерных особенностей международных отношений XXI века.

Последствия селективного внимания для международной безопасности. Селективное распределение международного внимания оказывает непосредственное влияние на эффективность существующей системы международной безопасности. Формально современные международные институты исходят из принципов универсальности международного права и равной значимости гуманитарных кризисов. Однако на практике интенсивность политического реагирования существенно различается в зависимости от степени международной видимости конкретного конфликта.

Одним из наиболее заметных последствий становится неравномерное распределение дипломатических усилий. Конфликты, находящиеся в центре международного внимания, регулярно становятся предметом обсуждения на площадках ООН, региональных организаций и международных форумов. В то же время многие вооружённые кризисы в Африке и отдельных регионах Азии годами сохраняются вне активной дипломатической повестки, несмотря на продолжающееся насилие и ухудшение гуманитарной ситуации.

Показательным индикатором подобной селективности является повестка Совета Безопасности ООН. В 2024 году, согласно официальному докладу Совета Безопасности Генеральной Ассамблее, Ближний Восток оставался наиболее часто обсуждаемым направлением в открытых заседаниях и закрытых консультациях, прежде всего в связи с палестинским вопросом, ситуацией в Газе и Ливане. В 2025 году данная тенденция сохранилась: из 173 формальных заседаний, посвящённых страновым и региональным ситуациям, 66 пришлось на Ближний Восток (в основном Израиль), тогда как вся Африка в совокупности получила 63 заседания, 21 — на Европу, 14 — на Америку, 9 — на Азию. Это не означает отсутствия внимания к африканским кризисам, однако показывает, что конфликтная повестка вокруг Израиля, Палестины,

Ливана, Ирана и Йемена институционально концентрирует внимание ООН на уровне, сопоставимом или превышающем совокупное внимание ко всем африканским конфликтам [8, с. 216].

Аналогичная ситуация наблюдается в сфере гуманитарного реагирования. Международные организации вынуждены конкурировать за финансовые ресурсы и внимание доноров. В результате кризисы, активно освещаемые в мировых СМИ, как правило, получают значительно больший объём гуманитарной помощи, чем конфликты, остающиеся на периферии международного информационного пространства. Возникает своеобразный разрыв между реальными гуманитарными потребностями и фактическим объёмом международной поддержки.

Селективность внимания влияет и на механизмы политического давления. Международные санкции, расследования нарушений международного гуманитарного права, деятельность специальных комиссий и правозащитных структур значительно чаще применяются в отношении конфликтов, находящихся под постоянным международным наблюдением. Напротив, вооружённые кризисы, не привлекающие устойчивого внимания мирового сообщества, зачастую остаются вне сферы систематического международного контроля.

Дополнительным следствием становится формирование категории так называемых «забытых конфликтов». Речь идёт о вооружённых противостояниях, которые продолжаются на протяжении многих лет, сопровождаются значительными человеческими потерями и разрушениями, но при этом практически отсутствуют в глобальной информационной повестке. Подобные конфликты постепенно выпадают из поля зрения международного сообщества, что затрудняет как их политическое урегулирование, так и мобилизацию ресурсов для оказания помощи пострадавшему населению.

В долгосрочной перспективе такая практика способствует формированию неравномерной архитектуры международной безопасности, в которой уровень международного реагирования определяется не универсальными нормами и принципами, а политической значимостью конкретного кризиса. В результате возникает противоречие между декларируемой универсальностью международного порядка и фактической избирательностью механизмов международного реагирования на современные вооружённые конфликты.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что современные вооружённые конфликты функционируют одновременно в военно-политическом и информационном пространствах. В условиях глобальной

цифровой коммуникации международное внимание становится самостоятельным политическим ресурсом, оказывающим влияние на масштабы дипломатического реагирования, гуманитарной помощи и международной мобилизации.

Исследование демонстрирует существование устойчивого разрыва между реальной географией вооружённого насилия и структурой глобального политического и информационного внимания. Несмотря на высокий уровень конфликтности в ряде государств Африки и Азии, значительная часть подобных кризисов остаётся ограниченно представленной в международной повестке. В то же время конфликты, затрагивающие интересы ведущих мировых держав, энергетическую безопасность и стратегические транспортные маршруты, получают значительно более высокий уровень международного внимания.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о формировании селективной модели международного реагирования, в рамках которой масштаб гуманитарной катастрофы не является единственным и определяющим фактором политической активности международного сообщества. Существенное значение приобретают геополитическое положение региона, участие крупных держав, влияние конфликта на мировую экономику и его способность интегрироваться в доминирующие международные политические нарративы.

Особое значение приобретает феномен «видимых» и «невидимых» войн. Фактически современная международная система формирует своеобразную иерархию конфликтов, определяющую степень их международной представленности, объёмы гуманитарной поддержки и уровень дипломатического участия. В результате международное внимание становится не только инструментом информирования, но и механизмом перераспределения политических ресурсов в глобальной системе.

Таким образом, селективность международного внимания выступает одной из характерных особенностей современной мировой политики. Анализ данного феномена позволяет более полно понять механизмы функционирования международной системы, особенности принятия внешнеполитических решений и трансформацию принципов международного реагирования на вооружённые конфликты в XXI веке.

Библиография:

1. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
2. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.
3. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World

Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
4. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.
5. Castells M. Communication Power. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 608 p.
6. Chomsky N., Herman E.S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. – New York: Pantheon Books, 1988. – 412 p.

7. McCombs M. Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. – Cambridge: Polity Press, 2014. – 224 p.
8. Pamment J. Strategic Communication at the East–West Divide: Theories, Practice and Challenges of the New Public Diplomacy. – London: Routledge, 2016. – 226 p.
9. Drezner D.W. The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats Are Transforming the Marketplace of Ideas. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 360 p.

Юрий БОЧАРОВ (Израиль),

доктор политологии, Руководитель проекта
«Института исследования информационных войн»

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ

Резюме. В статье рассматривается проблема неравномерного распределения международного внимания к вооружённым конфликтам в современной мировой политике. Анализируются политические, информационные и медийные механизмы, определяющие, почему одни войны становятся центральными событиями глобальной повестки дня, тогда как другие остаются на периферии международного внимания. Особое внимание уделяется роли государств, международных организаций, глобальных средств массовой информации, цифровых платформ и информационных технологий в формировании общественного восприятия конфликтов. Исследуются взаимосвязи между геополитическими интересами ведущих держав, информационными войнами и процессами конструирования международной повестки. Делается вывод о том, что видимость или невидимость вооружённых конфликтов определяется не только их масштабами и гуманитарными последствиями, но и политическими, экономическими и информационными факторами, влияющими на процессы глобальной коммуникации и принятия решений.

Ключевые слова: международные конфликты, информационная война, глобальная политика, медиатизация конфликтов, международная безопасность, общественное мнение, геополитика, международные организации, цифровые коммуникации, стратегические нарративы.

Yuri BOCHAROV (Israel),

Doctor of Political Science, Project Director,
Institute for Information Warfare Studies

VISIBLE AND INVISIBLE WARS IN THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL SYSTEM: POLITICAL MECHANISMS OF SHAPING GLOBAL ATTENTION

Summary. The article examines the unequal distribution of international attention toward armed conflicts in contemporary world politics. It analyzes the political, informational, and media mechanisms that determine why some wars become central issues on the global agenda while others remain largely overlooked by the international community. Particular attention is paid to the role of states, international organizations, global media outlets, digital platforms, and information technologies in shaping public perceptions of conflicts. The study explores the relationship between the geopolitical interests of major powers, information warfare, and the construction of international agendas. It concludes that the visibility or invisibility of armed conflicts is determined not only by their scale and humanitarian consequences but also by political, economic, and informational factors that influence global communication processes and decision-making.

Keywords: international conflicts, information warfare, global politics, conflict mediatization, international security, public opinion, geopolitics, international organizations, digital communication, strategic narratives.

Наида ГАДЖИНСКАЯ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент
Азербайджанского Государственного
Педагогического университета

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В XXI в. мировое сообщество вступило в новую эпоху своего развития — эпоху глобального мира. Социальные процессы в одной части мира во все большей степени определяют происходящие изменения в других его частях и, в свою очередь, являются определяемыми последними. В условиях стремительного роста информационных технологий и культурных контактов, международной торговли и коммуникаций, мир постепенно превращается в единое взаимосвязанное и взаимозависимое пространство, в котором наблюдается усиление межгосударственных контактов и взаимозависимости национальных экономик и в котором расстояния между странами становятся условными, а обмен информацией — практически мгновенным. Этот процесс, получивший название глобализации, является объективной тенденцией общественного развития на современном этапе, одним из ключевых направлений мирового развития.

Понятие «глобальность» связано с латинским словом *globus* - земной шар, чем подчеркивается, что объектом существования жизненного пространства человечества является вся наша планета Земля, а проблемы его жизнедеятельности являются общепланетарными и актуальными для всех, т.е. глобальными. Это понятие также связано и с мир-системным подходом, в котором центральным является понятие «мир как целое» и который начал активно развиваться в 70-е годы XX века [5, с. 82].

Иными словами, глобализация — естественный и объективный процесс интеграции человечества и сближения народов. Политическими акторами глобализационных процессов являются отдельные государства, блоки стран, регионы мира, ТНК, международные институты и движения. Однако развитые страны Запада во главе с США, опираясь на свою экономическую и политическую мощь, узурпировали и монополизировали процесс глобализации.

Наступило время серьезно разобраться в положительных и отрицательных сторонах информационной эпохи, определить с той системой социальных и политических координат, которые задают тон и ритм повседневной жизни людей и направляют ход истории.

В настоящее время существует значительное

расхождение в понимании сути, структуры и логики современных глобализационных процессов, начиная от отрицания глобализации и заканчивая ее полной абсолютизацией. За последние десятилетия появилась целая серия монографий по глобализации, не считая огромного количества научных публикаций по отдельным аспектам и направлениям развития глобализационных процессов [3].

Термин «глобализация» стал употребляться в общественных науках с конца XX века. Первоначально, в 1983 г., понятие *globality* было использовано американским политологом Р. Робертсоном [19, с.16]. Его фундаментальное исследование «Глобализация: социальная теория и глобальная культура» (1992) оказало глубокое и долгосрочное влияние на эволюцию междисциплинарной области глобальных исследований и за ее пределами [18].

Видный немецкий ученый У. Бек считал, что «глобализация имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет влетают в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности...» [2, с. 28].

Американский политолог, Дж. Фридман считает, что «глобализация – это не постоянное явление, а явление, изменяющееся во времени и возникающее в периоды упадка гегемонии. Это не эволюционная стадия... и... это не стадия развития, следующая за более ранней эпохой, в которой мы все жили в отдельных обществах, более или менее независимых друг от друга. Таким образом, этот подход подразумевает, что изучение глобализации должно пониматься как зависящее от глобальной системы, из которой она происходит, и что ее нельзя считать независимым явлением» [14, с. 58].

Джеффри Д. Сакс, ведущий американский политолог, находит ответы на вызовы глобализации XXI в. с позиций устойчивого развития, фокусируя свои исследования в основном на экономическом аспекте мировой истории [20].

Многие из новейших экономических тенденций современной глобализации стали следствием политического взаимодействия между политическими лидерами глобального мира и принимаемых ими политических решений.

Известный канадский политолог Дж. Тернер

писал, что «внутреннее идеологическое позерство и геополитические цели теперь кажутся такими же важными, как и экономические цели, и... геополитика будет все больше преобладать в будущих глобальных образованиях» [21, с.112]. Согласно его мнению «несмотря на драматическую глобализацию рынков в современной мировой системе, геополитика неизбежно втягивается в такие геоэкономические системы, что, несомненно, будущее глобализации все больше будет вращаться именно вокруг геополитики...» [21, с.114].

В последнее время среди наиболее существенных черт глобализации в работах западных ученых особо подчеркивается ее динамичный, но в то же время лабильный характер, зависящий от совокупности социальных, экономических и политических факторов. Большинство современных ученых признают тот факт, что глобализация отражает процесс интенсификации экономических, социальных, политических и культурных отношений, разворачивающихся поверх государственных границ. Его итогом становится единое мировое пространство, которое охватывает все или большинство стран. Это пространство, воспринимаемое как глобальная сцена, включает такие сегменты, как: 1) геоэкономика, 2) геополитика и 3) геокультура.

Несмотря на то, что научные исследования, касающиеся процессов глобализации, были начаты в середине прошлого века, ключевой концепцией в исследованиях они стали лишь в середине 90-х гг. XX в. Именно в этот период были заложены основы современных теорий, нашедших отражение в различных направлениях научных исследований в данной сфере.

К первому направлению следует отнести исследования в области менеджмента, развивающиеся с 60-х гг. XX в. В центре данных исследований находился феномен мультинациональных корпораций, которые зародились как руководство по повышению эффективности и конкурентоспособности крупных американских компаний [11, с. 224]. В 70-х гг., когда американские корпорации стали значительно расширять географию своей деятельности, пытаясь увеличить рынки сбыта и переместить производство в регионы с более низкой стоимостью рабочей силы, данные исследования сформировали отдельное направление по проблемам управления. Теоретики менеджмента в своих работах утверждали, что современные производства в целях повышения эффективности должны расширяться, не замыкаясь в рамках своих национальных государств, а становиться глобальными по географии своей деятельности и распределения функций управления и производства. Иными словами, необходима интеграция, широкий выход компаний за пределы своего государства, что обеспечит им условия не просто создавать отдельные филиалы в рамках различных

национальных экономик, а выходить на глобальный уровень международного сотрудничества. А это будет означать возможность дополнительных инвестиций, появление новых рабочих мест, оживление местной конкуренции. Это относится к созданию транснациональных корпораций (ТНК).

В современной экономике ТНК – это самый динамично развивающийся сектор. На сегодняшний день транснациональные корпорации играют важнейшую роль в процессах глобализации, их финансовые и экономические возможности колоссальны. ТНК – это производство не только товаров, но и инноваций. Они играют важную роль в научно-техническом прогрессе, выделяя часть доходов на проведение научно-исследовательских работ [6, с. 431].

В работах классиков менеджмента создается новая реальность управления. Известный британский социолог, исследующий процессы глобализации и трансформации современного общества Р. Салмон, пишет: «Лучший способ угадать будущее — самим его изобрести». [7, с. 244] Он сравнивает руководителя с «конструктором», мыслящим в категориях «вечных ценностей» и «долгосрочной перспективы» [7, с. 269]. П. Ф. Друкер, австрийско-американский ученый, один из самых известных исследователей в области управления, которого часто называют «отцом современного менеджмента», делает вывод о том, что будущее нужно сознательно строить. С помощью инновационной деятельности нужно инициировать перемены, формировать «окна возможностей», создавать новые смыслы. Ученый отмечает, что политика управления заключается в сознательном строительстве будущего. Среди тех, кто не станет пытаться «строить будущее», победителей не будет. Согласно его теории, сотрудники – не просто «рабочая сила», это главный ресурс компании, так как их знания и интеллект важнее физического труда. Отсюда его выражение – «работники знания» (knowledge workers) [10, с. 97].

Ко второму направлению принадлежит серия исследований в области социальных и культурологических теорий, которые также получили свое развитие в 60-70-х гг. Данные работы основаны на исследовании проблем массовой коммуникации, отвечающих запросам современных теорий глобализации и являющихся одними из наиболее важных. Эти идеи были развиты в целой серии работ, акцентирующих внимание на исследовании влияния массовой коммуникации на трансформацию общества и социальных отношений.

Начиная со второй половины 80-х – начала 90-х гг. исследователи из разных областей социальных наук обратили внимание на возросшую роль электронных средств массовой коммуникации и их принципиальное

влияние на социальную сферу. Основу данному направлению заложили работы канадского культуролога М. Маклюэна [16]. Для М. Маклюэна важным элементом его теории являлось средство передачи сообщения, а не содержание этого сообщения. Поскольку, считал М. Маклюэн, электронные средства коммуникации мгновенно передают информацию, этот факт объединяет все события и регионы в единый круг и делает их взаимозависимыми. По утверждению М. Маклюэна, электричество создало глобальную коммуникационную сеть, аналогичную центральной нервной системе человека. Это позволяет нам ощущать мир, как единое целое. Ускоряющий эффект электронной коммуникации и современные транспортные системы привели к возникновению структурного эффекта, который М. Маклюэн назвал «имплозией», что означало, что человек может принимать участие в различных событиях, «ощущать» их, хотя они территориально происходят далеко от него. По мнению М. Маклюэна, электронные средства коммуникации ликвидировали время и пространство и вывели диалог на глобальный масштаб. Фактически, они уничтожили территориальность, изоляционизм, экономическую, политическую, географическую ограниченность. Именно канадский ученый впервые ввел понятие «глобальная деревня», что означало, что мир становится «глобальной деревней», в котором люди по всему миру, словно живя в глобальной деревне, тесно связаны друг с другом; расстояния между ними перестают иметь значение, и события в одной точке планеты сразу влияют на всех одновременно. Фактически, М. Маклюэн в далекие 80-90-е гг. предсказал интернет и социальные сети [16].

К третьему направлению научных исследований относятся концепции, возникшие на основе движений, направленных на защиту окружающей среды и пропагандирующих концепцию понимания Земли и ее ресурсов как единого целого для всего мирового сообщества [17]. Фотографии Земли, сделанные из космоса и с орбиты планеты Луна, дали сильный толчок развитию идей о том, что человеческое сообщество существует совместно в непреодолимой близости друг от друга. Особенно влиятельной в разработке и популяризации данных идей стала деятельность Римского клуба, породившая целый спектр исследований, получивших впоследствии название «глобального моделирования». Авторы этого направления своими работами и рассуждениями о «численности населения Земли», «ноосфере», «мировом правительстве», «планетарных явлениях», «всеобщей всемирной истории», фактически, подготовили научное обоснование и понимание того, что человечеству как единому целому, неразрывно связанного с природой и космосом, уготована общая судьба.

Так, например, под ноосферой фактически понимается биосфера, разумно управляемая человеком. В понимании российского учёного В. И. Вернадского ноосфера — это наивысшая степень развития биосферы, которая неразрывно связана с развитием человеческой цивилизации и разумным управлением экологопользованием [4, с. 14]. Рассматривая сущность данной концепции, российские геолог и экономист Ф. Т. Яншина, сформулировала основные показатели создания и развития ноосферы. К ним относятся «заселение человеком всей планеты; резкое преобразование средств связи и обмена между разными странами; усиление связей, в том числе политических, между государствами Земли; сохранение биоразнообразия; защита экосистем; рациональное использование ресурсов; баланс между природой, обществом и экономикой; переход на возобновляемую энергию; моделирование климата; предотвращение загрязнения океанов; сохранение пресных вод; разработка законов по защите природы; международные соглашения и контроль за экологическими нормами; разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать способной удовлетворять все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения; исключение войн из жизни человечества» и т. д. [9, с. 165].

Как отмечалось выше, заслуга привлечения внимания широкой общественной и научной аудитории к глобальным проблемам современности по праву принадлежит Римскому клубу — международной неправительственной ассоциации, которая сыграла значительную роль в осмыслении глобальных проблем современного мира, ознакомлении с ними общественности, выработке моделей дальнейшего развития человечества. Официальной точкой отсчета начала деятельности клуба стал 1968 год [8, с. 191]. В центре первых работ Римского клуба был анализ взаимоотношений общества и окружающей среды. Была выдвинута идея о том, что древние и средневековые общества обладали способностью к саморегенерации, однако современная цивилизация в случае гибели уже не сможет вернуться на предыдущую ступень развития, поскольку большинство запасов полезных ископаемых уже исчерпано.

Объектом изучения Римского клуба стали глобальные проблемы современности с использованием методов компьютерного моделирования и институционального подхода. С точки зрения Римского клуба, доминирующие в экономической науке методы неоклассической экономической теории, основанные на принципе рационального индивидуализма, исчерпали себя и неэффективны для решения проблем современности. Компьютерное моделирование как

средство и междисциплинарный подход к исследованию институтов, как метод было взято на вооружение деятелями Клуба

В первом докладе американского специалиста Римскому клубу, по компьютерному моделированию Дж. Форрестера "Мировая динамика" (1971) было выявлено, что сохранение существующего темпа потребления природных ресурсов станет причиной всемирной экологической катастрофы уже в 2020-х гг.: к 2020-2050 гг. численность населения планеты достигнет 6,5 млрд человек, но в результате истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды численность населения снизится за 20-30 лет до 1,5-2 млрд человек. [12, с. 28] Форрестер разработал метод системной динамики, который, учитывая пять основных взаимосвязанных переменных — численность населения, использование невозобновляемых ресурсов, объем капиталовложений, производство продовольствия и загрязнение окружающей среды, — позволял построить модель развития мира Форрестером впервые были введены в модель прогнозирования такие факторы, как предельные значения природных ресурсов, ограниченные возможности природных экосистем поглощать и нейтрализовывать вредные отходы человеческой деятельности. [12, с. 31]

Возникновение Римского клуба как ответ на появление значительного числа проблем, которые по масштабам распространения их последствий именуются глобальными, свидетельствует о том, что мировое сообщество второй половины XX в. претерпевает комплекс экологических, экономических, политических, культурных и, как следствие, социальных трансформаций. Происходят необратимые изменения в сфере производства, социальной структуры, меняются принципы функционирования основных социальных институтов общества, происходит централизация многих процессов за счет формирования единого международного экономического и политического поля, осуществляется технологическая и информационная революция, претерпевает изменение традиционный культурный уклад. Все это говорит о качественных трансформациях общества, его основных институтов, динамики и направленности социальных процессов.

К четвертому направлению относится серия исследований, посвященных развитию международной экономики и политики после Второй мировой войны. В течение 60-70-х гг. целый ряд исследований представлял «развитие человечества, как модернизацию». В рамках этой концепции возникло деление на развитые и развивающиеся страны и необходимость развития стран «третьего мира» через повсеместное внедрение и распространение там институтов модернизации. Одним из наиболее известных последователей данного научного

направления был немецкий экономист, социолог и политолог, один из основоположников мир-системного анализа и теории зависимого развития А. Франк. Именно из этих исследований появились современные теории глобализации, рассматривающие глобализацию как глобальное распространение институтов западного образца, и следовательно, приравнивающие глобализацию к вестернизации [12, с. 331].

Пятое направление представлено исследованиями по анализу состояния современного общества с точки зрения влияния информационных технологий и характера производства на структуру социальных отношений и систему ценностей. К ним относятся концепции постиндустриального общества, эпохи большого разрыва в развитии мировых государств, разлома эпох, постмодерна и т. д. Ярким представителем данного научного направления является профессор Университета штата Вирджиния (США) К. Кумар, автор труда «От постиндустриального к постмодернистскому обществу: новые теории современного мира». Основная идея исследований американского ученого заключается в том, что он не идеализирует глобализацию, не считает ее новым явлением в истории человечества, а рассматривает как продолжение старых интеграционных процессов. По мнению К. Кумара мир был взаимосвязан и взаимозависим и раньше, к примеру, в эпоху империй, когда существовали торговые связи, культурный обмен, миграции. Также К. Кумар подчеркивает, что идеи глобализации идут от Запада, который зачастую может навязывать свою модель развития другим странам. Иными словами, его взгляды следует отнести к критическому направлению научных исследований глобализации [14, с. 28].

Таким образом, научные исследования, рассмотренные выше, заложили основу современных теорий глобализации и оказали принципиальное влияние на их дальнейшее развитие.

В заключение следует отметить, что анализ научных исследований показывает, что в современной науке отсутствует единая универсальная теория глобализации. Напротив, данный феномен изучается в рамках различных дисциплин и научных школ, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах глобальных процессов — экономической интеграции, транснациональном взаимодействиях, культурной унификации или, наоборот, сохранении локальной идентичности.

Различные научные подходы и теоретические концепции позволяют рассматривать глобализацию с разных сторон, подчеркивая как ее интеграционные возможности, так и возникающие противоречия. Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что глобализация является объективным этапом

развития мировой цивилизации, обусловленным научно-техническим прогрессом, развитием коммуникационных технологий и усилением международных связей.

В условиях современного мира дальнейшее изучение процессов глобализации приобретает особую актуальность, так как позволяет глубже понять механизмы функционирования глобального общества и определить возможные пути его дальнейшего развития. Перспективы будущих исследований связаны с анализом новых форм глобального взаимодействия, влияния цифровизации, а также поиском баланса между глобальными тенденциями и сохранением культурного и национального многообразия.

Библиография:

1. Астапович А.З. Стратегия транснациональных корпораций. Москва, Прогресс, 1983. Белоус Т.Я. Международные промышленные монополии. - Москва: Мысль, 1972.
2. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. -Москва: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Гранин Ю.Д. Глобализация и национальные формы глобализационной стратегии //Философские науки. 2007. № 9. С. 6; Ионов И. Н. Глобальная история и история мировых цивилизаций // Материалы клуба ученых «Глобальный мир». Выпуск 5. М., 2003.; Фурс В.И. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории // Общественные науки и современность. 2000, № 6.
4. Грачёв В. А. Творческое наследие В. И. Вернадского и глобальные проблемы устойчивого развития // Вестник Московского ун-та. Серия 27. 2018, №2.
5. Гринин Л. Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации 1/2011
6. Попова А. В., Гриванов Р.И. Транснациональные корпорации как субъект международных экономических отношений //Международный научный вестник. 2015, № 4
7. Салмон Р. Будущее менеджмента. Санкт-Петербург: Питер, 2004.
8. Сидорина А. В. Римский клуб и социальные трансформации второй половины XX — начала XXI в.// Вестник Московского университета. сер. 18. социология и политология. 2018, т. 24. № 4
9. Яншина Ф. Т. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива // Общественные науки и современность. 1993, № 1.
10. Druker P. F. The new society of organizations // Harvard Business Review. 1992. September-October.
11. Dunning J.H., ed. The Theory of Transnational Corporations. United Nations Library on Transnational Corporations, Routledge, 1993.
12. Forrester Jay W. World Dynamics. Second edition. - Wright-Allen Press, Cambridge, 1971
13. Frank J. Lechner Globalization: The Making of World Society John Wiley & Sons, 2009
14. Friedman J. Global Systemic Anthropology and the Analysis of Globalization // Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order / ed. by I. Rossi. New York: Springer, 2020.
15. Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World / K. Kumar. - Blackwell, 2004.
16. Media globalization and its influence on national communities: Evaluating M. McLuhan's concept today. - <https://worldofmedia.ru> >
17. Ophuls W. Ecology and the politics of scarcity: Prologue to a political theory of the steady state. -San Francisco: W.H. Freeman, 1977. - xi, 303 p.; Responding to environmental conflicts: Implications for theory and practice / Petzold-Bradley E., Carius A., Vincze A. - Dordrecht; Boston; L.: Kluwer academic publisher, 2002. - 324 p.; Williams B.A., Matheny AR., Democracy, dialogue and environmental disputes. - New Haven (CT): Yale univ. press, 1995.
18. Robertson, Roland. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAGE,1992.
19. Robertson, Roland. Mapping the global condition: Globalization as the central concept. Theory, Culture and Society 7(2), 1990.
20. Sachs J. D. The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions. New York: Columbia University Press, 2020.
21. Turner J. H. Principles of Geo-Political Dynamics // Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order / ed. by I. Rossi. New York: Springer, 2020.

Наида ГАДЖИНСКАЯ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент
Азербайджанского Государственного
Педагогического университета

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Резюме. В статье раскрываются основные расхождения в понимании сути, структуры и логики современных глобализационных процессов, начиная от отрицания глобализации и заканчивая ее полной абсолютизацией. Вместе с тем подчеркивается, что большинство исследователей единогласны в том, что глобализация является объективным этапом развития мировой цивилизации, обусловленным научно-техническим прогрессом, развитием коммуникационных технологий и усилением международных связей.

Показано, что за последние несколько десятилетий появилась целая серия монографий, отдельных статей по различным аспектам и направлениям развития глобализационных процессов. Большое внимание уделяется анализу научных исследований в рамках различных дисциплин и научных школ, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах глобальных процессов – экономической интеграции, транснациональном взаимодействиях, культурной унификации или, наоборот, сохранении локальной идентичности.

Ключевые слова: глобализация; интеграция; транснациональные корпорации; научные исследования глобализации

Naida HACINSKAYA (Azerbaijan),
doctor of history, associate professor of
Azerbaijan State Pedagogical University

MAIN DIRECTIONS OF SCIENTIFIC ANALYSIS OF GLOBALIZATION PROCESSES

Summary. This article explores the main differences in understanding the essence, structure, and logic of contemporary globalization processes, ranging from the denial of globalization to its complete absolutization. It also emphasizes that most researchers agree that globalization is an objective stage in the development of world civilization, driven by scientific and technological progress, the development of communication technologies, and the strengthening of international ties.

It is shown that over the past several decades, a whole series of monographs and individual articles have appeared on various aspects and directions of globalization processes. Much attention is paid to the analysis of scientific research within various disciplines and schools of thought, each of which emphasizes specific aspects of global processes—economic integration, transnational interactions, cultural unification, or, conversely, the preservation of local identity.

Keywords: globalization; integration; transnational corporations; scientific research

Ivan GALABOV (Bulgaria),
M.Sc., LPBSCR at the ANIS

"STATE OF THE ART" OF RESEARCH RELATED TO AZERBAIJAN'S ROLE IN THE FIELD OF ENERGY SECURITY, IN PARTICULAR - IN NATURAL GAS SUPPLIES

This text is part of a significantly larger and broader research project, carried out within the framework of the work of the Laboratory on the Problems of the Black Sea and Caspian Region (LPBSCR) at the Academy of National and Information Security - ANIS (in the near past - Higher School of Security and Economics - HSSE).

The presented bibliography covers mainly the period 2020-2025, although attention is also paid to older publications. Throughout all these years, international scientific interest in the problems of the Southern Gas Corridor and the so-called "Middle Transport Corridor" ("Transcaspian International Transport Corridor") has remained at a high level. It should be noted here that the escalation of hostilities in Ukraine in February 2022, rendered meaningless a large part of the analytical materials, especially those published in 2016-2018, when writing which the authors, through no fault of their own, worked from starting positions that are completely different from today's geopolitical reality.

For understandable reasons, considerable attention has been paid to Russian-language literature, taking into account the fact that Russia is certainly extremely interested in the processes taking place in the Caspian region and the South Caucasus: in the field of diversification of energy supplies; in the field of overcoming contradictions between the countries of the Caspian Sea basin, especially along the Azerbaijan-Turkmenistan and Turkmenistan-Uzbekistan axes; in the field of expanding cooperation between the former Soviet republics in the use of the Caspian Sea shelf for hydrocarbon extraction; the creation of new strategic routes for the transmission of energy carriers and electricity, and so on [1, p 172].

Russian researchers are clearly aware of the role of the Southern Gas Corridor as a tool for diversifying natural gas imports into the EU; they are keenly interested in assessing Turkey's ability to provide a transit gas corridor; they understand the place of the Southern Gas Corridor in the EU's energy strategy; they reflect on the risks that arise when there is a "touch" between the interests of the countries of the "Eurasian Space" and Turkish energy projects. Naturally, in the spirit of the Russian (and Soviet) tradition, detailed analyses of the place of the Transcaucasus in the policies of countries such as Turkey, the USA and Canada are made. Russian-Bulgarian relations in their energy aspect have not been overlooked, and the creation of new logistics nodes for natural gas trade in South-Eastern Europe is also being

monitored.

In turn, Azerbaijani researchers, as well as researchers of Azerbaijani origin working in the Russian Federation, consistently work on the legal assessment of cooperation between Azerbaijan and the EU in the energy sphere and ensuring the energy security of Europe; on the assessment of the potential of the Azerbaijani gas industry; on the current state of energy security in Azerbaijan; on the capabilities of the Caspian region as a whole, as a supplier of natural gas to Europe; on the development of Azerbaijan's relations with the European countries through which the Southern Gas Corridor passes, especially Italy; on the problems of implementing the concept of the Southern Gas Corridor and, more precisely, on the problems of increasing supplies to the EU countries [2, p. 273].

Russian researchers are working on clarifying the energy component of security in the South Caucasus; they pay special attention to the various manifestations of Turkey's policy - from the Western Balkans to the Caspian region; they analyze the policy of various countries involved in the transport of energy carriers, reflected in public debates in various European countries; they also carefully analyze the direct relations between Azerbaijan and the European Union, as well as the EU's policy in the Caspian region as a whole.

Russian researchers do not fail to address the dimensions of Azerbaijan's energy security as the flagship of Caspian participation in the energy diversification of Southeastern and Southern Europe, as well as the foreign policy strategy of the Republic of Azerbaijan in the conditions of geopolitical realities in the South Caucasus. They recognize that the geopolitics of energy infrastructure in the Caspian region is dynamically changing and try to assess Russia's prospects in the new geopolitical order taking shape in the South Caucasus and the Caspian region [3, p. 4].

It can be summarized that no detail of the situation in the South Caucasus, the Caspian region, Turkey or along the route of the Southern Gas Corridor has remained beyond the scope of attention of Russian researchers. *We can have no doubt that the huge volume of research activity, in which a number of Armenian scientists are also involved - from Armenia or from the diaspora, is widely used in the work of Russian special services and the relevant state analytical centers* [4, p. 7].

Without going into great detail, it can be emphasized that a negative attitude "on a scientific basis" towards the Southern Gas Corridor (SGC) and especially towards the

Trans-Caspian Gas Pipeline, considered a very important supplier of natural gas to be transported via the SGC, was expressed as early as 2012. At that time, Ionova defined the Trans-Caspian Gas Pipeline as a "factor of instability in the Caspian region". Another question is in what way, and to what extent, Russia can influence the ongoing processes along the Caspian – Southeastern and Southern Europe axis.

In Bulgaria, undoubtedly one of the research centers where intensive work is being done on monitoring and analyzing the situation in the South Caucasus and Central Asia is the Laboratory on the Problems of the Black Sea and Caspian Region (LPBSCR) at ANIS. In the focus of the research work of the Laboratory are: the potential of Azerbaijan and the countries of Central Asia (mostly Turkmenistan and Kazakhstan), as well as their practical actions for the diversification of supplies to the energy market in the EU countries; Azerbaijani expansion of the gas markets in Southeastern and Southern Europe, as well as the influence of the European Union's "soft power" on the domestic and foreign policy of Azerbaijan; the current geopolitical and geoeconomic dimensions of the Armenian-Azerbaijani conflict; the geopolitical positioning and place on the energy map of Azerbaijan [5, p. 32].

The Laboratory also works very seriously on the problems of the so-called "historical" or generational collective trauma. Historical trauma has been studied as a concept and phenomenon of great importance for the behavior of large masses of people and entire societies [35], and comparisons have been made between the manifestations of similar generational collective trauma among Bulgarians and Azerbaijanis.

Of course, there are other researchers who have devoted time and effort to work on the topic of the South Caucasus and the Caspian region, either independently or in cooperation with the Laboratory (LPBSCR) at ANIS. Some of the works of such authors are the result of fieldwork in Azerbaijan, and are mainly devoted to the trade and economic relations between Bulgaria and Azerbaijan.

Geoeconomic realities and changes in the geopolitical landscape, even before the final escalation of the war between Russia and Ukraine, are forcing Western researchers to work in depth on the energy securitization of Europe, as well as on the geopolitical vision of the free world for the Southern Gas Corridor. These analyses are carried out in parallel with the assessment of power in EU-Russia relations and with the understanding of the interaction between markets and geopolitics, including in the light of the already escalated military actions in Ukraine.

Western researchers pay very serious attention to the Southern Gas Corridor itself. The second phase of the Southern Gas Corridor (SGC) is specifically analyzed as part of the European infrastructure and a factor in the EU's energy security; the SGC is also analyzed as part of international

energy networks, as a combination of resources, vision and engineering infrastructure; the Southern Gas Corridor is also considered as a field of collision of various geoeconomic and geopolitical coalitions. Western researchers also carefully analyze the possible roles of Azerbaijan in the implementation of the second phase of the Southern Gas Corridor – SGC [6, p. 32].

The SGC has also been the subject of a number of scientific publications devoted to specific problems of the operation of this mega-facility. Here we will mention, for example, the analysis of global navigation satellite system data collected along the Southern Gas Corridor and the assessment of expected displacements and deformations.

Important issues, such as the construction of the Trans-Caspian gas pipeline, which underpin the sharp increase in the quantities of natural gas that could be delivered via the Southern Gas Corridor and from there – underpin the sharp increase in the geo-economic weight of the corridor and Azerbaijan – are even being considered jointly by Western scientists and scientists from the Eurasian space. Similarly, there are publications with "mixed authorship" about trade corridors in the Caspian region.

By the way, the growth of the role of the Southern Gas Corridor is always considered in its synergistic relationship with the "Middle Corridor" - the "Trans-Caspian International Transport Route", whose role has grown enormously since February 2022.

In the period 2021-2023, we also witness the publication of important studies that examine the evolution of the place of the Southern Gas Corridor in the European energy agenda; the geopolitics, infrastructure aspects and assessment of the scale of the SGC; the relations between Europe's energy security and Caspian gas; the geoeconomics of EU energy trade in the context of the Southern Gas Corridor case; the new realities and opportunities facing the SGC, which have arisen after the dramatic change in circumstances after February 2022; the possibility of forming coalitions for the export of natural gas along the Southern Gas Corridor to Europe in the context of game theory [7, p. 12].

Bibliography:

1. Юнусова С. Южный газовый коридор как фактор энергетической безопасности Европы. – Баку: Elm və Təhsil, 2021. – 198 с.
2. Cornell S. E., Starr Frederick S. (eds.). The New Connectivity of Eurasia: Transport Corridors and Geopolitics. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2023. – 420 p.
3. Socor V. Azerbaijan's Expanding Gas Supplies to Europe // Eurasia Daily Monitor. – Washington, DC: Jamestown Foundation, 2022. – Vol. 19, Issue 142. p. 1–6. – 6 p.
4. Kardas S. The Southern Gas Corridor after 2022:

- New Prospects for Azerbaijani Gas // OSW Commentary. – Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2023, No. 500. – 12 p.
5. International Energy Agency. Azerbaijan Energy Profile. – Paris: IEA, 2023. – 45 p.
6. BP. Statistical Review of World Energy 2023. – London: BP plc, 2023. – 69 p.
7. Taghizade Z. Azerbaijan and European Energy Security in the Post-Ukraine War Period // Caucasus International. – 2023. – Vol. 13, No. 2, P. 45–60. – 16 p.
8. Euractiv Research. The EU-Azerbaijan Energy Partnership after 2022. – Brussels: Euractiv, 2024. – 18 p.

Ivan GALABOV (Bulgaria),
M.Sc., LPBSCR at the ANIS

“STATE OF THE ART” OF RESEARCH RELATED TO AZERBAIJAN'S ROLE IN THE FIELD OF ENERGY SECURITY, IN PARTICULAR - IN NATURAL GAS SUPPLIES

Summary. This report examines the current state of research concerning Azerbaijan’s role in the field of energy security, particularly its contribution to the supply of natural gas to the countries of Southeastern and Southern Europe, as well as its position as a global supplier of crude oil. The study presents a comprehensive bibliography on the subject, focusing primarily on publications issued during the period 2020–2025. Special attention is given to the significant geopolitical and geo-economic changes that have occurred following the escalation of the war in Ukraine in February 2022 and their impact on assessments of Azerbaijan’s role in regional and global energy markets.

Keywords: oil pipelines, gas pipelines, Baku, Tbilisi, Ceyhan, Supsa, Southern Gas Corridor, SCP, TANAP, TAP, physical security, hybrid attacks, engineering infrastructure

Иван ГАЛАБОВ (Болгария),
магистр наук (M.Sc.), Лаборатория по проблемам
Черноморского и Каспийского региона (LPBSCR) при ANIS

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ РОЛИ АЗЕРБАЙДЖАНА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, В ЧАСТНОСТИ — В ПОСТАВКАХ ПРИРОДНОГО ГАЗА

Резюме. В докладе рассматривается «современное состояние» исследований, связанных с ролью Азербайджана в сфере энергетической безопасности, в частности, в поставках природного газа в страны Юго-Восточной и Южной Европы и его ролью как глобального поставщика сырой нефти. Представлена подробная библиография по данной теме, в основном посвященная публикациям, вышедшим в период 2020-2025 годов, с учетом резких изменений геополитической и геоэкономической ситуации после эскалации войны на Украине в феврале 2022 года.

Ключевые слова: нефтепроводы, газопроводы, Баку, Тбилиси, Джейхан, Супса, Южный газовый коридор, SCP, TANAP, TAP, физическая безопасность, гибридные атаки, инженерная инфраструктура

Орудж ОРУДЖОВ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение. Существует множество проблем, с которыми сталкивается весь мир, которые выходят за рамки границ одного государства. Это также включает киберпреступность, изменение климата, вооружённые конфликты и пандемии. Такие опасности невозможно решить одним человеком. Таким образом, страны создают международные организации и отправляют дипломатов, чтобы представлять интересы своих народов, искать компромиссы и достигать соглашений.

Международные организации помогают государствам сотрудничать в решении проблем, «которые слишком велики для одной страны», говорит Совет по международным отношениям. Наиболее известными из них являются ООН, НАТО, Европейский союз, Всемирная торговая организация, «Большая двадцатка» и Международный уголовный суд. Они были созданы для сохранения мира, расширения торговли и контроля над мировыми финансами. Тем не менее, с течением времени их критикуют за устаревшие правила: Совет Безопасности ООН поддерживает баланс сил после Второй мировой войны, правила Международной торговой организации отстают от цифровой экономики, а Международный уголовный суд сталкивается с нехваткой ресурсов и политической силой. Тем не менее, такие организации продолжают служить платформой для переговоров и коллективных решений.

Статистические данные подтверждают теорию дипломатии: с 1945 года при посредничестве ООН было достигнуто более 1 300 мирных соглашений. Дипломаты играют важную роль в предотвращении конфликтов, развитии сотрудничества и укреплении доверия между государствами. В 2023 году дипломатия помогла разрешить двенадцать важных конфликтов. Но сама дипломатика меняется: теперь она должна реагировать на кибератаки, климатические катастрофы и глобальные экономические проблемы, а также мобилизовать ресурсы для гуманитарной помощи. По данным ООН, 123 миллиона человек были вынуждены бежать из-за войны или стихийных бедствий, а лишь 43% средств были выделены на удовлетворение гуманитарных потребностей [1].

Цель этой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, как дипломатия и международные организации формируют глобальную политику, какие стандарты и принципы лежат в основе их деятельности, какие академические методы используются для оценки

этих стандартов и как эти структуры реализуются на практике. Азербайджан, который будет председателем СІСА в 2024–2026 годах, является примером проблем, с которыми сталкивается многосторонняя система. Язык статьи будет максимально понятен читателю, который не знаком с международным правом.

Теоретические основы: что такое дипломатия и международные организации? Переговоры и создание отношений между государствами для предотвращения конфликтов и достижения совместных целей называются дипломатией. Она помогает искать общую позицию по различным вопросам, таким как терроризм, торговля, экология и гуманитарная помощь. Дипломаты выступают как посредники, переговорщики и строители доверия; они предотвращают эскалацию через разговор, поддерживают сотрудничество в торговле и экологии и укрепляют долгосрочные отношения между людьми.

Когда несколько государств заключают соглашение и создают постоянную институцию для решения общих проблем, возникает международная организация. Согласно исследованию, такие организации действуют на основании учредительных договоров и имеют собственную волю, отличную от воли государств-членов. Они имеют право действовать на международном уровне и могут принимать решения, регулирующие отношения между государствами в различных областях. В настоящее время насчитывается от 250 до 350 международных организаций. Это показывает, что страны понимают важность взаимозависимости и необходимости сотрудничества в решении глобальных проблем. Кроме того, происходит изменение парадигмы международного права от изоляционизма к сотрудничеству. Эта трансформация происходит постепенно из «права сосуществования» в «право сотрудничества» [2].

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года — самый известный документ, регулирующий работу дипломатов. Она гарантирует неприкосновенность дипломатических миссий, гарантирует, что дипломаты не будут арестованы, защищает их дома и обеспечивает им свободу передвижения. Конвенция была принята 18 апреля 1961 года и была ратифицирована 193 странами, что делает ее основой дипломатического права. Благодаря этому посольства остаются безопасными местами для переговоров даже во время кризисов. Когда же

стандарты грубо нарушаются, как в случае штурма посольства Мексики в Кито в 2024 году, международное сообщество жестко реагирует, требуя, чтобы договор был соблюден [3].

Устав Организации Объединенных Наций содержит основы международного порядка. В первой статье указано, что цель организации состоит в том, чтобы гарантировать мир и безопасность на международном уровне, создавать дружественные отношения, основанные на равноправии и самоопределении народов, сотрудничать в решении экономических, социальных и гуманитарных проблем и служить местом для координации действий государств. Большинство международных организаций следуют этим целям. В Преамбуле Устава отмечается, что объединение народов имеет целью «сберечь будущие поколения от бедствий войны» и «подтвердить веру в фундаментальные права человека и равные права мужчин и женщин» [4].

Нормативная база: как работают глобальные и региональные институты. Международные организации бывают региональными, объединяющими страны определенного региона, и универсальными, охватывающими все мировое сообщество. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций и Всемирная торговая организация, работают над созданием правил и механизмов, которые помогут сохранить мир, расширить торговлю и контролировать экономику. Региональные организации, такие как Европейский союз, Африканский союз, Организация американских государств, Шанхайская организация сотрудничества или Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, занимаются вопросами, специфичными для определенных регионов, от урегулирования конфликтов до координации экономической политики.

Совет по международным отношениям рассматривает шесть основных международных организаций: ООН, НАТО, Евросоюз, Всемирная торговая организация, «Большая двадцатка» и Международный уголовный суд. Все эти организации были созданы для того, чтобы способствовать глобальному миру и процветанию, и они составляют основу либерального мирового порядка. Тем не менее, их деятельность подвергается критике: Совет Безопасности ООН отражает баланс сил 1945 года, правила ВТО не поспевают за технологическими изменениями, а Международный уголовный суд испытывает недостаточную поддержку. Несмотря на это, даже критики согласны с тем, что без подобных платформ мировое сотрудничество было бы хаотичным, поскольку именно эти платформы помогают странам дипломатически решать потенциально опасные вопросы

[5].

Основой международной дипломатии служат Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года и Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года. Эти конвенции регулируют как заключение, так и выполнение соглашений. Многие региональные организации имеют свои учредительные документы. Африканский союз основан на стремлении к единству и развитию континента, Европейский союз основан на принципах совместного рынка, прав человека и верховенства права, а ОДКБ и ШОС координируют вопросы безопасности в Евразии.

Особое внимание уделяется специализированным учреждениям ООН. Международный суд ООН решает споры между государствами, Международная организация труда устанавливает стандарты труда, Всемирная организация здравоохранения регулирует международные санитарные меры, Всемирная организация интеллектуальной собственности защищает авторские права, а Международная организация по миграции помогает в управлении потоками перемещенных людей. Хотя разделение компетенций требует эффективной координации, оно позволяет организациям сосредоточиться на конкретных проектах.

Доктринальные подходы и научные дебаты. Различные ученые и практики различно оценивают функции дипломатии и международных организаций. Реалистические сторонники считают, что международные отношения определяются борьбой между государствами, стремящихся к собственной выгоде и безопасности. Они считают, что международные организации отражают баланс сил и служат инструментами влияния сильных государств. Либералы, напротив, видят в них механизм коллективного решения проблем, который помогает государствам обеспечивать взаимную выгоду и преодолевать «ловушку анархии».

Согласно исследованию, рост международных организаций способствовал переходу от права сосуществования к праву сотрудничества, что привело к развитию международного права. В соответствии с этой концепцией институты служат местом, где формируются и поддерживаются стандарты. Тем не менее критики отмечают, что многие организации страдают от недостатка демократии и подвержены влиянию ограниченного круга стран, что поставило под сомнение их легитимность. В Совете Безопасности ООН, где пять постоянных членов обладают правом вето, это особенно очевидно [6].

Идея многоуровневого управления утверждает, что международные организации, национальные правительства, региональные структуры, города, бизнес и гражданское общество работают вместе для решения

глобальных проблем. Цифровая дипломатия и публичная дипломатия становятся все более важными. Дипломаты используют цифровые инструменты, такие как социальные сети и онлайн-платформы, для объяснения политических решений, мобилизации поддержки и борьбы с дезинформацией. Дипломаты должны иметь новые навыки для решения современных проблем, таких как искусственный интеллект, кибербезопасность и цифровой разрыв.

Гендерный фактор также имеет решающее значение. Согласно исследованиям, участие женщин в дипломатии и мирных процессах укрепляет соглашения и делает их более справедливыми. Доля женщин на руководящих должностях в международных организациях остается низкой, несмотря на прогресс. Для достижения гендерного равенства необходимо не только количественное представительство, но и устранение препятствий, препятствующих участию и защите от насилия, в том числе в Интернете.

Реализация на национальном уровне: опыт Азербайджана. Международные правила и соглашения эффективны только тогда, когда государства готовы их реализовать. Азербайджан является активным членом многих международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Движение неприсоединения, ОБСЕ и Организация исламского сотрудничества. В 2024 году страна возглавила Конференцию по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СІСА). Азербайджан будет строить своё председательство «на опыте страны как мостостроителя в глобальной дипломатии», опираясь на лидерство в многосторонних платформах и «твёрдую приверженность миру, стабильности и устойчивому развитию», заявил министр иностранных дел Джейхун Байрамов. Он заявил, что СІСА является самой широкой площадкой для диалога в Азии, и что в свете нарастающих вызовов и многополярности регион должен действовать в единстве, сотрудничестве и общей ответственности [7].

Азербайджан ставит перед СІСА три основные задачи: создание институциональной основы организации, повышение доверия в секторальном сотрудничестве и развитие сотрудничества с другими международными организациями. Цифровизация, устойчивый рост, транспортная доступность, поддержка малого бизнеса и поддержка женского предпринимательства — все это области, на которые уделяется особое внимание. Кроме того, Азербайджан намеревается расширить сотрудничество СІСА с ООН, Шанхайской организацией сотрудничества и АТЭС, подчеркивая, что ни одна организация не может работать эффективно одна. Этот пример демонстрирует, что даже небольшие государства могут влиять на мировые

процессы, если они создают условия для обсуждения и сотрудничества.

Другие страны также используют международные сообщества для защиты своих национальных интересов и решения региональных проблем. Например, Гана является членом Африканского союза, а Коста-Рика — членом Межамериканской системы защиты прав человека.

Современные вызовы и тенденции. Межгосударственная система переживает трудный период, несмотря на большое количество соглашений и организаций. Стратегия «прекращения огня без построения мира» больше не работает: согласно экспертному докладу СІДОВ, в 2025 году будут обсуждаться перемирия, но не мир, а дипломатические усилия в Украине и на Ближнем Востоке станут проверкой системы, которая не может решить основные причины конфликтов. Политика меняется, мировые лидеры недовольны, а борьба между США и Китаем угрожает превратиться в торговую и технологическую войну.

Во Всемирном экономическом форуме отмечается, что мир проходит от стабильного порядка к более нестабильному периоду: многие общества выступают за совместные решения глобальных проблем, но политическая турбулентность может подорвать сотрудничество. «Глобальный барометр сотрудничества 2025» (Global Cooperation Barometer) утверждает, что, хотя общий уровень сотрудничества был выше доковидного, в последние три года он стагнировал. Особый спад наблюдается в области мира и безопасности, где рост числа перемещённых лиц и геополитическая напряжённость привели к падению индекса. В то же время сотрудничество в других областях, таких как торговля и капитал, инновации и технологии, климат и здоровье, демонстрирует неравномерный прогресс. Например, цифровизация экономики способствует инновациям, но снижает помощь в здравоохранении. Лидеры должны быть гибкими и использовать новые подходы к сотрудничеству, учитывая неудовлетворительные темпы достижения Целей устойчивого развития (лишь 17 % из них на верном пути) [4].

Список вызовов современности также включает:

- Геополитические трещины. Война в Украине, противостояние США и Китая, кризисы в Газе и Судане создают поляризацию и затрудняют поиск компромиссов.

- Климатический хаос. Климатические бедствия могут переместить до 1,2 миллиарда человек к 2050 году, а оставшееся окно для удержания роста температуры в пределах 1,5 °C быстро закрывается.

- Цифровые дилеммы. Кибершпионаж,

использование искусственного интеллекта в оружии и разрыв в доступе к интернету усложняют работу дипломатов

- Сокращение ресурсов. Развивающиеся страны имеют совокупный долг в 3 триллиона долларов, получая лишь 1% финансирования по климатическим программам.

- Гуманитарная цена. В 2024 году погибли 282 сотрудника гуманитарных организаций, что показывает риски, с которыми сталкиваются дипломаты на местах.

Эти вызовы усугубляются дезинформацией и кибератаками: почти 39% дипломатических коммуникаций подвергались киберугрозам. В то же время цифровые инструменты открывают новые возможности: кампании цифровой дипломатии достигли 1,2 млрд человек, а ООН разработала Декларацию будущих поколений и Всемирный цифровой договор, нацеленный на обеспечение универсального доступа к интернету и развитие этического искусственного интеллекта.

Синтез и предложения. Согласно анализу, дипломатия и международные организации продолжают играть важную роль в глобальной политике, но они требуют обновления. Во-первых, необходимо усилить многосторонность. Сотрудничество является единственным способом решить проблемы, которые «слишком велики для одной страны». Чтобы добиться этого, организации должны стать более представительными и гибкими, например, изменить Совет Безопасности ООН, расширить участие стран Африки и Азии и облегчить участие малых государств. Во-вторых, необходимы инвестиции в цифровую и публичную дипломатию. Государства должны получить навыки кибербезопасности, борьбы с дезинформацией и общения с гражданами с помощью социальных сетей. В-третьих, необходимо повысить финансовую устойчивость международных организаций. Недостаточно только добровольных взносов, как показывает пример Фонда миростроительства; необходимы обязательные взносы, привлечение частного сектора и международных финансовых институтов.

В четвертых, женщины и молодёжь должны активно участвовать. Гендерно сбалансированная дипломатия улучшает соглашения и укрепляет их. Повестка «Женщины, мир и безопасность» должна быть обязательной для всех стран, а международные организации должны обмениваться лучшими практиками. В-пятых, принцип взаимосвязанности уровней имеет решающее значение, поскольку глобальные решения должны учитывать местные условия и поддерживаться национальными стратегиями,

как это было в случае с председательством Азербайджана в СICA. Более эффективны модели управления, объединяющие местные обычаи и глобальные стандарты.

Заключение. Дипломатия и международные организации играют ключевую роль в поддержании мира, развитии торговли, защите прав человека и решении глобальных проблем. Несмотря на критику и кризисы, они продолжают служить площадками для диалога и координации. Современные вызовы — от геополитических конфликтов до климатического хаоса и цифровых угроз — требуют адаптации институтов и появления новых форм сотрудничества. Переосмысление многосторонности, усиление цифровой дипломатии, участие женщин и молодёжи, устойчивое финансирование и уважение к культурному разнообразию могут помочь создать более справедливый и безопасный мир.

Библиография:

1. Council on Foreign Relations. Six Essential International Organizations You Need to Know – <https://education.cfr.org/learn/reading/six-essential-international-organizations-you-need-know> (дата обращения: 02.06.2026).
2. Schiller International University. The Role of Diplomacy in a Connected World: Challenges and Opportunities. – <https://www.schiller.edu/blog/the-role-of-diplomacy-in-a-connected-world-challenges-and-opportunities/> (дата обращения: 02.06.2026).
3. Joseph J. Explainer: What Is the Vienna Convention on Diplomatic Relations and How Does It Relate to the Mexico–Ecuador Incident? – <https://www.jurist.org/features/2024/04/09/explainer-what-is-the-vienna-convention-on-diplomatic-relations-and-how-does-it-relate-to-the-mexico-ecuador-incident/> (дата обращения: 02.06.2026).
4. United Nations. Charter of the United Nations. Chapter I: Purposes and Principles. – <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/chapter-1> (дата обращения: 02.06.2026).
5. World Economic Forum. The Global Cooperation Barometer 2025: Second Edition. – <https://www.wita.org/atp-research/global-cooperation/> (дата обращения: 02.06.2026).
6. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan. Statement by Mr. Jeyhun Bayramov at the 7th CICA Ministerial Council. – <https://mfa.gov.az/en/news/no49924> (дата обращения: 02.06.2026).
7. United Nations. Preamble to the Charter of the United Nations. – <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/preamble> (дата обращения: 02.06.2026).

Орудж ОРУДЖОВ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Резюме. Мир XXI века тесно переплетён: изменения климата, вооружённые конфликты, экономические кризисы и пандемии выходят далеко за национальные границы. В таких условиях дипломаты и международные организации оказываются в центре событий, помогая государствам договариваться, выработать общие правила и коллективно реагировать на глобальные вызовы. Статья кратко описывает, что такое дипломатия, как функционируют международные организации, почему они играют важную роль в глобальной политике и с какими проблемами они сталкиваются. Автор объясняет, что государства создают группы, чтобы решать проблемы, которые не под силу одной нации, и что современная дипломатия — это больше, чем просто переговоры; это также включает в себя взаимодействие с обществом, цифровую коммуникацию и обеспечение безопасности людей. Азербайджанское председательство в Конференции по взаимодействию и мерам доверия в Азии (CICA) и его стремление к сотрудничеству служат примером национального опыта. Рекомендации для реформирования институтов, повышения доверия между странами, развития цифровой дипломатии и поддержки женщин и молодежи в глобальной политике являются завершением работы.

Ключевые слова: дипломатия, международные организации, глобальная политика, многосторонность, международное сотрудничество, ЦИКА, международное право, цифровая дипломатия, гендерное равенство.

Oruj ORUJOV (Azerbaijan)

Master’s Student, Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan

DIPLMACY AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN GLOBAL POLITICS: ROLES, CHALLENGES, AND PROSPECTS

Summary. The twenty-first-century world is deeply interconnected, with climate change, armed conflicts, economic crises, and pandemics transcending national borders. In this context, diplomats and international organizations occupy a central position in global affairs, helping states negotiate, develop common rules, and collectively respond to emerging challenges. This article provides an overview of diplomacy and the functioning of international organizations, examining their significance in global politics and the challenges they currently face. The author argues that states establish international institutions to address problems that cannot be effectively managed by individual nations acting alone, and that modern diplomacy extends far beyond traditional negotiations, encompassing public engagement, digital communication, and the protection of human security. Azerbaijan’s Chairmanship of the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA) and its commitment to international cooperation are presented as examples of national diplomatic practice. The article concludes with recommendations aimed at institutional reform, strengthening trust among states, advancing digital diplomacy, and promoting the participation of women and youth in global governance.

Keywords: diplomacy, international organizations, global politics, multilateralism, international cooperation, CICA, international law, digital diplomacy, gender equality.

Ayan HUSEYNLI (Azerbaijan),
master in international relations

GLOBAL GOVERNANCE IN TRANSITION: SOUTHERN PERSPECTIVES, REGIONAL INTEGRATION, MULTIPOLARITY, AND REFORM OF THE UNITED NATIONS

Introduction. The twenty-first century includes major shocks to the global order: economic crises, shifts toward multiple power centers, the retreat of globalization, and demands for institutional reform. These events encourage a renewed look at International Relations (IR) theories and governance frameworks, especially those shaped by the Global South. This essay addresses four related themes from influential readings: criticisms and conceptual models from the Global South (Class 5), the emergence of regional blocs and a possible end to globalization (Class 6), the rise of multipolarity and its impact on global order (Class 7), and efforts to reform the United Nations (Class 9). In this exploration, I identify crucial objections to Western dominance, propose alternative ideas for cooperation and development, and consider the tensions among power, justice, and worldwide representation..

Critiques and Conceptual Frameworks from the South. International Relations often reflects Eurocentric ideas that sideline voices from the Global South. In “Core, Periphery, and (Neo)imperialist International Relations” (2013), Arlene Tickner argues that IR theory mainly focuses on the interests of dominant states and treats peripheral ones as mere data sources. According to Tickner, this approach positions the Global South as an object of analysis and a target of policy but rarely as a generator of its own theoretical insights. This creates a dynamic where the Global South is simultaneously a subject of study and a recipient of policy, but rarely a producer of conceptual frameworks [5, p. 149]. This epistemological dominance is echoed in Patrick Bond’s *Extreme Uneven Development* (2023), which discusses how financial volatility and capitalist crises disproportionately affect the Global South. Bond’s analysis of South Africa highlights how global capitalism perpetuates “super-exploitation,” maintaining economic dependency through debt, extractivism, and labor exploitation. Both authors expose how imperialist and neo-imperialist structures continue to shape the global political economy, despite the rhetoric of development and partnership [10, p. 271].

Pros and Cons. The strength of these critiques lies in their call for epistemic justice—a recognition that the Global South can and must contribute to theory-making. They also urge scholars to deconstruct the asymmetries of knowledge and power. However, one limitation is the relative lack of concrete institutional pathways offered for integrating Southern frameworks into global academic and policy circles. While the critique is powerful, the solutions are more diffuse.

The End of Globalization? The Importance of Regionalism. The second thematic concern—the supposed decline of globalization—emerges from the fracturing of global supply chains, rising protectionism, and the fragmentation of international cooperation. Shannon K. O’Neil’s *The Globalization Myth* (2023) argues that globalization, contrary to conventional wisdom, has always been regional. The rise of regional supply chains in North America and Asia is not a retreat from globalization, but a reorganization of it into regional hubs. Similarly, David Adler and Guillaume Long advocate for deeper Latin American regional integration, positioning regionalism as a counterweight to both U.S. hegemony and Chinese economic expansion (2023).

Other sources reflect this shift. Kristalina Georgieva warns of economic fragmentation and the global system’s inability to withstand future shocks (2023), while the *World Politics Review* documents how backlash against global trade is accelerating realignments (2023). Together, these readings suggest that regionalism is no longer a secondary phenomenon but a core feature of global politics [13, p. 631].

Pros and Cons. Regionalism offers political autonomy, cultural proximity, and shared economic interests. It may also buffer developing nations from the volatility of global markets. However, regionalism is not a panacea. As Adler and Long caution, regional integration in Latin America faces historical challenges of inequality, political instability, and weak institutions. Moreover, regionalism can become exclusionary, replicating inequalities within regions even as it resists global ones.

Multipolarity: Redefining the Global Order. The transition from a unipolar to a multipolar world—marked by the rise of China, India, Russia, and coalitions like BRICS—has reignited debates about the nature of global power. Juan Tokatlian’s lecture “North and South in a Multi-Polar World” (2023) frames this transition as an opportunity for the Global South to assert more agency. However, Patrick Bond is far more skeptical. In his 2022 article, Bond critiques BRICS as a “sub-imperial” force that often collaborates with Western capital rather than challenging it. The BRICS nations, he argues, frequently reproduce internal inequalities and external dependencies.

Patrick Bond (2023), in *Extreme Uneven Development*, the effects of financial instability and capitalist crises on regions of Global South are all too harsh. Research

on South Africa reveals how global capitalism deepens "super-exploitation" and subservience to a particular form of "economic dependency" through debt, resource exploitation and labor injustice. These points indicate the existence of imperialist and neo-imperialist structures that do not stand because of promises of development and partnership.

According to Bond et al. (2023), some middle powers are often used for the sake of Western interests. As suggested by Hippolyte Fofack (2023), BRICS can thereby contribute to a de-colonial multipolar future. Daron Acemoglu (2023) describes the BRICS's expansion as politically motivated and without a unified economic program that may limit its impact over the long term [3, p. 286].

Pros and Cons. Strategic opening in a multipolar environment is an option of strategic opening for developing nations, weakening Western hegemony. Where emerging powers are attempting to build the system back or to retain their monopoly, it is unclear. For example, no BRICS alliance has a single ideology, and its members have different attitudes towards the global justice. The advent of this situation doesn't just give way to debates over which style strengthens democracy while the other destabilizes the power hierarchies; rather, those debates have already been raised this century.

Reform of the United Nations: Representation and Legitimacy. The focus of wider investigations about global governance is institutional modifications. Cristina Petcu (2020) believes that a UN Parliamentary Network is needed in order to correct democratic deficiency at the UN and to expand organizational participation. It would enhance transparency and accountability levels, if this network is established, in that together with regional representatives and marginalized groups, civil society would have an increased visibility. It is presented in the course of a crucial historical period. However, there are multiple critiques available against the UN for the unsuccess of managing both natural disasters and military battles as well as its inside Security Council structure. The Global South strongly supports transformation because states have great economic and population power but inadequate parliamentary authority [4, p. 57].

Pros and Cons. This is a realistic step of establishing a parliamentary network, as an expansion of UN inclusivity that does not require changes to its Charter framework. This network could be less potent than it could be because of its advisory role. The network has to struggle to become such a meaningful force for change, since it lacks substantive power and the dependable financial support. This would probably cause powerful member states who benefit from imbalances in system present to resist the ongoing challenge to the status quo.

Conclusion. And these four elements of global transformation have emerged with the characteristics of global South critiques, re-emergence of regional partners,

multipolar benefits and challenge, and necessary UN institutional reforms. However the Global South's role in the international field has shifted from accepting foreign international norms to being an important force that creates new concepts and organization frameworks while participating in the political sphere. A multipolar structure and a concatenation of new regional partnerships render several ways to unite, without losing traditional power structures under different names. We need fundamental changes in the United Nations in institutional terms, but they must be based on dismantling of power disparities and accepting other knowledge systems. This leads in the diverse points of view towards creation of a global system founded on pluralism, which comprise plurality of the centers of the power, different legitimacies, and different philosophical conceptions of the world. For students to take up international practice roles, they have to study the current system and devise innovative approaches to each international area the world over.

Bibliography:

1. Adler D., Long G. Latin America Is Stronger Together: The Case for Regional Integration // *Foreign Affairs*. – 2023.
2. Acemoglu D. The Wrong BRICS Expansion // *Project Syndicate*. – 2023.
3. Bond P. Extreme Uneven Development: Financial Volatility, Deep Capitalist Crisis and Super-Exploitation in South Africa and the World. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – 345 p.
4. Bond P., García A., Borba M. Western Imperialism and the Role of Sub-imperialism in the Global South // *New Politics*. – 2021. – Vol. 18, No. 2, P. 52–62.
5. Bond P. Leaning on the BRICS as a Geopolitical Counterweight Leads Only to Faux-Polyarchic, Subimperial "Spalling" // *Journal of World-Systems Research*. – 2022. – Vol. 28, No. 1, P. 146–152.
6. Editors. The Backlash against Globalized Trade // *World Politics Review*. – 2023.
7. Editors. With a Resurgent Left, What's Next for South America? // *World Politics Review*. – 2023.
8. Fofack H. Piece by Piece, the BRICS Really Are Building a Multipolar World // *Atlantic Council*. – 2023.
9. Georgieva K. The Price of Fragmentation // *Foreign Affairs*. – 2023.
10. O'Neil S.K. The Globalization Myth: Why Regions Matter. – New Haven: Yale University Press, 2023. – 320 p.
11. Palacio A. A BRICS Revival? // *Project Syndicate*. – 2023.
12. Petcu C. Create a UN Parliamentary Network as an Advisory Body to the UN General Assembly // *Stimson Center*. – Washington, D.C., 2020.
13. Tickner A.B. Core, Periphery and (Neo)imperialist International Relations // *European Journal of International*

Relations. – 2013. – Vol. 19, No. 3, P. 627–646.
14. Tokatlian J.G. North and South in a Multi-Polar World: Conference Paper Presented at The New School. – New York, 2023.

15. Zondi S., Sempijja N., Mphambukeli T. BRICS and Digitally Just and Inclusive Futures // Journal of BRICS Studies. – 2023. – Vol. 2, No. 1, P. iii–iv.

Ayan HUSEYNLI (Azerbaijan),
master in international relations

GLOBAL GOVERNANCE IN TRANSITION: SOUTHERN PERSPECTIVES, REGIONAL INTEGRATION, MULTIPOLARITY, AND REFORM OF THE UNITED NATIONS

Summary. The article examines the changing nature of global governance in the context of the emerging multipolar international order. It analyzes the historical evolution of diplomacy and international organizations, with particular attention to the successes and limitations of the League of Nations and the United Nations. The study explores the impact of cultural, religious, and civilizational factors on international politics and assesses the effectiveness of diplomacy in resolving contemporary conflicts. Drawing upon realist approaches, the concept of Realpolitik, and selected case studies, including the Arab Spring, the Russia–Ukraine war, and the experience of Azerbaijan, the article argues that existing international institutions face growing difficulties in responding to contemporary global challenges. Particular attention is devoted to the need for structural reform of the United Nations system, especially the Security Council, through broader representation of different civilizational and regional actors. The article concludes that the future effectiveness of global governance will depend on the ability of international institutions to adapt to the realities of multipolarity, cultural diversity, and shifting geopolitical balances.

Keywords: global governance, diplomacy, international organizations, United Nations, Security Council reform, multipolarity, regional integration, Global South, Realpolitik, clash of civilizations

Аян ГУСЕЙНЛИ (Азербайджан),
магистр международных отношений

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Резюме. В статье рассматривается трансформация системы глобального управления в условиях формирования многополярного мирового порядка. Анализируется историческая эволюция дипломатии и международных организаций, особое внимание уделяется достижениям и ограничениям Лиги Наций и Организации Объединённых Наций. Исследуется влияние культурных, религиозных и цивилизационных факторов на международную политику, а также оценивается эффективность дипломатии в урегулировании современных конфликтов. На основе реалистического подхода, концепции Realpolitik и анализа ряда кейсов, включая события «арабской весны», российско-украинский конфликт и опыт Азербайджана, обосновывается тезис о том, что существующие международные институты сталкиваются с возрастающими трудностями в реагировании на современные вызовы. Особое внимание уделяется необходимости структурного реформирования системы ООН, прежде всего Совета Безопасности, посредством расширения представительства различных цивилизационных и региональных центров силы. Делается вывод о том, что эффективность глобального управления в будущем будет зависеть от способности международных институтов адаптироваться к реалиям многополярности, культурного многообразия и меняющегося баланса сил в мировой политике.

Ключевые слова: глобальное управление, дипломатия, международные организации, Организация Объединённых Наций, реформа Совета Безопасности, многополярность, региональная интеграция, Глобальный Юг, Realpolitik, столкновение цивилизаций

Nurlan ASGAROV (Azerbaijan),
master’s student of the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

THE ROLE OF DIPLOMACY AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN GLOBAL POLITICS

Foundations of the World Order: Diplomacy and International Organizations. Diplomacy has evolved as an instrument of interstate relations since ancient times. A review of early history demonstrates that diplomatic practices were already being employed by ancient civilizations such as Mesopotamia, Egypt, and the Greek city-states. During these periods, diplomacy served as one of the principal mechanisms for concluding treaties, establishing alliances, and resolving conflicts. One notable example is the Treaty of Kadesh, signed in 1259 BCE between Ancient Egypt and the Hittite Empire, which is widely regarded as the oldest known peace treaty in human history. Another example of successful diplomatic practice can be found in Ancient Greece, where Pericles of Athens utilized diplomacy and alliance-building to strengthen Athens’ position and influence throughout the Greek world.

Moving to a later historical period, particular attention should be given to the Peace of Lodi, signed in 1454 among the Italian city-states with the aim of temporarily ending ongoing conflicts on the Italian Peninsula. This agreement is considered a significant turning point in the history of modern diplomacy. It was in the aftermath of this development that the foundations of the permanent diplomatic mission, later embodied in the institution of the embassy, began to emerge.

Subsequently, the Congress of Vienna (1814–1815), convened following the Napoleonic Wars to establish a new framework for international relations in Europe, provided further impetus to the development of diplomacy. The Congress introduced important principles of interstate cooperation and balance of power that would shape European diplomacy for much of the nineteenth century [1, p. 195].

The most profound transformations, however, became evident in the early twentieth century as a consequence of structural deficiencies within the international political system. This century witnessed two World Wars as well as the prolonged period of the Cold War. Despite the growing importance of diplomacy and the establishment of international organizations, the international community continued to face significant challenges in maintaining peace and stability.

Following the end of the First World War in 1918, the Allied Powers sought to create a framework capable of preserving international peace and security. To this end, they convened a conference in Paris in 1919, followed by a series of negotiations in Washington. The primary objective of these diplomatic initiatives was to prevent future conflicts

and establish a more stable international order. Yet an important question remains: Were these efforts truly effective? What factors ultimately undermined this system and led to its failure?

The answers to these questions became apparent through the very course of the events themselves. The first major issue was that the defeated states were not invited to participate in the conference, and their perspectives regarding the post-war settlement were largely ignored. Few policymakers considered that such exclusion could foster resentment and political radicalization both within the governments of the defeated countries and among their populations. This oversight would later contribute to growing instability and dissatisfaction with the emerging international order.

Another significant issue concerned the proposals put forward by U.S. President Woodrow Wilson, who presented his famous Fourteen Points during the negotiations. One of the central elements of Wilson’s vision was the creation of an international organization dedicated to maintaining peace and preventing future conflicts—the League of Nations. Ironically, however, the United States itself never became a member of the organization. This development significantly undermined both the credibility and effectiveness of the League from its very inception.

Nevertheless, the League of Nations was formally established and began its operations. During its early years, it achieved a number of diplomatic successes. Among its notable accomplishments was the peaceful settlement of the Aland Islands dispute between Sweden and Finland in 1921, the resolution of tensions surrounding Upper Silesia between Germany and Poland, and diplomatic efforts regarding the Mosul question, which had the potential to provoke conflict between Turkey and Iraq. These cases demonstrated that international disputes could, under certain conditions, be addressed through negotiation and multilateral diplomacy rather than military confrontation.

Despite these achievements, the League ultimately failed to fulfill its primary mission of preserving international peace. Its inability to prevent aggression and enforce collective security contributed to the conditions that led to the outbreak of the Second World War. Furthermore, the post-war international system that emerged afterward would eventually evolve into the geopolitical rivalry of the Cold War, highlighting the continued challenges of maintaining a stable and inclusive world order [2, p. 106].

The reasons behind these failures remain relevant to contemporary international politics. Many of the shortcomings that undermined the League of Nations can still be observed in various forms within the modern international system. Although historical circumstances change, unresolved issues and recurring policy mistakes often reappear in new contexts, producing similar consequences. At the same time, it would be simplistic to attribute these problems solely to the institutional weaknesses of international organizations. Numerous other factors contribute to international instability, including cultural, religious, political, and regional differences among nations. In some cases, conflicts emerge as a result of competing geopolitical interests and double standards pursued by major powers. In others, they are fueled by states that deliberately exploit existing divisions to advance their strategic objectives.

Having examined these developments and the sequence of events that shaped them, we are now better positioned to analyze the broader dynamics of international diplomacy and global governance. An understanding of these historical experiences provides an essential foundation for evaluating both the achievements and limitations of international organizations and diplomatic mechanisms in addressing contemporary global challenges.

Frameworks of Cooperation and the Challenges of Conflict Resolution. The failure of the League of Nations ultimately contributed to the circumstances that led to the outbreak of the Second World War in 1939. Following the war, the organization ceased its activities and was replaced in 1945 by the United Nations (UN). Although the United Nations was established with the primary objective of maintaining international peace and security, its principal decision-making body in this area—the United Nations Security Council—has increasingly become a source of controversy. Critics argue that the institutional structure of the Council, particularly the veto power of its permanent members, has often hindered effective action and slowed down peace processes in various international crises. A deeper examination of this issue reveals the influence of cultural, religious, and regional factors on international relations. Drawing upon the arguments presented by Samuel P. Huntington in *The Clash of Civilizations* and the *Remaking of World Order*, it becomes possible to understand how civilizational differences continue to shape contemporary political processes. One of the major obstacles to the effective implementation of diplomacy arises from the internal dynamics of international organizations themselves.

International organizations constitute political arenas in which states representing different cultures, civilizations, religions, and historical experiences interact with one another. While such diversity enhances the legitimacy and inclusiveness of these institutions, it

simultaneously complicates the decision-making process. In this context, regional organizations often appear more effective in reaching consensus and implementing collective decisions. Examples include the European Union (EU) and the North Atlantic Treaty Organization (NATO), both of which frequently demonstrate greater flexibility and cohesion than universal organizations such as the United Nations. One explanation for this phenomenon is that the member states of regional organizations generally share a broader set of common political values, historical experiences, and strategic interests [3, p. 185].

Some observers may question this argument by pointing to the membership of countries such as Greece and Turkey. Greece is a member of both the European Union and NATO, while Turkey remains a member of NATO but has not been admitted to the European Union despite decades of candidacy. The explanation for this situation lies not solely in cultural affinity but also in geopolitical considerations.

During the Cold War, both the Western and Socialist blocs sought to expand their spheres of influence by shaping the political orientation of strategically important states. In the 1950s, Greece and Turkey occupied a critical geopolitical position between East and West. As socialist movements gained influence in both countries, the Soviet Union sought to increase its presence in the region. In response, the United States and its allies provided extensive economic assistance under the Marshall Plan and facilitated the integration of both countries into NATO. The primary objective of this strategy was not cultural solidarity but rather the containment of Soviet influence in the Eastern Mediterranean and the Middle East. Had cultural affinity alone determined membership decisions, some argue that Turkey might have become a member of the European Union long ago.

Another example can be found in the events commonly referred to as the Arab Spring. Former Italian Prime Minister Silvio Berlusconi, in his memoirs, noted that following the overthrow of Saddam Hussein in Iraq, Libyan leader Muammar Gaddafi sought to improve relations with Western states in order to avoid a similar fate. It is important to recognize that Libya has historically been characterized by a complex tribal structure. Under Gaddafi's rule, tensions among various tribes were largely contained, preventing major internal conflicts.

However, developments in 2011 dramatically altered the political landscape. French President Nicolas Sarkozy took a leading role in promoting international action against the Libyan regime and organized a summit of European leaders to coordinate policy responses. According to various accounts, some participants became aware of French military operations against Libya even before the summit had formally begun. At the time, Russian leaders, including Vladimir Putin, warned that external intervention could produce long-term instability and chaos. Subsequent

developments in Libya have often been cited by analysts as evidence supporting concerns regarding the unintended consequences of military intervention and regime change.

The ongoing conflict between Russia and Ukraine can also be examined through the lens of Huntington's civilizational framework. Huntington argued that Ukraine historically occupied a civilizational fault line between the Western and Orthodox worlds. According to this interpretation, the country has long exhibited cultural, political, and regional divisions that have periodically manifested themselves in electoral politics and competing foreign-policy orientations [4, p. 142].

From this perspective, some analysts suggested that any attempt by Russia to fundamentally alter the status of Crimea or Ukraine's geopolitical orientation would inevitably provoke a strong response from Western powers. Critics of this interpretation often emphasize the common Slavic heritage shared by Russians and Ukrainians. Nevertheless, Huntington's theory highlights additional factors beyond ethnicity and language, particularly the role of religion and civilizational identity.

While both Russians and Ukrainians belong predominantly to the Slavic linguistic family, historical religious divisions have also influenced political identities within Ukraine. Western regions have traditionally been more closely associated with Catholic and Uniate traditions, whereas eastern regions have historically maintained stronger ties to Eastern Orthodoxy. These distinctions, together with differing historical experiences and geopolitical preferences, have contributed to internal political polarization. In this context, the interaction between religion, culture, and geopolitics illustrates how identity-related factors can influence both domestic politics and international relations.

These examples demonstrate how cultural and religious differences may contribute to political tensions, interstate conflicts, and disagreements within international organizations. They also illustrate the challenges faced by diplomatic institutions operating in an increasingly complex and diverse international environment, where consensus is often difficult to achieve and competing identities continue to shape political outcomes.

Diplomacy, International Organizations, and Realpolitik. It is widely understood that diplomacy serves as a key instrument in both bilateral and multilateral relations. However, the reality of international politics demonstrates that diplomacy does not always succeed in achieving its intended objectives. While diplomatic negotiations and international agreements remain essential mechanisms for managing interstate relations, their effectiveness is often constrained by the strategic interests of states and the broader dynamics of power politics.

Without venturing too far into historical examples, it is possible to observe how this phenomenon operates within

the contemporary international system. Beginning in the mid-twentieth century, major powers embarked upon the development of nuclear weapons, fundamentally transforming the nature of international security. In response to the risks associated with nuclear proliferation, a series of international agreements and arms-control regimes were established. The recognized nuclear powers undertook obligations aimed at limiting the spread of nuclear weapons, reducing nuclear arsenals, and regulating further development in this field.

Despite extensive diplomatic negotiations and numerous international treaties, states have not always fully complied with these commitments. There are several reasons for this outcome. The first is the problem of uncertainty. States can never be completely certain that their counterparts will faithfully adhere to international agreements. Consequently, even while publicly supporting arms-control initiatives, governments often continue to develop their strategic capabilities behind closed doors. This behavior reflects the practical application of the realist approach to international relations, commonly referred to as "Realpolitik". In simple terms, Realpolitik represents the translation of realist principles into actual state behavior, whereby national interests and security considerations take precedence over normative commitments and diplomatic declarations [6, p. 127].

A related explanation can be found in the concept known as the Prisoner's Dilemma, which occupies an important place in political science and international relations theory. The dilemma illustrates how two actors who lack mutual trust are incentivized to act in their own self-interest, even when cooperation might produce a better collective outcome. Since absolute certainty regarding another actor's intentions is impossible, states frequently choose policies that maximize their own security, regardless of existing agreements.

A contemporary example of this dynamic can be observed in the ongoing Russia-Ukraine conflict. By examining the origins and development of this war, one can better understand why diplomacy often struggles to prevent or resolve major international crises.

Following the collapse of the Soviet Union in the early 1990s, negotiations were initiated regarding the fate of the nuclear weapons stationed in newly independent states, particularly Ukraine and Kazakhstan. These discussions culminated in the signing of the Budapest Memorandum on Security Assurances in 1994. Under the terms of the agreement, Ukraine and Kazakhstan agreed to relinquish the nuclear weapons inherited from the Soviet Union. In return, their sovereignty, territorial integrity, and security were to be respected and guaranteed by the participating powers, including the United States, Russia, and the United Kingdom.

Developments in subsequent decades have raised

significant questions regarding the effectiveness of such diplomatic arrangements. One of the states that pledged to respect and guarantee Ukraine's security later became directly involved in a military conflict on Ukrainian territory. As a result, the Budapest Memorandum is frequently cited in contemporary debates concerning the credibility of security guarantees and the limitations of diplomatic assurances.

This situation also helps explain one of the major factors driving contemporary nuclear proliferation. Under the framework established by the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) in 1968, only a limited number of states were officially recognized as nuclear-weapon powers, while other countries were expected to refrain from developing nuclear arsenals. However, when states observe cases in which security assurances appear insufficient to prevent external threats, questions inevitably arise regarding the effectiveness of non-nuclear security arrangements.

This has led many policymakers and analysts to ask a controversial but important question: if Ukraine had retained the nuclear weapons inherited after the dissolution of the Soviet Union, would the current conflict have occurred in the same manner? While there is no definitive answer, the question itself illustrates the enduring relevance of nuclear deterrence in international politics. Nuclear weapons continue to play a central role in what is commonly referred to as deterrence policy, whereby the threat of devastating retaliation is intended to prevent potential aggression.

The broader implication is that international organizations often lack fully effective mechanisms for guaranteeing security or enforcing compliance with international norms. Although institutions such as the United Nations were established to preserve international peace and stability, their ability to compel states to follow agreed-upon rules remains limited. The creation of a truly effective mechanism capable of punishing major powers for violations of international law faces a fundamental obstacle: the international system remains state-centric. The very states that are expected to comply with international norms are also the architects, members, and principal decision-makers within international organizations. As a result, the enforcement of international rules is frequently shaped by political considerations and power relations rather than by purely legal principles.

This reality underscores one of the central dilemmas of contemporary international relations. While diplomacy and international organizations remain indispensable tools for managing global affairs, their effectiveness ultimately depends on the willingness of states to place collective security and international commitments above immediate national interests—a condition that has historically proven difficult to achieve.

Another argument frequently advanced in discussions of international relations is that diplomacy

becomes more effective when a greater number of states adopt democratic systems of governance. However, accepting this proposition as a universal truth would oversimplify the complexities of global politics. Historical and contemporary experience demonstrates that the relationship between democracy and international stability is far more nuanced.

Even Winston Churchill, one of the most influential political leaders of the twentieth century, acknowledged the shortcomings of democracy despite defending it as the least flawed among available political systems. As discussed earlier, the events associated with the Arab Spring provide an important example. Although many of the political systems in the region could not be described as democratic according to Western standards, they often functioned as mechanisms for maintaining stability within societies characterized by complex tribal, ethnic, and regional divisions. In several cases, attempts to rapidly introduce democratic governance were followed by prolonged political instability, state fragmentation, and internal conflict. The continuing turmoil in a number of countries affected by the Arab Spring illustrates the challenges associated with externally driven political transformation [7, p. 183].

From a realist perspective, democracy is sometimes viewed not merely as a political value but also as a foreign-policy instrument. States frequently promote democratic principles abroad when such policies coincide with their strategic interests. Conversely, when non-democratic governments serve important geopolitical or economic objectives, external pressure for democratization often diminishes. This observation has led many scholars of international relations to conclude that the promotion of democracy is not always guided solely by normative considerations but is often intertwined with broader calculations of national interest.

This perspective is frequently associated with the ideas of Henry Kissinger, one of the most prominent advocates of Realpolitik in modern diplomacy. Kissinger argued that international relations are ultimately driven by strategic interests and balances of power rather than by ideological preferences alone. From this viewpoint, the nature of a political regime becomes secondary so long as it contributes to stability and serves the interests of other major actors within the international system. When those interests change, however, calls for political reform and democratization often become significantly more pronounced.

These political realities suggest that democratization cannot be regarded as a universal solution for enhancing the effectiveness of diplomacy or improving the performance of international organizations. In some circumstances, rapid political transformation may even generate new sources of instability. One reason for this is that each region possesses

its own historical traditions, social structures, political culture, and governance practices. Consequently, institutional models that prove successful in one part of the world may not necessarily produce similar outcomes elsewhere.

Critics of contemporary international organizations often argue that these institutions have become increasingly ineffective in resolving major international crises. Despite extensive negotiations, resolutions, declarations, and voting procedures, many organizations struggle to prevent armed conflicts, civilian casualties, and large-scale military operations. In practice, states facing existential threats frequently rely on their own capabilities rather than on international mechanisms to secure justice and defend their sovereignty.

From this perspective, the experience of Azerbaijan is often cited as a notable example. For nearly three decades, the issue of the Armenian occupation of Azerbaijani territories remained unresolved despite numerous diplomatic initiatives and the involvement of various international organizations. Azerbaijan consistently sought a peaceful resolution through negotiations and diplomatic channels. However, according to this interpretation, the combination of institutional inefficiency and the perceived double standards of certain international actors prevented meaningful progress toward a settlement.

As a result, Azerbaijan ultimately restored its territorial integrity through military means in accordance with its understanding of the principles of sovereignty and self-defense under international law. Following these developments, attention from several international organizations increased considerably. Critics have pointed out that some institutions which had remained largely passive during the years of occupation became significantly more active after the territories were liberated.

The role of UNESCO is frequently mentioned in this context. During the period of occupation, Azerbaijani officials repeatedly raised concerns regarding the destruction of cultural heritage sites, religious monuments, and historical settlements in the occupied territories. According to this viewpoint, despite numerous appeals, international monitoring missions were not conducted and the issue received limited attention. Following the restoration of Azerbaijani control over these territories, however, international interest in conducting assessments and monitoring missions increased substantially. This contrast has led some observers to question whether international organizations always operate with complete neutrality or whether political considerations sometimes influence their priorities and actions.

More broadly, these debates reflect a central feature of contemporary international politics: the continuing importance of power. The modern international system

remains largely structured around the capabilities and influence of states. International law, resolutions, and institutional mechanisms undoubtedly play important roles, but their effectiveness often depends upon the willingness of powerful actors to support and enforce them.

Consequently, diplomacy should not be viewed as a mechanism capable of eliminating all conflicts. Rather, it serves as a tool for managing tensions, reducing risks, and delaying or mitigating potentially dangerous developments. Likewise, international organizations continue to face significant challenges in accommodating the diversity of cultures, civilizations, political systems, and interests that characterize the contemporary world. As global politics increasingly reflects the realities emphasized by realist theories of international relations, the influence of idealistic approaches has become more constrained, while considerations of power, security, and national interest remain at the center of international decision-making.

Foundations for Structural Change. At present, the international organization most frequently discussed in relation to contemporary global political developments is the United Nations (UN). However, many observers argue that its institutional structure is increasingly unable to effectively regulate the complex processes taking place within the international system. Decision-making mechanisms often encounter significant obstacles, and the organization's principal body responsible for maintaining international peace and security—the Security Council—has become one of the most controversial aspects of the UN system.

According to this perspective, the Security Council faces growing difficulties in managing the diversity of interests, identities, and priorities represented within the contemporary international community. Many of today's conflicts are not driven solely by territorial disputes or geopolitical competition; they are also influenced by cultural, religious, and civilizational differences. As a result, some scholars and political thinkers have proposed that meaningful reform of the Security Council should take these factors into account [6, p. 137].

One proposed approach involves reconsidering the composition of the Security Council itself. Rather than limiting decisive influence to a small number of major powers, proponents of this view argue that representation should be broadened to include the principal or "core" states of major civilizations. The rationale behind this proposal is that the successful resolution of contemporary conflicts requires not only military power but also cultural understanding, political legitimacy, and the ability to exercise soft power. In many cases, the states best positioned to mediate disputes are not necessarily those possessing the greatest military capabilities, but rather those capable of fostering dialogue and building trust among different societies and cultural communities.

From this standpoint, if international politics were determined exclusively by military strength, global governance would rely primarily on military alliances rather than international organizations. The continued existence of international institutions suggests that legitimacy, cooperation, and cultural understanding remain essential components of conflict resolution alongside traditional power considerations.

The relevance of civilizational factors in international relations has been emphasized by scholars such as Samuel P. Huntington, whose theory of the "Clash of Civilizations" continues to generate debate among academics and policymakers. Although many observers hoped that the technological progress and globalization described by Francis Fukuyama in *The End of History and the Last Man* would gradually reduce ideological and cultural divisions, contemporary developments suggest that identity-related issues remain highly influential. Cultural, religious, ethnic, and historical differences continue to shape international politics and frequently contribute to tensions in many of the world's conflict zones.

Consequently, some analysts argue that the international community requires an institutional framework that is more structured, representative, and responsive to civilizational diversity than the existing system. Such a framework would acknowledge differences in political traditions, cultural identities, and governance models rather than assuming a universal approach to conflict resolution. Without addressing these underlying realities, many long-standing international disputes may remain unresolved despite continued diplomatic efforts.

Conclusion. The developments examined throughout this study suggest that the role of international organizations and diplomacy in global politics is undergoing significant transformation. Contemporary international relations increasingly reflect a world characterized by asymmetries of power, strategic competition, and the pursuit of national interests. Within this environment, the ability of international organizations to influence political outcomes has become the subject of growing debate.

The United Nations, despite remaining the most comprehensive global institution for international cooperation, frequently encounters difficulties in achieving

consensus and implementing effective solutions to major international crises. In some instances, disputes resolved through bilateral negotiations have produced more tangible outcomes than issues discussed for years within multilateral institutions. This reality raises important questions regarding the effectiveness of existing mechanisms of global governance.

Furthermore, the prevalence of Realpolitik in contemporary international affairs demonstrates that political decisions are often shaped less by idealistic principles and more by calculations of power, security, and strategic interest. As cultural and political diversity continues to expand within the international system, institutions designed in the aftermath of the Second World War face increasing challenges in adapting to new realities.

For this reason, structural reform has become an increasingly important subject of discussion. If the institutional architecture of international organizations remains unchanged, their capacity to manage future crises may continue to decline. History demonstrates that unresolved structural deficiencies can have serious consequences for international peace and stability. The experience of the twentieth century serves as a reminder that ineffective international mechanisms may contribute to the escalation of global tensions rather than their resolution.

Accordingly, any future reform process should seek not only to address questions of power distribution but also to incorporate cultural, religious, and civilizational diversity into decision-making structures. Greater participation by representative states from different civilizational and cultural spheres could contribute to a more inclusive and balanced system of international governance. Such an approach would not eliminate conflict, but it could improve the legitimacy and effectiveness of international institutions in managing contemporary global challenges.

Ultimately, the continuation of existing approaches without meaningful adaptation risks preserving many of the shortcomings that currently hinder international cooperation. A more representative and responsive institutional framework may therefore be necessary if international organizations are to remain relevant and effective in an increasingly complex and multipolar world.

Bibliography:

1. Nicolson H. *Diplomacy*. – London: Oxford University Press, 1963. – 216 p.
2. Weiss T.G., Wilkinson R. *International Organization and Global Governance*. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 2018. – 712 p.
3. Gaddis J.L. *The Cold War: A New History*. – New York: Penguin Press, 2005. – 352 p.

4. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
5. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. – 1993. – Vol. 72, No. 3, P. 22–49.
6. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.
7. Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest*. – 1989. – No. 16, P. 3–18.
8. Friedman A. *Berlusconi: My Way: The Rise and Fall of*

Silvio Berlusconi in His Own Words. – New York: Hachette Books, 2015. – 416 p.

Nurlan ASGAROV (Azerbaijan),
master’s student of the Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

THE ROLE OF DIPLOMACY AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN GLOBAL POLITICS

Summary. In an era of increasing and increasingly complex interstate relations, diplomacy and international organizations are important tools for maintaining peace, resolving conflicts, cooperation, and global security. The main purpose of this article is to analyze the events taking place in the changing global political arena and not only the success, but also the failure and ongoing difficulties of these tools on these issues. While diplomacy and international organizations are often important tools for global politics, the failure of these tools to maintain their effectiveness due to the imbalance of power and the national interests of states is also a major topic of discussion.

Keywords: World Order, Lodi Peace Treaty, Kadesh Treaty, Congress of Vienna, NATO, Clash of Civilizations, League of Nations, UN, Arab Spring, European Union, Prisoner’s Dilemma, Realpolitik, UNESCO, Marshall Plan, Budapest Memorandum.

Нурлан АСКЕРОВ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

РОЛЬ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Резюме. В эпоху растущих и всё более сложных межгосударственных отношений дипломатия и международные организации становятся важными инструментами поддержания мира, разрешения конфликтов, сотрудничества и глобальной безопасности. Основная цель данной статьи — проанализировать события, происходящие на меняющейся мировой политической арене, и не только успехи, но и неудачи, а также сохраняющиеся трудности, связанные с использованием этих инструментов в решении этих вопросов. Хотя дипломатия и международные организации часто являются важными инструментами мировой политики, неспособность этих инструментов сохранять свою эффективность из-за дисбаланса сил и национальных интересов государств также является важной темой для обсуждения.

Ключевые слова: мировой порядок, Лодийский мирный договор, Кадешский договор, Венский конгресс, НАТО, столкновение цивилизаций, Лига Наций, ООН, Арабская весна, Европейский союз, Дилемма заключенного, Realpolitik, ЮНЕСКО, План Маршалла, Будапештский меморандум.

Khanim RZAZADA (Azerbaijan),

Master's student in international relations and diplomacy of the
Academy of Public Administration under the
President of the Republic of Azerbaijan

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN PEACEBUILDING AND CONFLICT RESOLUTION

Armed conflicts, ethnic confrontations, and political tensions occurring in the modern world exert a profound impact on the international security system. Under such conditions, the issues of peacebuilding and international cooperation in conflict resolution gain particular significance. This is because the establishment of sustainable peace is only achievable through the coordinated efforts of states, international organizations, and non-governmental entities.

The objective of peacebuilding is to eliminate the root causes of conflict and to establish the foundations for sustainable peace. This process requires a long-term commitment from the international community. However, peacebuilding efforts often demand the involvement of a broader range of actors beyond the "international community" alone. Government officials, civil society organizations, and local community leaders must also participate as key stakeholders.

To establish the conditions necessary for peace, the United Nations and non-governmental organizations often work alongside local actors. However, there are significant challenges in engaging multiple groups and stakeholders in a coordinated effort. Although all parties may share the goal of achieving sustainable peace, the actors involved in peacebuilding often have differing priorities. Non-governmental organizations tend to focus primarily on alleviating human suffering, whereas the United Nations seeks to promote stability within state institutions and society. Local actors, in turn, may prioritize the re-establishment of strong political authority and the affirmation of their sovereignty [1].

Moreover, the lack of sufficient funding and resources can further complicate peacebuilding efforts. While waging war requires substantial financial resources, the establishment of peace is also highly costly. Peace organizations and local actors frequently operate with limited funding for their international engagements, which can hinder the implementation of comprehensive peacebuilding initiatives.

In many cases, there are groups and actors that incite or benefit from conflicts. For instance, they may take steps to trigger potential conflicts in various regions in order to weaken neighboring areas, create business opportunities, or strengthen their own political power. Peacebuilding, therefore, involves exposing such groups and actors, confronting them, and seeking to limit their capacity to instigate or profit from conflict.

In recent decades, the activities and influence of international organizations have played a crucial role in shaping the global landscape. Institutions such as the United Nations, North Atlantic Treaty Organization, African Union, European Union, as well as various non-governmental organizations, serve as key actors in the field of conflict resolution. Their activities encompass a broad spectrum, ranging from mediating negotiations between warring parties to deploying peacekeeping forces in regions experiencing tension.

The role of international organizations in conflict resolution dates back to the early twentieth century, particularly to the establishment of the League of Nations following the World War I. Although this organization ultimately failed to prevent the outbreak of the World War II, it laid the essential groundwork for future international institutions and advanced the principles of collective security and cooperation among states. In the aftermath of World War II, the United Nations was established with a more robust framework, explicitly aimed at maintaining international peace and security. This reflected a collective commitment to preventing future conflicts through diplomacy, economic development, and humanitarian assistance. This historical trajectory demonstrates the growing recognition of the necessity of multilateral approaches in resolving conflicts [2].

International organizations employ a variety of mechanisms to resolve conflicts, including diplomacy, peacekeeping operations, humanitarian assistance, and economic sanctions:

1. **Diplomacy:** International organizations frequently act as mediators between conflicting parties and facilitate dialogue. For example, the United Nations Department of Political and Peacebuilding Affairs engages in diplomatic efforts to resolve conflicts through negotiations and dialogue. Mediators can encourage discussions, propose frameworks for agreements, and help build trust between the parties involved.
2. **Peacekeeping Operations:** Peacekeeping missions constitute one of the most visible and significant roles of international organizations. The United Nations has deployed peacekeeping forces to numerous conflict-affected regions, including the Democratic Republic of the Congo, Mali, and Cyprus. These missions encompass activities such as maintaining ceasefires, protecting civilians, and supporting the implementation of peace agreements. However, the effectiveness of peacekeeping operations can vary depending on factors such as the mandate, available resources, and the

level of cooperation among the parties involved.

3. Humanitarian Assistance: In the aftermath of conflicts, international organizations provide humanitarian aid to address the needs of affected populations. The United Nations and various non-governmental organizations deliver food, shelter, and medical assistance, thereby addressing immediate needs while also laying the groundwork for long-term recovery and stability. Such assistance is critically important for mitigating the humanitarian consequences of conflicts and creating conditions conducive to reconciliation.

4. Economic Sanctions and Incentives: International organizations may impose economic sanctions on states or entities that exhibit aggressive behavior or violate international norms. Such sanctions aim to compel compliance through economic pressure. Conversely, organizations can also offer economic incentives—such as development assistance or trade agreements—to promote peace and ensure stability in post-conflict regions [3].

The effectiveness of international organizations in conflict resolution is a subject of extensive discussion. On one hand, they have successfully mediated several notable conflicts, such as the peace agreements in El Salvador and Mozambique. The United Nations’s ability to bring parties together and facilitate dialogue has played a critical role in achieving sustainable solutions. Additionally, in some cases, peacekeeping missions have helped maintain stability in post-conflict societies, preventing the resurgence of violence.

However, the activities of international organizations have produced mixed results. Many peacekeeping missions have faced significant challenges due to insufficient mandates, limited resources, and a lack of cooperation from local actors. The 1994 Rwandan genocide provides a stark example of these limitations: although a UN mission was present in the country, it was unable to prevent mass killings due to the absence of strong intervention and commitment from member states. Moreover, the political dynamics within international organizations can further constrain their effectiveness. For instance, the United Nations Security Council often experiences deadlock due to the veto power held by its five permanent members. This can delay decision-making during crises or prevent consensus on critical issues, thereby limiting the organization’s capacity to act effectively [4, p. 196].

International organizations face a range of challenges when attempting to resolve conflicts. One of the primary obstacles is the principle of state sovereignty, which can complicate intervention efforts. Many states perceive external involvement as interference in their internal affairs and a violation of their sovereignty. This reluctance can hinder diplomatic initiatives and make the deployment of peacekeeping forces particularly difficult, especially during civil conflicts. Another significant challenge is financing. Peacekeeping missions and humanitarian programs require

substantial financial resources and often depend on voluntary contributions from member states. During periods of global economic instability, funding can become unpredictable, affecting organizations’ ability to implement their mandates effectively.

In addition, the complexity of modern conflicts presents a major difficulty. Contemporary conflicts often involve multiple actors, including non-state entities, which complicates traditional conflict resolution methods. For example, in conflicts involving terrorist organizations or transnational criminal networks, standard diplomatic and military strategies may prove insufficient. International organizations must account for this complexity by developing innovative approaches that address the multifaceted nature of modern conflicts.

In recent years, the role of international organizations in conflict resolution has evolved under the influence of changing global dynamics. The rise of regional organizations such as the African Union and the European Union has enhanced cooperation and fostered a more decentralized approach to conflict management. These organizations often have a better understanding of local contexts and, unlike larger and more bureaucratic institutions such as the UN, can respond more rapidly to crises. For instance, the African Union has been increasingly involved in peacekeeping and mediation efforts to address conflicts in South Sudan, Somalia, and the Central African Republic. This regional approach offers distinct advantages, as it allows for the implementation of solutions tailored to the historical and cultural contexts of conflicts.

Moreover, the integration of technology in conflict resolution has transformed the methods of international organizations. The use of social media, data analytics, and artificial intelligence has enhanced their capacity to monitor conflicts, assess risks, and engage with affected communities. Such technological integration helps improve the effectiveness of interventions while promoting greater transparency and accountability.

A number of concrete examples illustrating the role of international organizations in conflict resolution provide valuable insights into their effectiveness and the challenges they face:

1. United Nations and the Democratic Republic of the Congo: The UN peacekeeping mission in the Democratic Republic of the Congo (MONUSCO) is one of the largest and most complex missions in history. Established in 1999, MONUSCO has confronted numerous challenges, including ongoing violence by armed groups and the absence of a coherent political strategy. Nevertheless, the mission has played a critical role in maintaining stability in certain regions of the country and supporting the electoral process, demonstrating both the potential and the limitations of UN peacekeeping efforts.

2. African Union and South Sudan: The African Union's intervention in the South Sudan conflict reflects the evolving role of regional organizations in peacebuilding. Following the outbreak of civil war in 2010, the AU promoted peace negotiations and deployed a regional protection force to stabilize the situation. Although the AU faced criticism for its slow response and limited resources, this intervention demonstrates that regional organizations can exert significant influence at the local level.

3. European Union and the Western Balkans: The European Union's role in the Western Balkans illustrates how it can promote post-conflict recovery and integration. Through diplomatic efforts, economic assistance, and the prospect of EU membership, the organization helped stabilize the region following the violent dissolution of Yugoslavia in the 1990s. The EU's approach highlights the importance of long-term commitments to peacebuilding and demonstrates that conflict resolution extends beyond merely ending active hostilities [5, p. 273].

Conclusion. International organizations play a vital and multifaceted role in conflict resolution, addressing a wide range of global challenges through diplomacy, peacekeeping operations, and humanitarian assistance. Their capacity to mediate between conflicting parties and facilitate dialogue is critical for preventing escalation and ensuring long-term peace. Despite notable successes, these organizations face numerous challenges, including issues of state sovereignty, financial constraints, and the complexity of modern conflicts involving multiple actors. The evolving landscape of international relations requires organizations to adapt their strategies in order to remain effective. Collaboration with regional bodies and non-governmental organizations enhances their ability to respond promptly and appropriately

to specific contexts. Furthermore, the integration of innovative approaches, such as preventive diplomacy and transitional justice, is essential for addressing the root causes of conflicts and promoting sustainable peace. As global dynamics continue to shift, the importance of international organizations in conflict resolution will only increase. Their ability to manage the complexity of modern conflicts and foster cooperation among states is vital for building a more stable and prosperous world. In conclusion, sustained commitment to strengthening these organizations is indispensable for effective global governance and the advancement of international peace and security.

Bibliography:

1. The Role of International Organizations in Peace and Conflict. – <https://www.atlasoftodayworld.org/articles-global-issues/the-role-of-international-organisations-in-peace-and-conflict> (accessed on 12.05.2026).
2. Katti V.A. Analyzing the Role of International Organizations in Conflict Resolution // International Journal of Current Science. – <https://rjpn.org/ijcspub/papers/IJCSP11C1010.pdf> (accessed on 12.05.2026).
3. United Nations Development Programme (UNDP). Conflict Prevention and Peacebuilding. – <https://www.undp.org/eurasia/our-focus/governance-and-peacebuilding/conflict-prevention-and-peacebuilding> (accessed on 12.05.2026).
4. Bellamy A.J., Williams P.D. Understanding Peacekeeping. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 368 p.
5. Caplan R. International Governance of War-Torn Territories: Rule and Reconstruction. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 288 p.

Khanim RZAZADA (Azerbaijan),

Master's student in international relations and diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN PEACEBUILDING AND CONFLICT RESOLUTION

Summary. In the contemporary world, armed conflicts, ethnic tensions, and political instability significantly impact the international security system. Achieving sustainable peace is only possible through the combined efforts of states, international organizations, and non-governmental organizations. Peacebuilding not only aims to prevent or stop direct violence but also addresses "structural violence," such as inequality, injustice, and intergroup tensions within society, creating conditions for lasting peace and positive social change.

International organizations, including the United Nations, NATO, the African Union, the European Union, and various NGOs, play a vital role in conflict resolution. They employ a range of mechanisms such as diplomacy, peacekeeping, humanitarian aid, and economic incentives. Through diplomacy, they facilitate dialogue between conflicting parties to prevent escalation. Peacekeeping missions maintain ceasefires, protect civilians, and support the implementation of peace agreements. Humanitarian assistance addresses immediate needs and lays the groundwork for long-term recovery and stability, while economic measures, including sanctions and incentives, encourage peaceful behavior and post-conflict reconstruction. Issues such as state sovereignty, funding limitations, and the complexity of modern conflicts involving multiple state and non-

state actors can hinder their effectiveness. Regional organizations and NGOs provide local knowledge and rapid response capacity, while innovative approaches such as preventive diplomacy and transitional justice help address the root causes of conflict and promote reconciliation.

Case studies from the Democratic Republic of the Congo, South Sudan, and the Western Balkans illustrate both the successes and limitations of international efforts. UN missions like MONUSCO have stabilized parts of conflict zones, while regional organizations like the AU and EU have played critical roles in facilitating peace talks, post-conflict recovery, and integration. These examples highlight that sustainable peace requires long-term commitment, cooperation, and adaptation to evolving global dynamics.

Keywords: International organizations, Conflict resolution, Peacebuilding, Diplomacy, Post-conflict recovery, Multilateral cooperation, Humanitarian assistance

Ханым РЗАДАЕ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ

Резюме. В современном мире вооружённые конфликты, этническая напряжённость и политическая нестабильность оказывают значительное влияние на международную систему безопасности. Достижение устойчивого мира возможно только благодаря совместным усилиям государств, международных организаций и неправительственных организаций. Миростроительство направлено не только на предотвращение или прекращение прямого насилия, но и на устранение «структурного насилия», такого как неравенство, несправедливость и межгрупповая напряжённость в обществе, создавая условия для длительного мира и позитивных социальных изменений.

Международные организации, включая Организацию Объединённых Наций, НАТО, Африканский союз, Европейский союз и различные НПО, играют жизненно важную роль в разрешении конфликтов. Они используют широкий спектр механизмов, таких как дипломатия, миротворчество, гуманитарная помощь и экономические стимулы. Через дипломатию они способствуют диалогу между конфликтующими сторонами для предотвращения эскалации. Миротворческие миссии поддерживают прекращение огня, защищают гражданское население и содействуют реализации мирных соглашений. Гуманитарная помощь удовлетворяет непосредственные потребности и создаёт основу для долгосрочного восстановления и стабильности, в то время как экономические меры, включая санкции и стимулы, поощряют мирное поведение и восстановление постконфликтных регионов.

Такие вопросы, как принцип государственного суверенитета, ограниченность финансирования и сложность современных конфликтов, включающих множество государственных и негосударственных акторов, могут препятствовать их эффективности. Региональные организации и НПО предоставляют локальные знания и возможность оперативного реагирования, в то время как инновационные подходы, такие как превентивная дипломатия и переходное правосудие, помогают устранять коренные причины конфликтов и способствуют примирению.

Примеры из Демократической Республики Конго в Африке, Южного Судана и Западных Балкан иллюстрируют как успехи, так и ограничения международных усилий. Миссии ООН, такие как MONUSCO, стабилизировали отдельные части конфликтных зон, в то время как региональные организации, такие как АС и ЕС, играли ключевую роль в содействии мирным переговорам, постконфликтному восстановлению и интеграции. Эти примеры показывают, что устойчивый мир требует долгосрочной приверженности, сотрудничества и адаптации к меняющейся глобальной динамике.

Ключевые слова: международные организации, разрешение конфликтов, миростроительство, дипломатия, постконфликтное восстановление, многостороннее сотрудничество, гуманитарная помощь

**Порядок публикации и требования к оформлению статей международного научного
журнала «Право и политология»**

Для опубликования статьи в журнале необходимо отправить на электронную почту журнала публикуемые материалы. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов должен быть от 8 до 15 страниц (Times New Roman, 14 шрифт, 1,5 интервала, верхнее, нижнее, правое и левое поля должны быть 2 см)

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- электронный адрес и телефон автора (соавторов);
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- ключевые слова (не менее 10 слов);
- основной материал (текст) статьи;
- список использованной литературы.

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев Н.Г. Армянская экспансия и международные договоры по Южному Кавказу в XX-XX вв. (Историко-правовое исследование). – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2021. – 184 с.
 2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
 3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
 4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
 5. Makili-Aliyev, Kamal. Contested Territories and International Law. *A Comparative Study of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Aland Islands Precedent*. – London & New York: Routledge, 2019. – 114 pp.
 6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
 7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).
- Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование.

Решение о публикации статьи в журнале принимается главным редактором журнала.

The order of publication and requirements for the design of articles of the scientific journal "Law and Politology"

To publish an article in the scientific journal "Law and Politology", the author should submit the materials in electronic form to the editorial office of the journal. Only original articles that have not been previously published in other publications are subject to publication in the journal.

The volume of published materials should be from 8 to 15 pages (Times New Roman, 14 font, 1.5 spacing, upper, lower, right and left margins should be 2 cm).

Articles published in the journal consist of the following elements:

- information about the author (co-authors), including: Full name of the author (co-authors), academic degree of the author (co-authors), place of work or study of the author (co-authors), position of the author (co-authors);
- e-mail address and phone number of the author (co-authors);
- a brief abstract of the article (500-580 pages), giving a general description of the work (in Russian and English);
- keywords (at least 10 words);
- the main material (text) of the article;
- list of references.

The design of footnotes is end-to-end: the number and page of the scientific source are indicated in the text (in square brackets). The list of references is published at the end, in the order of citation, according to the example below:

1. Aliyev N.G. Armenian expansion and international treaties on the South Caucasus in the XX-XX centuries. (Historical and legal research). – Kiev: Dmitry Burago Publishing House, 2021. – 184 p.
2. Almond, G. A., Verba, S. Civic culture and the stability of democracy. - Polis, 1992, No. 4, p. 122-134.
3. On the approval of the Strategy for the Social Integration of Persons with Disabilities (2010-2013). Law of the Republic of Moldova No. 169 of July 9, 2010 - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, October 12, No. 200-201, p. 660.
4. Speech by President Ilham Aliyev at a political briefing on the theme "European Union and Azerbaijan - new ways of cooperation", held on May 19, 2004. - Azerbaijan, 2004, May 22.
5. Makili-Aliyev, Kamal. Contested Territories and International Law. *A Comparative Study of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Aland Islands Precedent*. – London & New York: Routledge, 2019. – 114 pp.
6. Osaka Declaration on Tourism Development. – www.world-tourism.org.
7. In electronic sources, it is mandatory to indicate the date of access (reference). Is Israel waging a cyberwar against Iran? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Articles proposed for publication in the journal undergo mandatory peer review. The decision to publish an article in the journal is made by the co-chairs of the editorial board of the journal.